ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

АЙАР БАШАРАН

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ И ЮЖНОКАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ, ТУРЦИИ И ИРАНА (1991–2021)

5.5.4. Международные отношениия, глобальные и региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:

Кандидат исторических наук

Дружиловский С.Б.

Москва – 2022

Оглавление

Введение 3
Глава 1. Теоретическая основа исследования: конструктивистская теория международных отношений 16
1.1. Происхождение конструктивистской теории международных отношений. 16
1.2. Конструктивистская реакция на недостаток рационалистических теорий .. 19
1.3. Основные принципы конструктивистской теории 22
1.4. Типология конструктивизма 23
1.5. Ключевые понятия конструктивизма 24
Глава 2. Российская внешняя политика в Центральной Азии и на Южном Кавказе 34
2.1 Внешняя политика России 1991–2021 гг. 34
2.2 Основные концепции внешней политики России 40
2.3. Векторы российской внешней политики в отношении республик Центральной Азии и Южного Кавказа 49
Глава 3. Турецкая внешняя политика в Центральной Азии и на Южном Кавказе 69
3.1 Внешняя политика Турции 1991–2021 гг. 69
3.2 Основные концепции во внешней политике Турции 79
3.3. Векторы турецкой внешней политики в отношении республик Центральной Азии и Южного Кавказа 84
Глава 4. Политика Ирана в центральной Азии и на Южном Кавказе 99
4.1. Внешняя политика Исламской Республики 99
4.2. Основные концепции во внешней политики Ирана 109
4.3. Векторы внешней политики Исламской Республики Иран в Центральной Азии и на Южном Кавказе 113
Глава 5. Анализ современных взаимоотношений между Россией, Турцией и Ираном в Центральной Азии и на Южном Кавказе 128
5.1 Сравнение российской, турецкой и иранской региональной дипломатии .. 128
5.2. Взаимоотношения между региональной политикой России, Турции и Ирана 142
Заключение 151
Список использованной литературы 163

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования.

С возникновением многополярного мирового порядка значение региональных акторов возрастает. В этом контексте Россия как глобальная держава пытается сохранить свою сильную позицию на евразийской шахматной доске, когда США и ЕС, с одной стороны, и Китай, с другой, пытаются повлиять на регион. Однако многоцентричная глобальная политическая система не позволяет исследователям рассматривать современные события только через призму «конкуренции великих держав». Напротив, растущий вес региональных акторов подталкивает политологию к более детальному и глубокому анализу каждого региона в соответствии с его спецификой. Турецкая Республика и Исламская Республика Иран – это два важнейших актора наряду с Российской Федерацией, влияющих на политику стран Центральной Азии и Южного Кавказа.

Внешняя политика Российской Федерации претерпела фундаментальные изменения после распада Советского Союза в 1991 г. Попытки найти место в мировом порядке, ориентированном на Запад, в качестве равноправного партнера уступили место мировоззрению, рассматривающему Москву как один из формирующихся центров многополярного мира. В этой самоидентификации в качестве одной из великих держав формирующегося мира Россия пытается создать свою зону влияния, закрытую для вмешательства любых конкурирующих держав. Этот подход лежит в основе центральноазиатской и закавказской стратегии Москвы: стремление к экономической интеграции со странами региона; противодействие вмешательству нерегиональных стран; рассмотрение «цветных революций» как средства американского интервенционизма; координация действий с республиками Центральной Азии и Кавказа в отношении угроз безопасности. События в регионе, российско-грузинская война 2008 г., кризис на Украине, приход к власти талибов в Афганистане, азербайджано-армянская война 2020 г., таджикско-кыргызская напряженность, массовые движения в Казахстане и многое другое указывают на то, что вышеупомянутая стратегия России является

трудновыполнимой задачей и что регион сохранит свою взрывоопасность в обозримом будущем.

Для Турецкой Республики появление тюркских республик после распада СССР имело положительное значение. Турецкая стратегия заключалась в создании общетюркского объединения с центральноазиатскими и кавказскими республиками посредством тесного политического, экономического и культурного взаимодействия. Однако амбициозные попытки 1990-х гг. со временем превратились в более рациональный и прагматичный подход. Главная цель сегодня - осваивать региональные энергетические ресурсы, открыть рынки для турецкого бизнеса и укрепить многостороннюю внешнюю политику Турции при поддержке правительств стран Центральной Азии и Южного Кавказа. Создание Организации тюркских государств, тесное военное сотрудничество с Азербайджаном и Казахстаном, растущая миграция в Турцию из стран региона и стратегически важные энергетические проекты показывают важность и актуальность региональной политики Турции.

Исламская Республика Иран, в свою очередь, оказалась в центре международной политики из-за переговоров по ядерной программе, международного давления и санкций под эгидой США, борьбы со странами Персидского залива и тесных связей со многими неправительственными организациями по всему Ближнему Востоку. В рамках мировоззрения Тегерана Иран находится под постоянной угрозой со стороны США и Израиля, и сопротивление этой предполагаемой угрозе является главной внешнеполитической задачей революционного режима. Со своей стороны Центральная Азия и Южный Кавказ являются относительно безопасными зонами для Ирана, поскольку там нет прямой враждебности по отношению к нему со стороны региональных акторов. С начала 1990-х гг. это подталкивало Тегеран к поддержанию статус-кво в регионе. Однако изменение ситуации в Афганистане после вывода американских войск и прихода к власти движения талибан и на Южном Кавказе после азербайджано-армянской войны 2020 г. заставило Иран сделать эти регионы приоритетным в своей внешней политике.

Сегодня как никогда важны трехсторонние отношения между этими тремя странами, особенно после успеха Астанинского процесса. Россия, Турция и Иран все больше взаимодействуют по многим вопросам, включая безопасность, торгово-экономические отношения и энергетику. Тем не менее, отражение этих отношений в Центральной Азии и на Южном Кавказе до сих пор недостаточно изучено. Поэтому в исследовании будет сделана попытка показать, как осуществляется политика этих стран в указанном регионе. Новизна исследования обусловлена выбором кейсов (Россия, Турция и Иран) и в теоретических рамках конструктивистского подхода.

Степень разработанности проблемы.

Теоретическую основу исследования составляют работы политических конструктивистов, таких, как А. Вендт[1], Н.Г. Онуф[2], Т. Хопф[3], К. Реус-Смит[4], И. Нейманн[5], К.М. Фирке[6], Б. Демирташ[7], Я. Херд[8], Дж. Дж. Руджи[9], С. Вебер[10], Х. Катсумата[11], Н. Мессари[12], П. Коверт[13], Д. Кэмпбелл[14]. Также автором были

[1] Wendt A. Social Theory as Cartesian science. in Guzzini, S.; Leander, A. Constructivism in International Relations – Wendt and his critics. New York: Routledge, 2006. p. 171-198; Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. p. 221-239; Wendt A. Constructing International Politics. International Security, 1995 20(1), p.71-95; Wendt A. Collective Identity Formation and the International State. American Political Science Review, 1994. 88(2), p. 378-401; Wendt A. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. International Organization, 1992. 46(2), 391-425; Wendt A. Constructing International Politics. International Security, 1995 20(1), p.71-94.

[2] Onuf N. G. World of our making: Rules and rule in social theory and international relations / H.Bull - University of South Carolina Press, 1989. 325 P.

[3] Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory / T. Hopf // International Security. -1998. Vol. 23 No. 1. P. 171-200.

[4] Reus-Smit.C. Constructivism. In Theories of International Relations. 5th Edition; ed. by S. Burchill. - Palgrave McMillan, 2013. P 394.

[5] Neumann, I. Self and other in International Relations / I. Neumann // European Journal of International Relations. -1996. - Vol.2. -P. 139-174.

[6] Fierke K.M. Constructivism / K.M. Fierke // International Relations Theories 3rd Edition; ed. by T. Dunne. -Oxford University Press, 2013. P. 187-215.

[7] Demirtaş B. İnşacılık / B. Demirtaş // Uluslararası İlişkiler Teorileri ed.by A. Balcı, Ş. Kardaş. -Küre Yayınları, 2013. -P. 170.

[8] Hurd I. Constructivism / I. Hurd // Oxford Handbook of International Relations; ed. by C. Reus-Smit. —Oxford University Press, 2013. —P. 298-317.

[9] Ruggie J.G. What Makes the World Hang Together? Neo-utilitarianism and the Social Constructivist Challange. / J.G. Ruggie // International Organization. -1998. -Vol. 52. -P. 855-885.

[10] Weber C. International Relations Theory - A Critical Introduction 3rd ed. / C. Weber. -Routledge, 2010. -P. 239.

[11] Katsumata H. Establishment of the ASEAN Regional Forum: constructing a ‘talking shop’or a ‘norm brewery’? / H. Katsumata //The Pacific Review. -2006. -Vol. 19. -No. 2. -P.181-198.

[12] Messari N. Identity and Foreign Policy / N. Messari // Foreign Policy in a Constructed World; ed. by V. Kubalkova. - Routledge, 2001. —312 P.

[13] Kowert P. Toward a Constructivist Theory of Foreign Policy / P. Kowert // Foreign Policy in a Constructed World; ed. by V. Kubalkova. Routledge, 2001. -312 P.

[14] Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity / -University of Minnesota Press, 1992. P. 308.

использованы конструктивистские исследования российских, турецких и иранских политологов, в том числе: Б. Румелили, В. Морозов[15], А.А. Сергунин[16], А.П. Цыганков[17], Б. Демирташ[18], Х. Юкселен[19], К.Р. Рамазани[20], М. Омеличева[21], Б. Моазами[22], П. Ипек[23], Ф. Атрисангари[24].

Существует много работ по внешней политике России, Турции и Ирана. Российской внешней политике с 1991 г. посвящены коллективные работы под редакцией А.В. Торкунова,[25] А.С. Протопопова,[26] а также авторские исследования А.Д. Богатурова,[27] А.И. Никитина,[28] А.П. Цыганкова,[29] А.А. Сергунина[30], К. Дардена[31], М.В. Харкевича[32], С.А. Караганова[33], О.Н. Быкова,[34] Т.В.Бордачева[35] и др.

[15] Morozov V., Rumelili B. (2012) The external constitution of European identity: Russia and Turkey as Europe-makers. Cooperation and Conflict. 47(1), p. 28-48.
[16] Sergunin A. Explaining Russian Foreign Policy Behavior – Theory and Practice / ibidiem: Stuggart. 2016. P. 160.
[17] Tsygankov A.P. Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity / A.P. Tsygankov. -Rowman & Littlefield, 2006. –P. 218.
[18] Demirtaş B. İnşacılık. in Kardaş, Ş.; Balcı, A. Uluslararası İlişkiler Teorileri. İstanbul: Küre Yayınları, 2013. p. 170.
[19] Yükselen H. Strategy and Strategic Discourse in Turkish Foreign Policy / –Palgrave MacMillan, 2020. 223 P.
[20] Ramazani K. R. Reflections on Iran's Foreign Policy: Spiritual Pragmatism / Iranian Review of Foreign Affairs. 2010 Vol. 1. No.1, p 51-71.
[21] Omelicheva M. Central Asia / Routledge Handbook of Russian Foreign Policy ed. by A. Tsygankov. Routledge: New York, 2018. pp. 321-334..
[22] Moazami B. State, Religion and Revolution in Iran, 1796 to the Present. / NY: Palgrave Macmillan, 2013.
[23] İpek P. Ideas and Change in Foreign Policy Instruments: Soft Power and the Case of the Turkish International Cooperation and Development Agency. Foreign Policy Analysis. 2015 Vol. 11, p 181.
[24] Атрисангари Ф. Внешняя политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы. // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. Том 22. №1. с. 35.
[25] История дипломатии России: В двух томах. Учебник / В.О. Печатнов, И.В. Попов, Ю. А. Райков / Под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Панова. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. 560 С.
[26] История международных отношений и внешней политики России (1648— 2017): Учебник для студентов вузов / Под ред. А.С. Протопопова. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. — 448 с.
[27] Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание / А.Д. Богатуров. — М.: Аспект Пресс, 2017. С. 480.
[28] Никитин А.И. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование / А.И. Никитин // Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2017. С. 384.
[29] Tsygankov A.P. Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity / A.P. Tsygankov. - Rowman & Littlefield, 2006. P. 218.
[30] Sergunin A. Explaining Russian Foreign Policy Behavior – Theory and Practice / ibidiem: Stuggart. 2016. P. 160.
[31] Darden K.A. Russian Revanche. // Daedalus. -2016. -Vol. 146. -No.2. Pp. 128-141.
[32] Kharkevich M.V. (2016) The Critical Experience of Russia in Global Governance. Russian Politics and Law. –2016 - Vol.54. No.5-6. Pp. 461-476.
[33] Караганов С.А. Уход военного превосходства запада и геоэкономика / С. А. Караганов // Полис. 2019. №6. С 8-21.
[34] Быков О.Н. Национальные интересы и внешняя политика. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – с. 284.
[35] Бордачев Т.В., Сергеевна П.А. Евразийская повестка сотрудничества / Т.В. Бордачев, П.А. Сергеевна // Вестник международных организаций. 2018. №3. Т. 13. С 33-51.

Многие ученые также писали о внешней политике России в Центральной Азии и на Южном Кавказе: Д. В. Тренин,[36] Р.С. Мухаметов,[37] С.А. Притчин,[38] С.С. Жильцов и И.С. Зонн,[39] А.А. Казанцев[40], И.А. Сафранчук,[41] П.А. Сергеевна[42], А.В. Виноградов[43], Ф.В. Лукьянов[44].

Внешняя политика Турции в отношении Центральной Азии и Южного Кавказа изменилась за период с 1991 г. Для анализа проблем эволюции турецкой внешней политики важные труды написаны Д.Е. Еремеевым,[45] В.А. Аватковым,[46] И. И. Ивановой,[47] С.Б. Дружиловским,[48] 1Б. Ораном,[49] А. Давутоглу,[50] П. Ипеком,[51] Е. Бальтой[52]. П.В. Шлыковым[53], И.И. Ивановой[54], Х. Фиданом[55], С. Кестемом[56],

[36] Тренин И.В. Россия и страны СНГ: «взросление» отношений / под ред. И.С. Иванова. Внешняя политика Росии: 2000-2020. Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 219.
[37] Мухаметов Р.С. Внешняя политика России в ближнем зарубежье. –Москва: Юрайт, 2018. –С. 108.
[38] Притчин С.А. Россия на Каспии: Поиски оптимальной стратегии. –Москва: Аспект Пресс, 2018. –С. 218.
[39] Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийский регион: Политика, экономика, сотрудничество. – Москва: Аспект Пресс, 2017. С.303.
[40] Казанцев А. А. Международные сети джихадизма: центральная Азия, Кавказ, ближный восток и Афганистан. – Москва: издательство «МГИМО-Университета, 2019 С. 256.
[41] Сафранчук И. А. Российская политика в Центральной Азии: Стратегический контекст / Записка Аналитического центра Обсерво, №8, 2014.
[42] Бордачев Т.В. Сергеевна П.А. Евразийская повестка сотрудничества // Вестник международных организаций. – 2018. Т.13. №3. С.33-51.
[43] Виноградов А.В.Россия в Евразии: между Китаем и Западом. Идентичность, идеология и геополитика. Контуры глобальных трансформаций. Том 12 №2, с. 236.
[44] Лукьянов Ф. В тени советского статуса [Электронный ресурс] / Ф.В. Лукьянов // Россия в глобальной политике. 30.01.2017. Режим доступа: https://globalaffairs.ru/articles/v-teni-sovetskogo-statusa/ (дата обращения: 05.09.2022)
[45] Еремеев Д. Е. История Турецкой Республики: с 1918 года до наших дней. Москва: Квадрига, 2017. С. 317.
[46]Аватков В.А. Внутренняя политика Турции 2002-2018. Москва: Юрайт, 2019. С. 213; Аватков В.А. Внешнеполитический процесс в современной Турции/ Под ред. Д.В. Стрельцова. Внешнеполитический процесс на Востоке. Москва: Аспект Пресс, 2018. С. 349.
[47] Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923-2016). Москва: Аспект Пресс, 2019 – С. 424.
[48] Дружиловский С.Б. Турция: привычка управлять. / Россия в глобальной политике. - 2005. - N 6. - С. 48-61. С.Б. Дружиловский. Армия в Турции. / Под ред. Д.В. Стредьцова. Армии на современном востоке. Москва: Аспект Пресс, 2018 – С. 380.
[49] Oran B. Türk Dış Politikası [внешняя политика Турции](В трех томах). İstanbul: İletişim, 2013.
[50] Davutoğlu A. Stratejik Derinlik [Стратегическая глубина]. İstanbul: Küre, 2001.
[51] İpek P. The role of energy security. in Turkish foreign policy (2004-2016) / Turkish Foreign Policy ed. by Gözen Ercan. — Palgrave Macmillan. — 2017.
[52] Balta E. From Geopolitical Competition to Strategic Partnership: Turkey and Russia after the Cold War. // Uluslararası İlişkiler. —2019. Vol 16(63). Pp. 69-86.
[53] Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная Политика. —2017. №1. С 58-76.
[54] Иванова И.И. Турция в Центральной Азии: партнер или соперник? // Азия и Африка сегодня. 2019. №7, с. 39-47.
[55] Fidan H. Turkish Foreign Policy Toward Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2010. Vol. 12. P. 109-121.
[56] Köstem S. When Can Idea Entrepreneurs Influence Foreign Policy? Explaining the rise of the “Turkic World” in Turkish Foreign Policy // Foreign Policy Analysis. 2016. Pp. 722-740.

О.А. Шамариной[57], А.С. Рыженковым[58], Ш. Актюрком,[59] Б. Ёзканом[60], Э. Теллалом[61].

Иранская внешняя политика, основанная на идеях исламской революции 1979 г., также претерпела серьезные изменения. Революционная напористость уступила место более осторожной внешней политике из-за внешнего давления, вызванного санкциями и экономическими трудностями. В данном исследовании также будут использованы работы по иранский проблематике, авторами которых являются С.Б. Дружиловский,[62] М. Санаи,[63] В.И. Юртаев, [64]Е. Абрахамян,[65] С. Мелоней,[66] Н. Кедди,[67] Р. Такейх,[68] Х. Баширие,[69] Т. Байар[70], Ф. Атрисангари[71], Х.Р. Джаббарии-Насир[72], М. Халифа-Заде[73] Б. Моазами,[74] М. Камрава[75] и М. Чазиза[76].

Источниковая база исследования включает:

1) Официальные документы России, Турции и Ирана, касающиеся их внешней политики в целом или их центральноазиатской и южнокавказской

---

[57] Шамарина О.А. Грузия в контексте турецкой политики «мягкой силы» на рубеже веков. // Изв. Сарат. ун-та. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т.20 вып. 2, с. 231-236.

[58] Аватков В.А., Рыженков А.С. «Правый поворот» в Турции в европейском контексте. // Вестник РУДН. —2019. 19(4). С 597-606.

[59] Aktürk Ş. Turkish–Russian Relations after the Cold War (1992–2002) // Turkish Studies. - 2006. - 7:3. - pp. 337-364

[60] Özkan B. (2014). Turkey, Davutoglu and the Idea of Pan-Islamism // Survival Global Politics and Strategy. 56(4)

[61] Tellal E. Türk Dış Politikası'nda Avrasya Seçeneği // Uluslararası İlişkiler, 2006, 2(5), pp. 49–70. Режим досутпа: http://www.jstor.org/stable/43925934 (дата обращения: 05.09.2022)

[62] Дружиловский С.Б. Внешнеполитический процесс в Республике Иран/ под ред. Д.В. Стрельцова. Внешнеполитический процесс на востоке. Москва: Аспект Пресс, 2018 – С. 350.

[63] Санаи М. Отношения Ирана с Центральноазиатскими странами СНГ. Москва: Муравей, 2002 – С. 130.

[64] Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. – Москва: Аспект Пресс, 2018 – С 160.

[65] Abrahamian E. A History of Modern Iran. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

[66] Maloney S. Iran's Political Economy Since the Revolution. - New York: Cambridge University Press, 2015.

[67] Keddie N.R. Modern Iran – Roots and Results of Revolution – New Haven&London: Routledge, 2006.

[68] Takeyh R. Guardians of the Revolution - Iran and the World in the Age of the Ayatollahs – New York: Oxford University Press, 2009.

[69] Bashiriyeh H. The State and Revolution in Iran, 1962–1982 – New York: Croom Helm, 1984.

[70] Bayar, T. Multiple Dualities: Seeking the Patterns in Iran's Foreign Policy // All Azimuth, 2019. Vol. 8. No. 1, p 31-49.

[71] Атрисангари Ф. Внешняя Политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы // Вестник РУДН. Серия: Политология. –2020 Том 22. №1, с. 35

[72] Джаббари-Насир Х. Р. Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана // Известия Саратовского университета, 2019. т.19. вып. 1. с. 108; Джаббари Насир Х. Р. Иран и Израиль во внешней политике России: ограничения на пути сотрудничества // Сравнительная Политика. 2020. т.11. №. 1. с. 54.

[73] Халифа-Заде М. Иран и Борьба за влияние на южном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2011

[74] Moazami B. State, Religion and Revolution in Iran, 1796 to the Present – NY: Palgrave Macmillan, 2013.

[75] Kamrava M. The Great Game in West Asia: Iran, Turkey and the South Caucasus – Oxford: Oxford Univesity Press. 2016.

[76] Chaziza M. The Impact of US sanctions on Iran's engagement and integration in the Belt and Road Initiative // Digest of Middle East Studies. 2020. No 29, p 168.

стратегии из МИД России, МИД Турции, МИД Ирана, Кремля, Президентства Турции, Офиса Верховного Лидера Ирана, Президентства Ирана;

2) Документы государственных учреждений, таких как Россотрудничество, «ТИКА», «ТЮРКСОЙ»;

3) Международных организаций, таких как ООН, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, ОЭС, Организация тюркских государств, ОЧЭС;

4) Статистические базы данных Всемирного банка, Всемирной торговой организации, Росстата, «TÜİK» (Турецкого статистического агентства), Иранского статистического агентства (AMAR), Обсерватории экономической комплексности;

5) Отчеты и экспертные мнения ведущих аналитических центров; «РСМД», «Валдай», «SETA», «TEPAV», «RAND», «Oxford Institute for Energy Studies», «Институт Израиля и Ближнего Востока».

Объект исследования.

Объектом данного исследования является внешняя политика Российской Федерации, Турецкой Республики и Исламской Республики Иран в Центральной Азии и на Южном Кавказе.

Предмет исследования.

Предметом данного исследования является формирование региональной политики России, Турции и Ирана в Центральной Азии и на Южном Кавказе и их взаимоотношения друг с другом с 1991 г.

Хронологические рамки диссертационного исследования.

В данном исследовании анализируется деятельность России, Турции и Ирана в Центральной Азии и на Южном Кавказе после распада Советского Союза в 1991 г. до 2021 г.

Цель исследования.

Целью данной диссертации является изучение того, какие задачи решают Россия, Турция и Иран, проводя свою внешнюю политику в Центральной Азии и на Южном Кавказе.

Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи:

– Проанализировать эволюцию политики России в Центральной Азии и на южном Кавказе;

– Проанализировать эволюцию политики Турции в регионе

– Проанализировать эволюцию политики ИРИ в регионе

– Оценить состояние российско-турецких, российско-иранских отношений и турецко-иранских отношений в регионе;

– Определить элементы партнерства и конкуренции в политике России, Турции и Ирана в Центральной Азии и на Южном Кавказе.

Теоретическая и методологическая основа исследования.

Данное исследование представляет собой сравнительный, качественный и исторический анализ. Региональная политика России, Турции и Ирана в период 1991-2021 гг. рассматривается в историческом исследовании на основе правовых документов, международных соглашений, институциональных рамок, официальных заявлений, мнений экспертов и отчетов аналитических центров, чтобы показать различные подходы в региональной политике трех вышеупомянутых стран. Хотя исследование в основном качественное, автор также использовал количественные данные для поддержки аргументов и усиления объяснений. Количественные данные включают экономические показатели, статистику торговли, демографические данные и статистику состояния вооруженных сил.

Сравнительный метод позволил автору понять фундаментальные различия региональной политики трех акторов. В период 1991-2021 гг. политические, экономические и общественные процессы и их отражение на Центральной Азии и Южном Кавказе рассматриваются для каждого актора. После этого проводится сравнительный анализ созданных ими геополитических моделей для изучения взаимоотношений России, Турции и Ирана в регионе. Это сравнение не только показывает преимущества или ограничения в политике каждого актора в Центральной Азии и на Южном Кавказе, но и проливает свет на исторические причины, лежащие в основе различий их региональной политики.

В качестве теоретической основы в исследовании использовался конструктивистский подход теории международных отношений. Это позволило автору изучить нематериальные факторы наряду с материальными явлениями, такими как военная мощь или экономическая сила. К ним относятся: идентичность, которая показывает мировоззрение акторов для понимания их поведения; анархия и восприятие государствами мирового порядка, что помогает объяснить восприятие странами угрозы и приоритет региона в их дипломатии; определение «другого/чужого», которое подчеркивает основу самоидентификации игроков. Конструктивистский подход также позволил автору рассмотреть эти понятия как динамические явления и позволил создать более четкую картину для исторического исследования. Первая глава диссертации посвящена подробному объяснению этого подхода и его связи с темой данного исследования.

Исследовательский вопрос диссертации заключается в том, «как развивалась политика России, Турции и Ирана в Центральной Азии и на Южном Кавказе после 1991 г.?»? При рассмотрении политики трех стран возникают следующие вопросы:

1. Как российское понимание формирующегося многополярного миропорядка формировало внешнюю политику Москвы в постсоветский период?
2. Каковы последствия эволюции самоидентификации Турции как независимого актора в ее центральноазиатской и южнокавказской дипломатии?
3. В чем причина менее активной дипломатии ИРИ в центральноазиатском и южнокавказском регионах (по сравнению с ее активностью на Ближнем Востоке), и какова роль революционной идеи «Сопротивления» в этом развитии?
4. Какова взаимосвязь между российской, турецкой и иранской моделями в региональной политике и могут ли эти три игрока выработать механизм трехстороннего сотрудничества?

Рабочая гипотеза диссертации заключается в том, что региональная политика государств формируется в процессе их самоидентификации, их мировоззрения, их воспринимаемого места в этом мире и приоритета региона в

этом комплексе явлений. В частности, Российская Федерация отдает приоритет Центральной Азии и Южному Кавказу, поскольку они находятся в воспринимаемом Москвой центре силы вокруг России, в рамках многополярного миропорядка и самоидентификации РФ как одной из ведущих держав возникающей системы. Турецкая Республика уделяет значительное внимание региону в силу своей самоидентификации как региональной державы, и регион может усилить ее позиции своим экономическим потенциалом. ИРИ идентифицирует себя как державу, противостоящую «глобальным угнетателям», а исследуемый регион имеет для нее второстепенное значение, поскольку предполагаемые угрозы для Ирана исходят в основном с Ближнего Востока; поэтому Тегеран сосредоточен на сохранении статус-кво в регионе, чтобы предотвратить негативное влияние на своих северных и восточных границах.

Новизна исследования заключаются в том, что внешняя политика Российской Федерации, Турецкой Республики и Исламской Республики Иран и их взаимоотношения друг с другом вызывают все больший интерес среди ученых и экспертов международной политики. Однако такие исследования сосредоточены на их двусторонних отношениях или их политике на Ближнем Востоке, а литература о влиянии политики этих игроков в Центральной Азии и на Южном Кавказе все еще недостаточно развита. Данное исследование проливает свет на процесс становления региональной политики России, Турции и Ирана, а затем представляет сравнительный анализ, чтобы подчеркнуть причины различий между моделями, которые установили эти три игрока.

Автор показал, что эти модели связаны с мировоззрением игроков и являются отражением их самоидентификации в глобальной политике. В данном исследовании обосновывается, что эти три модели не обязательно противоречат друг другу, есть пространство для взаимовыгодного партнерства, будь то двусторонние отношения (т.е. РФ-ТР, РФ-ИРИ, ТР-ИРИ) или трехстороннее сотрудничество, которое будет способствовать экономическому и политическому развитию этих трех стран, а также постсоветской географии в целом, поскольку это будет инструментом для связи этого региона с мировыми рынками.

Практическая значимость работы состоит в том, что автор считает возможным на практике использовать вывод, сделанный в диссертации, о том, что жесткая конкуренция между Россией, Турцией и Ираном в Центральной Азии и на Южном Кавказе не обеспечивает преимущество ни для одной из них, но в настоящее время существуют предпосылки для взаимовыгодного сотрудничества, которое повысило бы выгоды в регионе для всех трех игроков.

Структура работы.

Диссертационная работа состоит из введения, пяти глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении диссертации обосновались актуальность данного исследования, осветить степень разработанности проблемы, теоретическую и методологическую основы работы, сформулировать цели и задачи исследования.

Первая глава посвящена теоретическим вопросам, имеющим отношение к исследованию. Обсуждается термин «идентичность» и его трактовка через призму теории конструктивизма.

Во второй главе «Политика России в Центральной Азии и на Южном Кавказе» проведен анализ теоретических аспектов и концептуальных основ российской внешней политики, и определяется какую роль играет самоидентичность в этой политике. Затем, рассматриваются разные векторы российской политики, такие как безопасность, экономика, и культурная сфера в отношении республик Центральной Азии и Южного Кавказа.

Во третьей главе проанализировано как Турция осуществляла свою политику в Центральной Азии и на Южном Кавказе. В этом контексте был рассмотрен вопрос о том, как разные политические идеологии оценивали значение региона Центральной Азии и Южного Кавказа для Турции, и как изменилась турецкая политика в отношении этого региона за последние 30 лет. Также проанализирована турецкая деятельность в сферах безопасности, экономики и культура.

В четвертой главе рассмотрена деятельность иранской внешней полиции в регионе с 1991 г. Для этого дана краткая характеристика иранской политики со времен Исламской революции 1979 г., концепции «экспорта исламской

революции», войны с Ираком, решения экономических проблем, отношений с США и их влияния на внешнюю политику Ирана. Отношения Ирана со странами Центральной Азии и Южного Кавказа рассматривались в разделах безопасности, экономики и культуры.

В пятой главе диссертации было рассмотрено современное состояние трехсторонних отношений между государствами. Были оценены результаты новых форм трехстороннего сотрудничества, прежде всего, в рамках Астанинского процесса. Основной вопрос данной главы заключается в том, будет ли трехстороннее институционально оформленное партнерство между этими игроками полезным для них и стран региона и помешает ли конкуренция между ними такому развитию событий?

В заключении диссертации обобщаются результаты проведенного исследования и на их основе формулируются выводы и рекомендации.

Апробация работы.

Результаты, представленные в работе, были апробированы на ряде конференций: «Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки» ИВ РАН (тема выступления: Миграционный аспект внешней политики Турции в Центральной Азии и на Южном Кавказе); XXIX Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» «Регионализм и интеграционные процессы в современном мире: политологические аспекты» секции «Политические науки» (тема выступления: Роль Организации тюркских государств в самоидентификации Анкары); Молодёжная сессия Примаковских чтений «Глобальная безопасность: поиск пространств для диалога» ИМЭМО РАН (тема выступления: The role of Republic of Turkey in the new European security Architecture - Роль Турецкой Республики в новой европейской архитектуре безопасности).

Основные положения диссертации изложены в следующих работах автора:

1) Ayar B. Turkish-Iranian Competition in the South Caucasus and Central Asia / B. Ayar // Central Asia and the Caucasus. – 2021. – Vol. 22. – No 4. – P. 83-91.

2) Айар Б. Роль идентичности во внешней политике Турции (на Южном Кавказе и в Центральной Азии) / Б. Айар // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. – 2021. – № 12(383). – С. 35-43.

3) Айар Б. Поворот Ирана на Восток: Оценка кавказской и центральноазиатской политики администрации Ибрахима Раиси / Б. Айар // Мировая политика. – 2021. – № 4. – С. 44-51.

4) Айар Б. Российская модель взаимоотношений в Евразии / А. Башаран // Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11. – № 12(76). – С. 3682-3688.

Глава 1. Теоретическая основа исследования: конструктивистская теория международных отношений

Данное исследование рассматривает и сравнивает политики России, Турции и Ирана в Центральной Азии и на Южном Кавказе через призму конструктивистской теории международных отношений. Данная теория является подходящим инструментом для решения этой задачи по трем причинам:

1) конструктивизм учитывает нематериальные факторы, такие как идеи и идентичности, что очень важно, поскольку действия всех трех акторов в этом регионе формируются вокруг их самоидентификации, и невозможно анализировать их региональные стратегии как просто материалистические расчеты;

2) конструктивисты рассматривают международную систему и игроков как динамичные явления, поэтому теория подходит для изучения изменений с 1991 г.;

3) теория не игнорирует материальные условия, поэтому позволяет объединить военные, экономические и культурные события для получения более четкой картины.

В данной главе объясняется возникновение, основные идеи и категории конструктивистской теории. Затем в рамках конструктивистской теории определяются основные понятия, такие как идентичность, национальный интерес, анархия, чужой/другой (the Other) и изменение/перемены (change).

1.1. Происхождение конструктивистской теории международных отношений

Конструктивистская теория международных отношений появилась как ответ на неореализм и неолиберализм, которые сосредоточились на материальных аспектах мировой политики. Обе теории используют «рационалистические» подходы, которые не объясняют некоторые аспекты взаимодействия между государствами. Критическая теория и постпозитивизм, с другой стороны, раскрывали слабые стороны рационалистических теорий, но эта критика не давала альтернативного объяснения. Конструктивизм возник как «синтез», который

использовал некоторые важные положения рационалистической и критической теорий.

В 1980-х гг. наука о международных отношениях столкнулась с двумя научными спорами[77]. Первый спор шел между рационалистическими теориями, которые фокусировались на конкуренции сил (power politics) и конфликтах, и постмодернизмом, который критиковал их за игнорирование нематериальных факторов. В этот период многие ученые ставили под сомнение теории и научные методы исследования международных отношений[78]. Последователи постмодернистских теорий критиковали онтологию рационалистических теорий, утверждая, что акторы на самом деле социальные феномены, а их идентичности и интересы являются результатом социального мира, в котором они существуют. Поэтому они утверждали, что позитивизм недостаточен для объяснения социальных явлений[79]. Второй большой спор был среди рационалистических теорий (neo-neo debates). В результате этого спора неореалисты постепенно признали важность экономических условий, предлагаемых либералами. А неолибералы признали приоритет анархии и силовой политики в качестве движущей силы международной политики. Этот консенсус сделал их идеи более похожими друг на друга (neo-neo synthesis)[80]. Однако синтез выявил общие недостатки обеих рационалистических теорий. Среди ученых также существовали разногласия по поводу отношений между агентами и структурами. В то время как некоторые концепции, такие как «анализ внешней политики», фокусировались на акторах (единицах) в анализе, неореалистические и «анализ мировых систем» фокусировались на системах и изучали влияние системы на отдельные государства[81].

---

[77] Reus-Smit C. Constructivism. In Theories of International Relations. 5th Edition; ed. by S. Burchill. - Palgrave McMillan, 2013. - P. 217

[78] Fierke K.M. Constructivisim. in Dunne, T. et all. International Relations Theories 3rd Edition. Oxford: Oxford University Press, 2013. p. 188.

[79] Reus-Smit C. Constructivism. In Theories of International Relations. 5th Edition; ed. by S. Burchill. - Palgrave McMillan, 2013. - P. 221.

[80] Weaver O. The Rise and Fall of the Inter-Paradigm Debate. in International Theory: Positivism and Beyond / Ed. By Steve Smith, Ken Booth, and Marysia Zakerski. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 145-185.

[81] Demirtaş B. İnşacılık. in Kardaş Ş.; Balcı, A. Uluslararası İlişkiler Teorileri. – İstanbul: Küre Yayınları, 2013. p. 170.

Обе рационалистические теории (неолиберализм и неореализм) понимали международную структуру как результат конкуренции и распределения материальных возможностей[82]. Методы и постулаты неореализма и неолиберального институционализма были взяты непосредственно из микроэкономики и это главная причина их сосредоточенности на материальных условиях[83]. Они имеют индивидуалистическую онтологию, поскольку единицей анализа в их рамках являются отдельные государства[84]. Согласно им, эти структуры ограничивают действия государств. Кроме того, обе теории рассматривают государства как атомистические и эгоистичные единицы, а их идентичность воспринимается как концепция по умолчанию, которая не зависит от их социальных взаимодействий с другими субъектами[85]. Эта система объясняет действия акторов «логикой последствий» (logic of consequences). Таким образом, акторы рассчитывают свои действия в соответствии с результатом, который максимизирует их интересы[86]. «Логика последствий» игнорирует идеи, ценности или идентичности, которые могут влиять на процесс принятия решений акторами. Постмодернистские ученые, с другой стороны, критиковали это, подчеркивая идеи, восприятие, социальные аспекты и другие нематериальные аспекты международной политики. Однако, несмотря на их ценную критику рационалистических теорий, постмодернисты не предложили никакого альтернативного инструмента, который мог бы объяснить международные события. Эти дебаты в 1980-х гг. подготовили основу для появления конструктивистской теории международных отношений, на которую повлияли социологический институционализм и критические теории[87].

---

[82] Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука / Т.А. Алексеева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С.562.

[83] Ruggie J.G. What Makes the World Hang Together? Neo-utilitarianism and the Social Constructivist Challange // International Organization, vol. 52, p. 862.

[84] Fierke K.M. Constructivisim. in Dunne, T. et all. International Relations Theories 3rd Edition. Oxford: Oxford University Prss, 2013. p. 190.

[85] Reus-Smit C. Constructivism. In Theories of International Relations. 5th Edition; ed. by S. Burchill. - Palgrave McMillan, 2013. - P. 220.

[86] Fierke K.M. Constructivisim. in Dunne, T. et all. International Relations Theories 3rd Edition. Oxford: Oxford University Prss, 2013. p. 190.

[87] Reus-Smit C. Constructivism. In Theories of International Relations. 5th Edition; ed. by S. Burchill. - Palgrave McMillan, 2013. - P. 222.

1.2. Конструктивистская реакция на недостаток рационалистических теорий

В 1989 г. американский политолог Николас Онуф утверждал, что международная политика не является объективной реальностью, а представляет собой «мир, созданный нами»[88]. Многие ученые, такие как А. Вендт, Ф. Кратохвилл, М. Финнемор, Т. Хопф, И. Нойманн, Т. Риссе и К. Реус-Смит, вскоре последовали за Н. Онуфом в создании конструктивистской литературы по теории международных отношений. В ответ на акцент на «структуре» в рационалистических теориях, конструктивисты представили возможность агентству (agency), подчеркнули процесс взаимодействия и показали динамичную особенность международной политики[89]. Конструктивистский подход в международных отношениях стал более популярным в 1990-х гг. в связи со значительными изменениями в мировой политике, особенно с окончанием биполярного мирового порядка[90].

Основные возражения конструктивистов против рационализма можно обозначить следующим образом[91]:

1) Рационализм принимает идентичность и интересы государств как данность (given), поскольку он признает только изменения в поведении государств, но не в самих государствах (т.е. в их идентичности и интересах);

2) Рационализм также принимает международную анархию как данность. Через призму рационализма ни структура международной анархии, ни система самопомощи (self-help) не могут быть изменены;

3) в целом, рационализм ограничивает теоретическое понимание изменений в агентах и структурах, потому что он рассматривает только изменения в поведении и исключает рассмотрение изменений в идентичности и интересах.

---

[88] Onuf N. G. World of our making: Rules and rule in social theory and international relations. Columbia, S.C: University of South Carolina Press, 1989

[89] Fierke K.M. Constructivisim. in Dunne, T. et all. International Relations Theories 3rd Edition. Oxford: Oxford University Prss, 2013. – p. 189.

[90] Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосный мир // Сравнительная Политика, 2014. №1(4), с. 5.

[91] Weber C. International Relations Theory - A Critical Introduction. 3rd ed. – New York: Routledge, 2010. p. 65.

Конструктивисты подвергли сомнению индивидуалистическую онтологию рационализма и вместо этого сделали акцент на социальной онтологии и на интерсубъективности (intersubjectiveness). Для конструктивисткой теории является принципиальным, что социальные существа, индивиды или государства не могут быть отделены от контекста нормативного значения, который формирует их сущность и доступные им возможности[92].

Согласно конструктивистской теории, интересы государств могут определяться и переопределяться идеологическими факторами, включая нормы, идеи и ценности - т.е. общие представления о стандартах поведения, однако эпистемологический подход схож с рационалистическими школами международных отношений, поскольку конструктивизм также может стремиться объяснить события в материальном мире[93]. Основное различие заключается в том, что эти материальные факторы рассматриваются через фильтр идейного мира[94]. Поэтому конструктивизм выигрывает от эпистемологии (метод) позитивизма и онтологии (тема/субъект) постпозитивистских теорий[95]. Понимание того, как акторы отстаивают свои интересы, важно при объяснении широкого спектра международных политических явлений, которые рационалисты игнорируют или неправильно понимают[96].

В ответ на рационализм конструктивистские ученые утверждают, что акторы глубоко социальны (а не атомистические эгоисты), интересы акторов неотъемлемы (endogenous) от их социальных взаимодействий друг с другом (а не определяются экзогенно-exogenous), а международное общество - это созданная (constructed) сфера, которая порождает акторов как знающих социальных и политических агентов, сфера, которая делает их теми, кто они есть (а не просто стратегическая

---

[92] Fierke K.M. Constructivisim. in Dunne, T. et all. International Relations Theories 3rd Edition. Oxford: Oxford University Prss, 2013. p. 190.

[93] Katsumata H. Establishment of the ASEAN Regional Forum: constructing a ‘talking shop’or a ‘norm brewery’? // The Pacific Review, Vol. 19 No. 2, 2006. p.3.

[94] Алексеева Т.А. Теория Международных Отношений как политическая философия и наука / Т.А. Алексеева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С.580.

[95] Wendt A. Social Theory as Cartesian science. in Guzzini, S.; Leander, A. Constructivism in International Relations – Wendt and his critics. – New York: Routledge, 2006. p. 182.

[96] Wendt A. Social Theory of International Politics. –Cambridge: Cambridge University Press, 1999. p. 225.

сфера)[97]. Сосредоточившись на нормах и общих представлениях о легитимном поведении, конструктивисты утверждают, что структуры не только ограничивают поведение акторов, но и формируют их идентичность. В отличие от рационалистической «логики последствий», акторы руководствуются «логикой целесообразности» (logic of appropriateness)[98]. Это означает, что ценности и идентичность играют важную роль в процессе принятия решений акторами, а максимизация интересов (или прибыли) не может быть единственным объяснением.

Подводя итог различиям между конструктивистской теорией и рационалистическими теориями (реализм и либерализм), можно сказать, что рационалисты принимают концепцию анархии как данность, в то время как конструктивисты утверждают, что эта концепция должна рассматриваться в соответствии с различными временами и регионами[99]. Во-вторых, обе рационалистические теории фокусируются на материальных аспектах государства и системы, тогда как конструктивисты настаивают на важности их социальных факторов[100]. Конструктивистская теория международных отношений стала более популярной в 1990-х гг. по четырем причинам[101]: 1) конструктивисты рассматривали дебаты между рационалистической и критической теориями как возможность продемонстрировать объяснение нерационалистических подходов; 2) рационалистические теории не смогли объяснить окончание холодной войны; 3) новое поколение ученых, находившихся под влиянием критической теории, увидели в конструктивизме потенциал для инноваций; 4) многие ученые, недовольные доминирующими рационалистическими теориями, поощряли эту

[97] Reus-Smit C. Constructivism. In Theories of International Relations. 5th Edition; ed. by S. Burchill. - Palgrave McMillan, 2013. - P. 227.
[98] Fierke K.M. Constructivisim. in Dunne, T. et all. International Relations Theories 3rd Edition. Oxford: Oxford University Prss, 2013. p. 190.
[99] Алексеева Т.А. Теория Международных Отношений как политическая философия и наука / Т.А. Алексеева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С.586.
[100] Demirtaş B. İnşacılık. in Kardaş, Ş.; Balcı, A. Uluslararası İlişkiler Teorileri. – İstanbul: Küre Yayınları, 2013. p. 172.
[101] Reus-Smit C. Constructivism. In Theories of International Relations. 5th Edition; ed. by S. Burchill. - Palgrave McMillan, 2013. - P. 223.

новую перспективу. Принятие позитивистской эпистемологии также способствовало общему одобрению, которое получили конструктивисты[102].

1.3. Основные принципы конструктивистской теории

Три основных принципа конструктивизма можно представить следующим образом[103]: 1) Социальное знание: акторы действуют по отношению к другим акторам в соответствии со значениями этих акторов для них; 2) Социальная практика: Значения действий являются результатами взаимодействия между акторами; 3) Идентичности и интересы постоянно меняются.

Американский политолог А. Вендт утверждает, что «материальные ресурсы приобретают значение для человеческих действий только через структуру общего знания, в которую они встроены»[104]. Этот главный аргумент можно понять на примере распространения ядерного оружия: «500 единиц британского ядерного оружия представляют меньшую угрозу для Соединенных Штатов, чем 5 единиц северокорейского ядерного оружия»[105]. Это проливает свет на два основных аспекта теории. Во-первых, материальные условия важны, поскольку угроза ядерного нападения со стороны конкурента является «реальной» опасностью. Во-вторых, материальная угроза становится значимой только через призму идей и идентичности воспринимающего угрозу актора (в данном примере США). Если бы она не была значимой, британский ядерный арсенал также воспринимался бы как угроза американскими политиками. Конструктивизм подчеркивает социальное конструирование того, чем являются государства и чего они хотят[106]. В социально сконструированном мире существование моделей, причинно-следственных связей и даже самих государств зависит от сетей значений и практик, которые они составляют[107].

---

[102] Fierke K.M. Constructivisim. in Dunne, T. et all. International Relations Theories 3rd Edition. Oxford: Oxford University Prss, 2013. p. 193.
[103] Weber C. International Relations Theory - A Critical Introduction 3rd ed. New York: Routledge, 2010. p. 67.
[104] Международные Отношения: теории, конфликты, движения, организации / коллектив авторов: под ред. П.А. Цыганковf, Л.О. Терновой. – 4-е изд., перероб и доб. – Москва: КНОРУС, 2019. – с. 41.
[105] Wendt A. Constructing International Politics // International Security, 1995. 20(1), p.73.
[106] Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. p. 299.
[107] Там же, p. 300.

Социальные конструктивисты объяснили основные положения конструктивизма, указав, что: 1) государства являются единицами анализа международной политики; 2) международная структура является не материалистической, а социальной (интерсубъективной); 3) идентичность и интересы государств являются динамичными, а не заранее заданными[108]. Они являются результатами социальной структуры. Взаимодействие внутри структуры изменяет государственные идентичности и интересы[109]. Поэтому, по мнению конструктивистов, государства образуют что-то большее, чем систему: они формируют общество, в котором они взаимодействуют и меняют идеи, идентичности и даже саму систему посредством этого взаимодействия[110].

1.4. Типология конструктивизма

Различные подходы в рамках конструктивистской школы международных отношений появились в 1990-х гг. Кристиан Реус-Смит называет три формы конструктивизма[111]: системный(systemic), на уровне единиц (unit-level analysis) и холистический (holistic). Первый подход, системный конструктивизм, фокусируется исключительно на взаимодействии между государствами и игнорирует внутреннюю политику. В отличие от него, конструктивизм на уровне единиц сосредоточен на отношениях между внутренними социальными и правовыми нормами, идентичностью и интересами государств. Третий подход, холистический конструктивизм, пытается найти середину между этими подходами, принимая во внимание как международные, так и внутренние события. Холистический подход в первую очередь рассматривает динамику глобальных изменений.

Помимо разницы в уровнях анализа, существует также разница в их методологии. Т. Хопф называет это различие конвенциональным (conventional) и

---

[108] Wendt, A. Collective Identity Formation and the International State // American Political Science Review, 1994. 88(2), p.385.
[109] Там же, 384.
[110] Reus-Smit C. Constructivism. In Theories of International Relations. 5th Edition; ed. by S. Burchill. - Palgrave McMillan, 2013. - P. 239.
[111] Там же, p. 227.

неконвенциональным (non-conventional) конструктивизмом[112]. Основная причина этого различия заключается в вопросах, которые они рассматривают: первые фокусируются на вопросах «почему», вторые - на вопросах «как»[113]. К.М. Фиерке проводит различие, называя эти группы «конвенциональными» и «стойкими» (consistent) конструктивистами. По его словам, вторая группа фактически исправляет несоответствия «конвенционального» конструктивизма[114]. Существует также географический аспект этого различия: в то время как «конвенциональные» конструктивисты в основном являются учеными из американских университетов и в основном используют концепции из литературы по «социологическому институционализму», нетрадиционный конструктивизм более популярен в континентальной Европе и использует концепции из французской постмодернистской философии (М. Фуко, П. Бурдье, Ж. Деррида и т.д.) и мыслителей Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер и т.д.).

1.5. Ключевые понятия конструктивизма

1.5.1. Идентичность

Идентичность можно считать основным понятием конструктивизма для понимания действий государств. По мнению конструктивистов, государства определяют свою идентичность и только после этого определяют свои интересы в соответствии с этой идентичностью. Эта концепция настолько важна, что теория определяет государства как «социальных акторов с идентичностью»[115]. Поэтому невозможно анализировать действия акторов, не изучив их идентичность[116]. П.Дж. Катценштейн определяет идентичность как индивидуальные символы различий, которые акторы приобретают через отношения, которые они имеют друг с другом[117]. Другими словами, идентичность — это сумма идей, декларируемых

[112] Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory // International Security. 1998. 23 (1). p. 181
[113] Reus-Smit C. Constructivism. In Theories of International Relations. 5th Edition; ed. by S. Burchill. - Palgrave McMillan, 2013. - P. 233.
[114] Fierke K.M. Constructivisim. in Dunne, T. et all. International Relations Theories 3rd Edition. – Oxford: Oxford University Prss, 2013. p. 196.
[115] Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // American Political Science Review. 1994. 88(2). pp. 384-396.
[116] Demirtaş B. İnşacılık. in Kardaş, Ş.; Balcı, A. Uluslararası İlişkiler Teorileri. – İstanbul: Küre Yayınları, 2013. p. 172.
[117] Katzenstein P. J. Regionalism in Comparative Perspective // Cooperation and Conflict, 1996. 31(2), pp. 123–159.

лицами, принимающими решения, о природе и цели государства. Следовательно, государственная идентичность определяет права, ответственность и обязательства государства, и делает это по отношению к другим акторам[118]. Однако этот акцент на идентичности не должен быть ошибочно принят за пренебрежение материальными условиями. Международная структура состоит как из идеологических, так и из материальных факторов, но материальные условия воспринимаются только через социальные призмы акторов, которыми являются их идентичность и их восприятие идентичности других[119]. А. Вендт упоминает четыре основные функции государственной идентичности: 1) физическая безопасность; 2) онтологическая безопасность или предсказуемость в отношениях с миром; 3) признание другими в качестве актора; 4) развитие для создания лучших условий[120].

Для Российской Федерации на начальном этапе внешнеполитический курс был тесно связан с идеей «солидарности с демократическим миром», которая характеризовалась стремлением Москвы стать частью возглавляемых США западных инициатив. Однако эта тенденция подверглась эрозии из-за внутренних (таких как провал рыночных реформ и экономические трудности 1990-х гг.) и внешних факторов (таких как игнорирование западными державами позиции России в кризисе на Балканах). С установлением политической и экономической стабильности в начале 2000-х гг. самоидентификация страны превратилась в осознание себя как великой державы, которой необходимо создать и сохранить собственную зону влияния.

Турция, в свою очередь, также пережила изменения в своей самоидентификации в международной политике. Традиционная западоцентричная идентичность, нацеленная на участие в европейской архитектуре безопасности, была заменена идеями «стратегической глубины». Это включало в себя расширение экономических и культурных связей с ближневосточными,

[118] Demirtaş B. İnşacılık. in Kardaş, Ş.; Balcı, A. Uluslararası İlişkiler Teorileri. – İstanbul: Küre Yayınları, 2013. p. 173.
[119] Wendt A. Social Theory of International Politics – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. p. 385.
[120] Там же.

африканскими, балканскими и азиатскими игроками с целью усиления влияния Анкары в мировой политике. В этот период в центре внимания элиты находилась цивилизационная идентичность, связанная с наследием Османской империи. После возникновения проблем, вызванных региональной изоляцией в результате стратегии Турции во время «арабской весны», Анкара пересмотрела свою внешнюю политику, и в соответствии с этим возникла самоидентификация как независимого игрока во внешней политике.

Исламская Республика Иран была создана на основе революционных идей 1979 г., которые определили ИРИ как силу сопротивления против глобальных угнетателей. Первоначально революционный режим утверждал, что эта идентичность находится за пределами национального государства. Однако в 1990-е гг. Тегеран решил придерживаться более прагматичной и рациональной внешней политики и сосредоточился на укреплении Исламской Республики, а не на попытках ее экспорта.

1.5.2. Анархия

Вопрос об отсутствии высшей власти в международных отношениях является одним из наиболее обсуждаемых явлений международных отношений. В то время как реалистические теории рассматривают это как движущую силу конкуренции за власть, либеральные теории фокусируются на возможности сотрудничества между государствами в рамках анархии. Обе теории рассматривают анархию как постоянную и единую структуру мировой политики. Конструктивистская теория также признает отсутствие высшей власти в международной политике, но подчеркивает важность «социальной особенности» анархии и ее интерпретации государствами[121]. Для конструктивизма анархия не является единой структурой, и существуют различные типы взаимодействия между государствами. Это конструируется вокруг идентичности государств и их восприятия других. Как ясно выразился А. Вендт, «анархия — это то, что государства делают из нее»[122].

[121] Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосный мир // Сравнительная Политика, 2014. №1(4), с. 12.

[122] Wendt A. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics // International Organization, – 1992. 46(2), pp. 391-425.

Формирование идентичности акторов в условиях анархии связано с желанием сохранить безопасность[123].

Вместо одной, А. Вендт предлагает спектр из трех международных анархий, основанный на различиях в представлениях государств о себе и других[124]. На одной стороне спектра - вражда, на другой - дружба, а структура анархии зависит от взаимоотношений акторов на этом спектре[125]. Первый тип анархии основан на вражде, когда государства действуют по принципу «все против всех» (состояние природы). А. Вендт описывает это через идеи философа Т. Гоббса и утверждает, что при таких обстоятельствах действуют эгоистически, подобно презумпциям реалистической теории (Hobbesian anarchy). Второй тип анархии возникает, когда существует ограниченное сотрудничество в условиях конкуренции. Объясняя эту ситуацию рационалистическими взглядами Дж. Локка, А. Вендт утверждает, что акторы не угрожают друг другу, хотя взаимного доверия недостаточно для создания общей идентичности (Lockeian anarchy). И последний тип, кантовская анархия, указывает на случай, когда акторы разделяют общие интересы и дружеские отношения (Kantian anarchy).

В гоббсианской «войне всех против всех» взаимный страх настолько велик, что достичь сотрудничества практически невозможно. В локковском мире взаимно признанного суверенитета у государств больше уверенности в том, что их существованию ничто не угрожает, и начинается процесс позитивной идентификации[126]. Когда речь идет о «кантовской» структуре, анархия не вызывает никаких проблем, поскольку «анархия друга отличается от анархии врага»[127]. Это явление называется «интерсубъективностью», то есть значимость определенных элементов может быть понята только через анализ акторов, которые ее

[123] Neumann I. Self and other in International Relations // European Journal of International Relations, 1996. vol.2, p 139.
[124] Wendt A. Social Theory of International Politics – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. p. 247.
[125] Hurd I. Constructivism. in Oxford Handbook of International Relations ed. by D. Snidal, C. Reus-Smit, Oxford University Press, 2008. p. 305.
[126] Wendt A. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics // International Organization, 1992. 46(2), p.398.
[127] Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // American Political Science Review, 1994. 88(2). p. 388.

переживают, и их отношений друг с другом. Таким образом, анархия, как и любой другой социальный конструкт, является динамичным понятием.

Как уже упоминалось, конструктивистский подход рассматривает международную анархию не как единое явление, а как спектр. Восприятие акторов является главным фактором, определяющим анархию. Для России в начале 1990-х гг. существовало мнение, что «кантовская анархия», которая позволила бы Москве установить вечный мир с западными акторами, возможна. Однако с самоидентификацией России как великой державы и растущим проявлением внешних угроз это привело к восприятию «локковской анархии», при которой одновременно продолжалась конкуренция и сотрудничество. В то время как партнерство с Западом осуществлялось в значительных проектах (таких как инициатива «Перезагрузка» с США, переговоры по СНВ-2, инфраструктурные проекты «Сахалин-2» или «Северный поток-2»), конфронтация продолжалась в региональных кризисах, таких как Грузия в 2008 г. или Украина в 2014 г. В последнее время, с появлением нового этапа кризиса 2022 г. на Украине, российский взгляд на международную анархию, похоже, превратился в «гоббсовский», который рассматривает международные отношения как игру с нулевой суммой против гегемонии под руководством США и отдает приоритет конкуренции вместо партнерства.

Турецкое восприятие международной анархии считало участие в западном сообществе оптимальным путем для максимизации своих интересов и сохранения своей безопасности. Этот подход направлен на достижение «кантовского мира» между демократическими участниками благодаря партнерству. Однако за последние два десятилетия восприятие угроз Анкарой претерпело значительные изменения. В настоящее время многие из воспринимаемых Турцией угроз связаны с ее западными партнерами (например, конфронтация с Грецией в Восточном Средиземноморье, поддерживаемая США «PYD» на севере Сирии, разногласия с ЕС по вопросам управления миграцией и т.д.). Это создает сложную картину отношений со всеми игроками при поиске своих интересов в современной турецкой внешней политике, отражающей «локковскую анархию».

Для ИРИ международная изоляция является основной чертой дипломатии с 1979 г. Кроме того, изначально иранская внешняя политика строилась через провозглашаемый нарратив (Великий Сатана и Малый Сатана, ни Запад, ни Восток, и т.д.), что затрудняло партнерство, в том числе с соседними странами. Поэтому революционная внешняя политика придерживалась «гоббсовского» взгляда на анархию. Однако с появлением более прагматичной дипломатии в 1990-х гг. Тегеран стал стремиться к сотрудничеству с региональными игроками и незападными державами, особенно с Россией и Китаем. Кроме того, ИРИ создала сеть взаимодействия с неправительственными организациями с похожим мировоззрением, чтобы укрепить свои позиции на Ближнем Востоке (Йемен, Ливан, Палестина, Ирак и т.д.). В настоящее время Иран стремится к большей координации и интеграции с незападными игроками, чтобы иметь институциональную основу для своей дипломатии, о чем свидетельствует его участие в деятельности Шанхайской организации сотрудничества. Такое развитие событий указывает на то, что Тегеран стремится к «локковской анархии» дистанцируясь от влияния западных государств.

1.5.3. Национальные интересы

Идентичность акторов, которая была создана в условиях анархии, создает национальные интересы и влияет на действия государства[128]. Согласно конструктивистской теории, международная политика является инструментом для создания идентичности, потому что это создает различия между «нами» и «ими»[129]. А различия между собой и другими определяются «национальными интересами». С этой точки зрения ценности также являются частью международных отношений. Потому что они также служат процессу самоидентификации. И это главное различие между реализмом и либерализмом. П. Коуэрт утверждает, что концепция национальной безопасности — это инструмент для продвижения ценностей, на

[128] Reus-Smit C. Constructivism. In Theories of International Relations. 5th Edition; ed. by S. Burchill. - Palgrave McMillan, 2013. - P. 224.
[129] Messari N. Identity and Foreign Policy in Foreign Policy in a Constructed World (ed. Kubalkova, V.) – London: Routledge. 2001.

которых основано государство[130]. Осознание и консолидация национальных интересов являются неотъемлемой частью процесса идентификации национальной идентичности[131].

1.5.4. Другой/Чужой (the Other)

Конструктивистская теория показывает, как идентичность формируется в отношениях с «Другим». Некоторые части идентичности не могут быть активированы только посредством самоиндентификации и нуждаются в «другом», который обладает соответствующими «контр-идентичностями»[132]. Одним из ярких примеров этого является то, как американская идентичность конструировалась вокруг внешних угроз, которыми были Советский Союз во времена холодной войны и глобальный терроризм после 1991 г.[133] На другом примере, российский политолог Морозов и турецкий политолог Румелили показали, как при создании европейской идентичности использовались Россия и Турция в качестве «других»[134]. Как еще один пример, Харкевич рассматривает концепцию «государств-изгоев» как инструмент трансформации самоидентификации в международной политике[135]. По его мнению, американская концепция государств-изгоев сыграла конституирующую роль, когда акторы сначала определили «Другого», а затем определили «друзей», которые позиционировали себя против этого «Другого».

Следовательно, определение другого является важной частью международной политики самоидентификации. Во время холодной войны этот процесс осуществлялся посредством указания на угрозу со стороны «капиталистического лагеря» или «коммунистической угрозы» и определения себя как защитника ценностей того лагеря, в котором находился актор. Однако после

---

[130] Kowert P. Toward a Constructivist Theory of Foreign Policy. in Kubálková, V. Foreign Policy in a Constructed World. – New York: ME Sharpe, 2001.

[131] Саркарова Н. А. Национальные Интересы И Национализм Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. № 12. Ч. 3. С.172.

[132] Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. p. 227.

[133] Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1992.

[134] Morozov V, Rumelili B. The external constitution of European identity: Russia and Turkey as Europe-makers. // Cooperation and Conflict. 2012. 47(1). Pp. 28-48

[135] Харкевич М. В. Государства-изгои как образ “другого” в мировой политике // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 107.

окончания «холодной войны» все акторы столкнулись с необходимостью переоценки различий между собой и другими. В современной ситуации Россия и Иран разделяют схожие антизападные настроения, определяя гегемонию под руководством США как неприемлемую, и идентифицируют себя как сопротивление против этого одностороннего давления. Турция, в свою очередь, придерживается неоднозначного дискурса (мир больше пяти и т.д.) в соответствии со своим хрупким и уязвимым балансом между западными и незападными державами.

Важно отметить, что на понятие «другой» накладывается тот факт, что все три страны также играют ключевую роль в самоидентификации других игроков. Россия, Турция и Иран рассматривались как «другие» для западных акторов, и это восприятие служило объединяющим фактором для их идентичности. В то время как Вашингтон использует украинский кризис для консолидации членов НАТО, указывая на «российскую угрозу», Греция использует «турецкую угрозу» для развития еще более тесных отношений с Францией. Использование «ИРИ как чужого» еще более очевидно, если учесть нарратив арабских государств Персидского залива, США или Израиля с 1979 г. Таким образом, определение другого/чужого — это интерсубъективный процесс, который одновременно продолжается для всех акторов международных отношений.

1.5.5. Изменения (change)

Одним из преимуществ конструктивистского подхода является его способность улавливать динамические аспекты международной политики. Через призму рационалистических теорий такие факторы, как идентичность, анархия или национальные интересы, являются более или менее статичными[136]. Впрочем, конструктивисты утверждают, что они не статичны, а постоянно развиваются, взаимодействуя друг с другом и окружающей средой[137].

---

[136] Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосный мир // Сравнительная Политика, 2014. №1(4), с. 15.

[137] Fierke K.M. Constructivisim. in Dunne, T. et all. International Relations Theories 3rd Edition. Oxford: Oxford University Press, 2013. p. 191.

Потому что субъекты международной политики обладают отличной идентичностью, сформированной культурными, социальными и политическими - а также материальными - обстоятельствами, в которых они находятся. Конструктивисты не считают идентичности неизменными понятиями, поскольку они могут трансформироваться в результате национальных и международных процессов[138].

А. Вендт предлагает, чтобы конструктивистский подход к сотрудничеству подчеркивал трансформационную природу «интересов» и то, как государства учатся адаптировать свои интересы «в терминах общих обязательств по социальным нормам»[139]. Изменения в нормах вызывают изменения в идентичности по отношению к этим нормам[140]. То, что делают государства, зависит от того, какова идентичность государств, а идентичность и интересы меняются[141]. Для таких изменений, во-первых, должна возникнуть ситуация, которая вынуждает акторов к трансформации, а во-вторых, акторы должны воспринимать эту трансформацию как выгодную для своих интересов[142]. Данное динамичное понимание социального мира является одним из главных отличий конструктивизма от реалистической или либеральной школ международных отношений[143].

1.6 Выводы к главе

В этой главе была обобщена конструктивистская теория международных отношений. Этот подход является результатом предыдущих дебатов о прежних теориях международной политики и предоставляет полезный инструмент для преодоления недостатков чисто материалистических рамок. Принимая во внимание нематериальные факторы как идентичность, конструктивизм позволяет ученым выявить мотивы и восприятие акторов. Он также полезен для изучения

---

[138] Hopf T. Making the Future Inevitable: Legitimizing, Naturalizing and Stabilizing. The Transition in Estonia, Ukraine and Uzbekistan // European Journal of International Relations, 2002. 8(3), pp. 403–436.
[139] Wendt A. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics // International Organization, 1992. 46(2), p. 417.
[140] Katzenstein P.J. Regionalism in Comparative Perspective // Cooperation and Conflict, 1996. 31(2), pp. 123–159.
[141] Weber C. International Relations Theory - A Critical Introduction. – 3rd ed. New York: Routledge, 2010. p. 62.
[142] Стрельцов Д.В., Лукин А.Л. Российско-японские отношения через призму теории. Реализм, конструктивизм и двухуровневые игры // Международные процессы. 2017. № 2. с. 55
[143] Лебедева М.М. Мировая Политика – 4-е изд. М.: КНОРУС, 2020. С.36.

постепенного изменения внешней политики государств и внутренних аспектов этого изменения. Такой динамичный взгляд на мировые дела крайне важен, поскольку все три примера данного исследования - Россия, Турция и Иран - за последние три десятилетия претерпели значительные изменения в своей внутренней и внешней политике. В следующей главе рассматривается эволюция идей, а затем нынешнее мировоззрение России. Затем объясняются основные столпы нынешней внешней политики Москвы в Центральной Азии и на Южном Кавказе.

Глава 2. Российская внешняя политика в Центральной Азии и на Южном Кавказе

В данной главе проводится комплексное исследование внешней политики России в Центральной Азии и на Южном Кавказе. Глава состоит из трех разделов. В первом разделе рассматривается история российской внешней политики с 1991 г. через изменение идей и самоидентификации страны. Затем определяются три фундаментальные концепции (антигегемонизм, многополярность и евразийство) как основные столпы современной внешней политики Москвы. Наконец, политика России в Центральной Азии и на Южном Кавказе объясняется деятельностью в рамках международных организаций и прямыми двусторонними отношениями со странами региона.

2.1 Внешняя политика России 1991–2021 гг.

После распада Советского Союза новые элиты в Москве проводили внешнюю политику, ориентированную на Запад. Их целью было превращение России в часть европейской коллективной идентичности и равноправного партнера либерального мирового порядка. Этот подход был попыткой адаптироваться к новым международным и внутренним реалиям[144]. А.П. Цыганков отмечает личные убеждения политиков этого периода и утверждает, что они рассматривали Россию как естественную часть западной цивилизации, а советскую систему считали лишь временным искажением от нее. В этом контексте, по мнению политолога, Западники рассматривали окончание холодной войны как шанс стать «обычной» европейской страной[145]. Кроме того, А.Д. Богатуров упоминает, как элиты следовали идее «демократической солидарности», в которой все демократические страны, включая Россию, считали бы друг друга акторами с общими интересами[146].

Однако было бы преувеличением считать ориентированную на Запад внешнюю политику лишь результатом того, как элиты идентифицировали Россию.

---

[144] Sergunin A. Explaining Russian Foreign Policy Behavior – Theory and Practice. ibidiem: Stuggart. 2016, p. 139.
[145] Tsygankov A.P. Russian Foreign Policy. –Rowman&Littlefield: Lanham. 2016, 7.
[146] Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы, 2007, 1(13). с. 54-69.

После 1991 г. стремление народа к новой системе в рамках демократизации и процесс экономической либерализации нашли отклик и во внешней политике Западников[147]. Влияние процессов экономической и политической реформации на внешнюю политику Москвы было настолько сильным, что министр иностранных дел этого периода А. Козырев определил национальные интересы России только как «трансформации России в свободное, независимое государство, формализации демократических институтов, создании эффективной экономики, гарантировании прав и свобод всех россиян, обогащении жизни людей»[148]. Кроме того, существовал пессимизм по поводу статуса великой державы России. Из-за процессов ослабления в 1990-е гг. военная и дипломатическая мощь России значительно снизилась, и многие эксперты считали, что это необратимый процесс[149]. Даже если бы элиты и народ хотели этого, было бы трудно вести активную дипломатию из-за политических и экономических потрясений ревущих 1990-х гг.[150]

Прозападная внешняя политика включала многостороннее сотрудничество с либеральными державами в рамках таких организаций, как Большая семерка, ЕС и НАТО. В рамках ограничений того периода ельцинская администрация все еще стремилась к автономной роли во время этих взаимодействий, преследуя статус равного партнера и великой державы[151]. Желание доказать статус Москвы как великой державы было записано и в первой внешнеполитической доктрине[152]. Однако это желание в основном игнорировалось либеральным порядком, возглавляемым США, когда Россия занимала по отношению к ним противоречивые позиции. Либеральная эйфория обернулась разочарованием после кризиса 1996 г. на Балканах и вызвала сдвиг во внешней политике России. Тогдашний министр

---

[147] Koldunova E. Eussia and Regional Institutions in the Asia-Pacific Region // Russian Politics and Law. 54:5-6, pp. 516-532

[148] Tsygankov A.P. Russian Foreign Policy. – Rowman&Littlefield: Lanham. 2016, p. 62.

[149] Караганов С.А. Уход военного превосходства запада и геоэкономика // Полис. 2019. №6. С 8-21

[150] Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы, 2007. 1(13), с. 56.

[151] Troitskiy M. Power, Status and Entanglement: Russia's Evolving Approach to Multilateral Institutions. Russian Politics and Law. 54:5-6. pp. 415

[152] Окунев И. Геополитические коды России — внешнеполитическая стратегия и националные приоритеты. [Электронный ресурс] РСМД. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/geopoliticheskie-kody-rossii-vneshnepoliticheskaya-strategiya-i-natsionalnye-prioritety (дата обращения: 05.09.2022)

иностранных дел Е. Примаков подчеркивал отрицательное значение этих событий в глазах Москвы как поворотный пункт в отношениях России с западными игроками[153]. По мнению С.А. Караганова, это была «одна из крупнейших геополитических ошибок ближайшей истории», поскольку вместо создания общеевропейского механизма безопасности Москва была исключена из этих процессов[154].

В этот период Центральная Азия и Южный Кавказ имели второстепенное значение в глазах российских политиков. Идея «вместе в Европу» подразумевала, что интеграция в либеральный мировой порядок была важнее межрегионального сотрудничества между постсоветскими государствами[155]. Был нарратив об освобождении России от отсталого региона, который только отнимал у Москвы огромное количество ресурсов[156]. Основное внимание уделялось интеграции с развитыми странами, а не с бывшими советскими республиками[157]. Между тем, новые независимые государства также стремились к диверсификации своей внешней политики, чтобы уменьшить свою зависимость от Москвы[158].

К середине 1990-х гг. надежды на демократическую солидарность с Западом начали угасать. Это привело к тому, что в 1996 г. Е. Примаков сменил А. Козырева на посту министра иностранных дел. Е. Примаков и его сторонники сосредоточились на историческом представлении о России как державе, которая может развивать себя, опираясь на собственные силы. Многие западники также изменили свои взгляды, поскольку им стало очевидным, что Россия не становится частью Запада, и у нее есть собственные национальные интересы[159].

---

[153] Примаков Е.М. Внешняя политика России: задачи и перспективы. / И.С. Иванов (под ред.) Внешняя Политика России 2000-2020ю Том 1 // М.: Издательство «Аспект Пресс», 2012. с. 10.

[154] Караганов С.А. Уход военного превосходства запада и геоэкономика. Полис. 2019. №6 С 8-21

[155] Safranchuk I. Foreign Economic and Security Interests in Russia in a Reconnecting Eurasia. 2016. Center for Strategic and International Studies CSIS, 2016. pp. 23.

[156] Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах./ Е.Г. Гарбузарова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. –С. 148.

[157] Бобров А.К. Концептуальные основы внешней политики России: Научное мздание / А.К. Бобров. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. с. 19.

[158] Шаклеина Т.А., Байков А.А. (ед.) Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в 21 веке / Под ред. Т.А. Шаклейной, А.А. Байкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. С 295.

[159] Tsygankov A.P. Russian Foreign Policy. –Rowman&Littlefield: Lanham. 2016, p. 99.

Тот факт, что западные игроки не рассматривали Россию как равноправного партнера, был важным фактором изменений[160]. Чтобы сбалансировать эту системную проблему, Примаков искал партнерства с развивающимися незападными игроками, особенно с Китаем и Индией. Целью было минимизировать ущерб, нанесенный международными процессами, из которых Россия была исключена[161]. Концептуальный дизайн восточного вектора стратегии Е. Примакова был основан на столпах продолжения хороших отношений с Западом при продвижении отношений с евразийскими державами[162]. Он также предложил две необходимости по восстановлению статуса России: уравновешивание однополярных амбиций США и интеграция бывшего советского пространства. Для компенсации экономических ограничений была применена идея «активной внешней политики»[163]. В Концепции национальной безопасности 1997 г. констатируется, что степень влияния России на глобальные процессы существенно снизилась, хотя, в целом, миропорядок движется в сторону многополярности[164].

С ростом экономики и внутренней стабильности в 2000-х гг. российская дипломатия стала более сбалансированной, уверенной и активной[165]. Москва продолжала следовать целям доказать, что она является великой державой, стать стратегически независимой от других держав и уравновесить военную мощь США и их союзников[166]. Для достижения этой цели Кремль провел две диверсификации[167]: 1) поиск альтернатив транзитным странам, таким как Украина и Белоруссия; 2) поиск новых партнеров помимо европейских стран (особенно в Азии). В этот период российские политики уже воспринимали свою страну как современную великую державу, и главным национальным интересом для них стало

---

[160] Koldunova E. Eussia and Regional Institutions in the Asia-Pacific Region // Russian Politics and Law. 54:5-6, pp. 517

[161] Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессыб 2007. 1(13), p. 59.

[162] Торкунов А.В. Стрельцов Д.В. Колдунова Е.В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Полис. 2020. №5. 8-21. с. 11.

[163] Tsygankov A.P. Russian Foreign Policy. – Rowman&Littlefield: Lanham. 2016, p.101.

[164] Sergunin A. Explaining Russian Foreign Policy Behavior – Theory and Practice. ibidiem: Stuggart. 2016, p. 150.

[165] Koldunova E. Russia and Regional Institutions in the Asia-Pacific Region // Russian Politics and Law, 2020. 54:5-6, pp. 518.

[166] Kazantsev A., Rutland P., Medvedeva S., Safranchuk I. Russia's policy in the "frozen conflicts" of the post-Soviet space: from ethno-politics to geopolitics // Caucasus Survey, 2020. 8:2 pp. 146.

[167] Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессыю 2007. 1(13), p. 65.

развитие и экономический рост России. Хотя философия Е. Примакова о многополярности и балансировании гегемонии сохранялась, прагматичное сотрудничество с мировыми державами (включая Запад) было приоритетным по сравнению со сдерживанием американского влияния в мире[168]. После 2000 г. политика России стала более глобальной и это было отражено во внешнеполитической доктрине 2008 г. упоминанием о том, что «новый миропорядок должен основываться на принципах равенства, взаимного уважения, взаимовыгодного сотрудничества и верховенства международного права»[169].

Как уже отмечалось, Россия стремилась к сбалансированным отношениям с Западом. Особенно во время президентства Б. Обамы в США и Д. Медведева в России, была даже предпринята неудачная попытка «перезагрузить» отношения[170]. Но противоречия с Западом продолжались, и было много разногласий, включая вторжение США в Ирак в 2003 г., войну с Грузией в 2008 г., интервенцию НАТО в Ливию в 2011 г., гражданскую войну в Сирии и многие другие геополитические события. Конфронтация достигла точки разрыва, когда произошел политический кризис на Украине. Конфронтация с США и европейскими странами в 2014 г. стала последней каплей для изменения позиции России по отношению к Западу. Внешнеполитические установки нынешнего политического истеблишмента в Москве является следствием обстановки после холодной войны, в которой российская элита увидела угрозы выживанию своего государства. Россия в течение 25 лет после окончания холодной войны развивалась в эпоху беспрецедентной американской мощи и наблюдала такие кризисы, как Косово 1999 г., Ирак 2003 г., Украина 2004 г., Грузия 2008 г., Ливия 2011 г., Сирия 2012 г. и Украина 2014 г.[171]. Каждый кризис вызывал и усиливал растущий нарратив об опасности мощных, интервенционистских Соединенных Штатов. Идеологические сомнения и смутные поиски национальной идеи в 1990-е гг. постепенно сменялись с середины 2000-х, а

---

[168] Tsygankov A.P. Russian Foreign Policy. – Rowman&Littlefield: Lanham. 2016, p. 101.
[169] Sergunin A. Explaining Russian Foreign Policy Behavior – Theory and Practice. ibidiem:Stuggart. 2016, p. 160.
[170] Перезагрузка отношений США и России не отменила разногласий / Ведомости. 30.12.2009. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2009/12/30/perezagruzka-otnoshenij-ssha-i-rossii-ne-otmenila-raznoglasij (дата обращения: 05.09.2022)
[171] Darden K.A. Russian Revanche // Daedalus. Spring 2016. Vol 146, no 2. P. 130

после Украинского кризиса возник политико-идеологический консенсус, который обсуждался выше[172].

Помимо необратимого ущерба в отношениях с либеральным миром, в Москве существует общее убеждение о возникновении многополярного мира и отступлении гегемонии США. И сегодня национальные интересы России рассматриваются как стремление к стабильности в этом неспокойном и конкурентном состоянии мировой политики[173]. А.П. Цыганков утверждает, что в этот период усилились представления о русской (и евразийской) цивилизации[174]. По его словам, этот поворот к евразийской цивилизации проявился после 2012 г. и стал сильнее после событий в Украине в 2014 г. Раньше евразийская политика Москвы была связана с идей о том, что Азия будет центром мировой экономики, а сейчас она сосредоточена на том, чтобы сбалансировать экономическое влияние Запада[175].

Подводя итог, можно сказать, что сегодня дипломатия Москвы является совокупным следствием трех процессов: 1) восприятие угрозы со стороны однополярного либерального международного порядка, которое подтолкнуло Россию к принятию более эффективных оборонительных мер в ближнем зарубежье; 2) глобальная децентрализация власти, вызванная деградацией однополярной системы и экономическим сдвигом на Восток; 3) неудача интеграции с Западом в качестве равноправного партнера, которая проложила путь к укреплению евразийской идентичности. Эти три процесса являются основными столпами современной внешней политики России и обеспечили принятие концепций антигегемонизма, многополярности и евразийства.

---

[172] Melville A. A Neoconservative Consensus in Russia? Main components, factors of stability, potential of erosion // Russian Social Science Review, 61:3-4 pp. 220-235.
[173] Sergunin, A. Explaining Russian Foreign Policy Behavior – Theory and Practice. ibidiem: Stuggart. 2016, p. 164.
[174] Tsygankov A.P. Russian Foreign Policy. – Rowman&Littlefield: Lanham. 2016, p. 203.
[175] Торкунов А.В. Стрельцов Д.В. Колдунова Е.В. Российский поворот на Восток: Достижения, проблемы и перспективы //Полис. 2020. №5 с. 12.

2.2 Основные концепции внешней политики России

2.2.1 Антигегемонизм

Антигегемонистскую позицию в российской внешней политике можно определить как недовольство односторонним подходом США и их союзников. Эта идея существовала с середины 1990-х г. и укреплялась с каждым кризисом, который происходил с тех пор. Россия громко заявила об этом в 2007 г., о чем свидетельствует выступление президента Путина на Мюнхенской конференции по безопасности[176]. Провал либерального экономического порядка вокруг «Большой восьмерки» во время глобального экономического кризиса 2008 г. также усилил идею о конце западоцентричной международной политики[177].

Однако эта идея безоговорочно доминировала в российском политическом дискурсе, когда отношения с Западом достигли дна в 2014 г. после кризиса в Украине. Для Москвы однополярность противоречит идее суверенитета и невмешательства[178]. В этом контексте Россия отвергает концепции гуманитарного вмешательства или ответственности по защите (*Responsibility to Protect - R2P*), поскольку видит в них инструменты западных держав для продолжения однополярной системы. Москва категорически заявила о превосходстве принципа суверенитета над ответственностью по защите в 2011 г. во время событий в Ливии. Резолюция ООН о создании бесполетной зоны была по-разному интерпретирована западными игроками и Россией: если первые использовали резолюцию как оправдание для свержения режима Каддафи, то Москва рассматривала ее как механизм деэскалации[179]. После интервенции НАТО в страну и последующей гражданской войны Москва предприняла более решительные действия по защите своей позиции и напрямую помогла режиму Асада в Сирии. В этих рамках воспринимаются и массовые протесты и восстания. Поэтому Россия

---

[176] Путин В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности / Сайт Президента РФ. 10.02.2007. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 05.09.2022)

[177] Шаклеина Т.А., Байков, А.А. (ред.) Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в 21 веке / Под ред. Т.А. Шаклейной, А.А. Байкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. С 50.

[178] Kharkevich M.V. The Critical Experience of Russia in Global Governance // Russian Politics and Law, 2016. 54:5-6, pp. 472.

[179] Примаков Е.М. Внешняя политика России: задачи и перспективы. / И.С. Иванов (под ред.) Внешняя Политика России 2000-2020. Том 1 // М.: Издательство «Аспект Пресс», 2012. с. 12.

интерпретирует такие движения как акты вмешательства Запада, особенно когда они происходят на постсоветском пространстве (так называемые «цветные революции»).

Антигегемонизм и сопротивление однополярности не отражаются в российской дипломатии как желание изменить систему, напротив, это служит основой для защиты норм, которые лучше всего отвечают интересам Москвы. В этом контексте Р. Саква утверждает, что Россия не пытается изменить международную систему, но пытается изменить то, как западные страны работают в ней, и определяет роль Москвы как «нормоустановителя» (*norm-enforcer*), имея в виду, что Россия хочет укрепить систему ООН, в которой односторонние действия будут более сложными[180]. Ключевая доктринальная идея российской внешней политики - сдерживание распространения анархии и предотвращение распада государственности[181]. Т. Романова утверждает, что «Россия стремится трансформировать глобальный порядок таким образом, чтобы он лучше учитывал ее взгляды и интересы, но не пытается заменить его совершенно новым набором правил»[182].

Антигегемонистская позиция влияет на российскую внешнюю политику двумя способами: во-первых, самоидентификация Москвы в мировой политике и то, как она воспринимает других акторов. Россия видит угрозы со стороны Запада, включая массовые протесты в постсоветских республиках, экономическое давление, вызванное санкциями или конфликтом в Украине. В соответствии с этим Россия установила оборонительную антизападную политику, которая воспринимает любую попытку проникновения в постсоветскую географию как враждебную[183]. По мнению П. Баева, после украинского кризиса российское

---

[180] Sakwa R. Russia Against the Rest: The Post-Cold War Crisis of World Order. – Cambridge, Cambridge University Press, 2017. pp. 104

[181] Тимофеев И. Новая предсказуемость России. [Электронный ресурс] РСМД. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-predskazuemost-rossii/ (дата обращения: 05.09.2022)

[182] Romanova T. 'Russia's Neorevisionist Challenge to the Liberal International Order' / The International Spectator, 2018. No. 53, p.1-21.

[183] Тимофеев И. Новая предсказуемость России. [Электронный ресурс] РСМД. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-predskazuemost-rossii/ (дата обращения: 05.09.2022)

общество также мобилизовано на сопротивление внешним и внутренним угрозам[184]. Такое восприятие угроз породило идею «крепости Россия», которая подчеркивает такие современные угрозы, как ослабление международного права, повышение роли силы в международных отношениях, новая гонка вооружений, распространение оружия массового уничтожения и глобальный терроризм, и при этом окружение врагами[185]. Однако А. Кортунов предупреждает о рисках такого подхода, поскольку он ведет к «бункеру», то есть изоляции от мира и извлечению выгоды из глобальных событий[186].

Вторым результатом антигегемонизма является то, как Россия воспринимает незападных игроков. Начиная с эпохи Е. Примакова, Российская Федерация стремится к партнерству с развивающимися державами, чтобы уравновесить гегемонию США. Недовольство существующей системой не является уникальным для Москвы, и многие из этих развивающихся игроков также разделяют его. Утверждается, что внешняя политика США своими односторонними решениями сама столкнула с ней этих игроков, особенно Россию и Китай[187]. Другой пример - движение БРИКС, которое во многих случаях выступало против США, например, воздержалось при голосовании в ООН по Крыму в 2014 г. и выступило против позиции США в Сирии[188]. Помимо конкретных действий, которые они предпринимают вместе, сам процесс фактически является «демократизацией глобализации», управляемой незападными государствами в мировой политике[189]. Глобально разделяемое недовольство мировым порядком является движущей силой следующей концепции: многополярности.

---

[184] Baev P. Russia Outside the Security System // Russian Politics & Law, 2015. 53:4, pp. 93.
[185] Melville A. A Neoconservative Consensus in Russia? // Russian Politics & Law, 2017. 55:4-5, pp. 316.
[186] Кортунов А.В. Крепость или бункер / РСМД. 13.06.2022. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krepost-ili-bunker/ (дата обращения: 05.09.2022)
[187] Lukin A., Torkunov A. Trump's Policies and the Sino-Russian Entente. // Survival: Global Politics and Strategy, 2020. Vol. 62. No. 2. pp. 27-36.
[188] Nuruzzaman M. Why BRICS is no threat to the Post war liberal world order // International Studies, 2020. 57:1 pp. 51-66.
[189] Onis Z. Kutlay M. The New Age of Hybridity and Clash of Norms: China, BRICS, and Challenges of Global Governance in a Postliberal International Order // Alternatives, 2020. P .2

2.2.2. Многополярность

Критика Россией однополярной системы происходит вместе с идеями о создании коммуникативного действия в международных отношениях для альтернативного порядка[190]. В основе этой альтернативы лежит идея о возникновении многополярного мира, имеющего множество центров, уравновешивающих друг друга. Концепция многополярности появилась еще задолго до сегодняшних международных конфликтов[191]. Для России цель не заменить США в мировой системе, а стать одним из формирующихся центров силы в координации с другими игроками, такими как Китай и Индия[192]. Важной функцией защиты «многополярности» для Москвы является ведущая роль в активной антиамериканской позиции при поддержке других незападных акторов[193]. В связи с этим, акцент России на евразийской политике является «сознательном актом девестернизации»[194].

Поэтому поворот России на Восток является частью ее многополярного мировоззрения. Экономическая и политическая уязвимость перед Западом только ускоряет этот процесс. Многополярность, как ее понимают российские круги, рассматривает не только взаимодействие между великими державами, но и партнерство с региональными малыми странами[195]. Т.В. Бордачев и П.А. Сергеевна рисуют три круга формирующейся евразийской идентичности, и в этой пространственной логике Европа стоит на периферии. Они утверждают, что стабильность в центральном круге может быть обеспечена только в том случае, если не будет угроз с периферии[196]. Этот пример знаменателен тем, что Москва вновь начала рассматривать себя как центр окружающей географии всего через два

---

[190] Kharkevich M.V. The Critical Experience of Russia in Global Governance // Russian Politics and Law, 2016. 54:5-6, pp. 461-476.

[191] Тимофеев, И. (2019) Новая анархия? Сценарии динамики мирового порядка / РСМД. 02.08.2019. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-anarkhiya-stsenarii-dinamiki-mirovogo-poryadka/. (дата обращения: 05.09.2022)

[192] Tsygankov A.P. Russian Foreign Policy. – Rowman&Littlefield: Lanham. 2016, p. 187.

[193] Baev P. Russia Outside the Security System // Russian Politics & Law, 2015. 53:4, p.97.

[194] Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. Движущие силы российского поворота на Восток // Сравнительная политика, 2020. Vol 11 No 1, с. 113.

[195] Виноградов А.В. Россия в Евразии: между Китаем и Западом. Идентичность, идеология и геополитика // Контуры глобальных трансформаций, 2019. Том 12 №2, с. 236.

[196] Бордачев Т.В. Сергеевна П.А. Евразийская повестка сотрудничества // Вестник международных организаций, 2018. т 13 №3, с. 39.

десятилетия после прозападной внешней политики. Идея о многополярном мировом порядке и роли России как одного из многочисленных центров в нем настолько сильна, что, как утверждает российский эксперт А.К. Бобров, нынешняя внешнеполитическая доктрина Российской Федерации была построена вокруг этого мировоззрения[197].

Китай представляется одним из наиболее важных возможных участников процесса создания многополярного мира. Он уже сотрудничает с Россией в таких проектах как БРИКС и ШОС. Особенно деятельность в рамках Шанхайской организации сотрудничества уже послужила цели бросить вызов гегемонии США[198]. Помимо антигегемонистского дискурса, Китай важен для России из-за своих экономических возможностей. Более глубокие отношения смягчили бы ущерб, наносимый европейским и американским экономическим давлением[199]. Однако многие эксперты выражают скептицизм по поводу отношений между Китаем и Россией. Например, А. Кричкович утверждает, что Пекин использует Москву, чтобы сбалансировать те аспекты гегемонии США, которые ему не нравятся, избегая при этом издержек прямого вызова[200]. Многие также упоминают риск того, что Россия станет «младшим партнером» в этих отношениях. Утверждается, что включение Индии в ШОС было попыткой сбалансировать влияние Китая в этой организации[201]. А.В. Кортунов, с другой стороны, указывает на отсутствие стратегической перспективы в российско-китайских отношениях[202]. В любом случае, существует общее мнение, что России нужна более сильная позиция в многополярном мире, и на этот раз не только для противостояния Западу, но и для конкуренции с другими возникающими центрами силы. Эта

---

[197] Бобров А.К. Концептуальные основы внешней политики России: Научное издание / А.К. Бобров. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – с. 64.

[198] Unaldilar-Kocamaz S. The rise of new powers in world politics // Uluslararası İliskiler, 2019. vol 16 no 61. p. 140.

[199] Торкунов А.В. Стрельцов Д.В. Колдунова Е.В. Российский поворот на Восток: Достижения, проблемы и перспективы // Полис №5, с. 16.

[200] Krickovic A. The Symbiotic China-Russia Partnership: Cautious Riser and Desperate Challenger. The Chinese journal of international politics, 2017, vol 10 no 3, pp. 299.

[201] Бордачев Т.В. Сергеевна П.А. Евразийская повестка сотрудничества // Вестник международных организаций т 13 №3 2018.

[202] Кортунов А.В. Кто будет строить новый миропорядок? [Электронный ресурс] Режим доступа: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/who-will-build-the-new-world-order/ (дата обращения: 05.09.2022)

необходимость построения более крепкого «круга» вокруг России, в котором она будет обладать решающей силой, является основной причиной того, что третья концепция, евразийство, чаще обсуждается в политическом дискурсе.

2.2.3. Евразийство

В соответствии с концепциями снижения гегемонии США и появления многополярности, Москва считает, что в новой системе каждый центр силы должен иметь лидерство в окружающем его регионе, и для России таким регионом является постсоветская география в Евразии[203]. Это многополярное видение евразийства отличается от прежнего подхода «вместе в Европу», который был направлен на интеграцию со странами Центральной Азии и Кавказа для сближения с Западом[204]. По мнению Ф.В. Лукьянова, Москва может компенсировать свое невыгодное положение в либеральном мире, гарантируя лидирующую позицию в «постлиберальном мире»[205]. Потому что, на этом новом этапе мировой политики Россия находится в центре региона, и сама идея этого региона сконструирована Россией[206]. Помимо геополитического аспекта евразийства, С.А. Караганов указывает на идеологические проблемы, которые есть у Европы, и предполагает, что новая стратегия послужит «евразийским выходом из европейского кризиса»[207].

Можно утверждать, что существует два уровня евразийства. Во-первых, это «Большая Евразия», в которой экономическое сотрудничество со всеми азиатскими странами стремится к мягкой интеграции, а во-вторых, это ядро, в котором Россия выступает в качестве единственного лидера (как в Евразийском экономическом союзе или Организации Договора о коллективной безопасности). Если первая нацелена на получение выгоды от партнерства в Азии в целом, то вторая - на избежание попадания Москвы в роль периферийного или младшего партнера.

---

[203] Kaczmarski M. Non-western visions of regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union // International Affairs. 91:6. 2017. pp. 1357-1376

[204] Safranchuk I. Foreign Economic and Security Interests in Russia in a Reconnecting Eurasia. – Center for Strategic and International Studies CSIS, 2016. pp. 23.

[205] Лукьянов Ф. В тени советского статуса. Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://globalaffairs.ru/articles/v-teni-sovetskogo-statusa/ (дата обращения: 05.09.2022)

[206] Lewis D.G. Geopolitical Imaginaries in Russian Foreign Policy: The Evolution of Greater Eurasia // Europe-Asia Studies, 2018. 70-10. pp.1612-1637.

[207] Караганов С. Евразийский выход из европейского кризиса. Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://globalaffairs.ru/articles/evroaziatskij-vyhod-iz-evropejskogo-krizisa-2 (дата обращения: 05.09.2022)

Евразийство в целом направлено на обеспечение роли Москвы как одного из создателей нового порядка, укрепление «российского пути» как наиболее привлекательного способа интеграции на постсоветском пространстве и создание альтернатив в международных экономических и дипломатических взаимодействиях[208]. Более того, евразийская интеграция также ограничивает риск вмешательства нерегиональных держав в процессы в Евразии[209]. Таким образом, несмотря на все финансовые мотивы и нарратив на экономические потенциалы, евразийство в основном движется геополитическими соображениями[210]. Оно является попыткой создать новую идентичность для новых глобальных условий.

Формирование евразийской идентичности происходит на нескольких уровнях - от создания межправительственных организаций до изменения дискурса элит. Например, в 2012 г., говоря о том, что «Россия не стыдится своих азиатских корней», президент Путин заявлял о готовности российской экономики принять «китайский ветер» в российские «паруса»[211]. В этой теме С.А. Караганов предупреждает об ограничениях, которые будут вызваны западно-ориентированным мировоззрением российских элит[212]. Российский политолог Т.В. Бордачев, с другой стороны, утверждает, что для евразийской интеграции Москва должна играть роль, аналогичную роли Франции в европейской интеграции, как «интеллектуальный двигатель формирующейся системы»[213]. Это означает, что для Москвы крайне важно быть столицей концептуальных рамок, дискурса и идеологической основы формирующейся евразийской идентичности.

Подводя итог, можно сказать, что международные процессы с 1991 г. формировали внешнюю политику России в четыре этапа, каждый из которых был обусловлен диалектическим противопоставлением предыдущих. Во-первых,

---

[208] Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. Движущие силы российского поворота на Восток // Сравнительная политика, 2020. 11(1)., с. 113.

[209] Дынкин А. Телегина Е. Халова Г. Роль Евразийского Экономического Союза в формировании Большой Евразии // Мировая Экономика и Международные отношения. 2018. Т. 62. № 3 с. 7.

[210] Лукин А.В. Новиков Д.П. От Большой Евровы к Большой Евразии что несет миру коренной геополитический сдвиг // Восток (oriens), 2019. №5., с. 63.

[211] Владимир Путин: Безопасность в мире можно обеспечить только вместе с Россией / Российская газета. 26.02.2012. – Режим доступа: https://rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html (дата обращения: 11.09.2022)

[212] Караганов, С. Макаров, И. Российский поворот на восток / Россия в глобальной политике.

[213] Бордачев, Т.В. Что Россия может дать Азии? // Вопросы географии. 148. С.73

Россия пыталась занять место в гегемонистской однополярной либеральной системе. Однако геополитические разногласия с Западом заставили российские элиты искать альтернативный порядок. Одновременно значительное экономическое развитие возникающих незападных центров силы, интегрированных в неолиберальную глобальную экономику и становившихся геополитическими центрами, ослабляло однополярность. В результате укрепилась идея многополярной системы.

Москва добивалась более выгодного места в многополярной системе с помощью дипломатических инициатив, таких как БРИКС или ШОС; активного противостояния политике США в Ираке или Ливии; идеологической позиции против нормативных концепций, таких как «Ответственность за защиту» или гуманитарное вмешательство. Однако элиты также осознали, что для того, чтобы быть великой державой в многополярном порядке, акторам необходимо, прежде всего, обеспечить свое влияние в окружающей географии. Это открыло дорогу третьему шагу - Евразийству.

Евразийство является процессом поиска новой идентичности для адаптации к международным процессам, которое все еще формируется. Риск оказаться в неравноправном партнерстве с любым международным актором подтолкнул Москву к диверсификации евразийской политики на двух уровнях. С одной стороны, есть идея Большой Евразии для развития партнерства с крупными азиатскими экономиками, особенно с Китаем. С другой стороны, есть более узкие, но более глубокие интеграционные проекты, такие как ЕАЭС и ОДКБ, которые направлены на сохранение основных российских стратегических интересов. При таком подходе российские политики пытаются извлечь выгоду из потенциала развития азиатской экономики без риска потерять авторитет перед какой-либо другой державой.

Поэтому сегодня стратегия Москвы в Центральной Азии и на Кавказе тесно связана с ее мировоззрением. В следующем разделе региональная политика России будет рассмотрена в двух частях. Первая часть посвящена региональному аспекту, объясняя деятельность Москвы в рамках Евразийского экономического союза и

Организации Договора о коллективной безопасности. Кроме того, будет проанализирована идея Большой Евразии и ее возможное влияние на Центральную Азию и Кавказ. Во второй части будут рассмотрены прямые двусторонние отношения России со странами Центральной Азии и Южного Кавказа.

Рисунок 1. Концептуальная эволюция внешней политики России

На Рис. 1 кратко показано, как вышеупомянутые три концепции формируют внешнюю политику России в Центральной Азии и на Кавказе. Двойное следствие подъема азиатских экономик и ослабления господства Западной гегемонии прокладывает путь к многополярному мировому порядку. Сегодня среди российской элиты широко распространено мнение о «расширении клуба великих

держав»[214]. В связи с этим на данном этапе Россия позиционирует себя как один из лидеров антигегемонизма в рамках многосторонних механизмов, устанавливая взаимовыгодное сотрудничество с развивающимися державами. На следующем этапе концептуальные и дипломатические изменения в глобальной политике формируют конкретную стратегию Москвы в ближнем зарубежье. В первую очередь, противодействие давлению Запада на Россию (экономические меры и стратегия смены режима). Во-вторых, для привлечения экономического потенциала Евразии, особенно китайских инвестиционных проектов, расширение сотрудничества осуществляется с помощью новых механизмов. В связи с этими двумя моментами позиции Москвы в Центральной Азии и на Кавказе укрепляются благодаря многосторонней интеграции и тесным двусторонним связям. В конце концов, этот процесс завершается двойным подходом в региональной дипломатии России: широко обозначенный проект «Большая Евразия» и узко-глубокая евразийская интеграция с постсоветскими республиками.

2.3. Векторы российской внешней политики в отношении республик Центральной Азии и Южного Кавказа

2.3.1. Деятельность Москвы в рамках межгосударственных организаций и инициатив

Внешнюю политику России в Центральной Азии и на Южном Кавказе невозможно рассматривать без учета ее интеграционных проектов через межправительственные организации, в том числе Евразийский экономический союз, Организацию Договора о коллективной безопасности и Шанхайскую организацию сотрудничества. Первые две организации стремятся к глубокой интеграции с доминированием Москвы в ближнем зарубежье, третья нацелена на более мягкое партнерство с Евразией в целом.

[214] Шаклеина, Т.А., Байков, А.А. (ед.) Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в 21 веке / Под ред. Т.А. Шаклейной, А.А. Байкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. С 296.

2.3.1.1. Евразийский Экономический Союз

Идея Евразийского союза была впервые сформулирована бывшим президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым в 1994 г. во время его визита в Москву. В своем выступлении в Московском государственном университете он сказал, что «история и судьба» готовили новые республики к совместным действиям по созданию «единого сообщества»[215]. Сначала, новый проект объединения был назван «Евразийским Союзом» предложенный Москвой. Впрочем, другие участники, особенно Казахстан, настаивали на экономической ориентации организации и не хотели включать другие вопросы, такие как безопасность, политическая или правовая интеграция[216]. Трехстороннее соглашение между Москвой, Минском и Акмолой (Нурсултан сегодня) о создании таможенного союза можно рассматривать как первый официальный шаг на пути к сегодняшнему Евразийскому экономическому союзу. С этим соглашением три игрока создали «таможенный союз, цели и принципы формирования, механизм и этапы создания, порядок его функционирования, а также распределение таможенных пошлин, налогов и сборов, условия введения временных ограничений и таможенного контроля»[217]. Данное соглашение играло важную роль при создании сегодняшнего экономического союза поскольку основные принципы организации были уже определены. В следующем году Кыргызстан присоединился к «тройке», подписав соглашение об «углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях». В документе подчеркиваются исторические связи между народами подписавших его стран и их стремление к углублению интеграции[218]. Таджикистан

---

[215] Назарбаев Н. (1994) Оригинальный текст выступления н.а. назарбаева 29 марта 1994 г. в московском государственном университете. / ИАЦ. Режим доступа: https://ia-centr.ru/publications/originalnyy-tekst-vystupleniya-n-a-nazarbaeva-29-marta-1994-g-v-moskovskom-gosudarstvennom-universit/ (дата обращения: 05.09.2022)

[216] Popescu N. The real, the imaginary, and the likely // European union institute for security studies. Chaillot Paper № 132 — September 2014. Режим доступа: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_132.pdf (дата обращения: 05.09.2022)

[217] Соглашение о Таможенном союзе. 20.01.1995. / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/1900670 (дата обращения: 05.09.2022)

[218] Договор между Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. 29.03.1996 / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/1901125 (дата обращения: 05.09.2022)

присоединился к проекту в 1998 г. И эти пять государств в 2000 г. создали Евразийское экономическое сообщество для развития интеграции[219].

Однако не все страны-участницы имели возможность выполнить требования, предъявляемые к экономическому союзу. Поэтому в 2006 г. Россия, Беларусь и Казахстан решили продолжить процесс, пока Кыргызстан и Таджикистан работают над своей финансовой, институциональной и экономической подготовкой. Названные три государства подписали «Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации» в 2007 г.[220] После 2007 г. региональная интеграция стала приоритетной для Москвы из-за глобального экономического кризиса и ухудшения отношений с Европой по геополитическим вопросам[221]. Среди элит существовало общее убеждение о необходимости противостоять влиянию кризиса как единое целое, а также о необходимости сбалансировать давление, вызванное ухудшением отношений с Западом после войны в Грузии в 2008 г. Таможенный союз между «тройкой» был активизирован в 2010 г. Затем, в 2011 г. был подписан договор о «Едином экономическом пространстве», который вступил в силу в 2012 г. Таким образом, начала действовать первая из «четырех свобод» – свобода движения товаров[222].

Свою окончательную форму организация приняла в 2015 г., когда члены таможенного союза и единого экономического пространства объявили о создании Евразийского экономического союза. Вскоре после объявления о создании к Союзу присоединились также Кыргызская Республика и Армения. Цели организации были обнародовали как «всесторонная модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик и создание условий для

---

[219] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 05.09.2022)

[220] Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза от 06.10.2007 / Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/902200992 (дата обращения: 05.09.2022)

[221] Safranchuk, I. Foreign Economic and Security Interests in Russia in a Reconnecting Eurasia. // Center for Strategic and International Studies CSIS, 2016. pp. 23.

[222] Четыре свободы в ЕАЭС / Сайт Евразийской Комисии. 02.02.2016. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/02-02-2016-inf.aspx (дата обращения: 05.09.2022)

стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов»[223].

В статье 8 учредительного документа организации упоминаются четыре основных органа[224]:

1) Высший Евразийский экономический совет (Саммит глав государств-членов);

2) Евразийский межправительственный совет (глав правительств государств-членов);

3) Евразийская экономическая комиссия (постоянная бюрократическая часть организации);

4) Суд Евразийского экономического союза (судебный орган для урегулирования разногласий внутри союза).

Целью проекта являются четыре свободы – движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. По словам премьер-министра России Мишустина, Союз уже достиг эти цели[225].

Как видно из таб. 1, Россия является доминирующим игроком Союза. Торговые операции, которые Россия ведет с другими членами, не так значимы для Москвы, как для остальных стран. Как уже говорилось, организация имеет для России в основном геополитическое значение, чтобы очертить границы своей зоны влияния. Тем не менее, это процесс экономической интеграции, который требует от организации установления контактов с новыми участниками, будь то в качестве членов или партнеров. В этом контексте Евразийский экономический союз был представлен как открытый проект, который готов к сотрудничеству с другими инициативами, такими как ЕС или китайский проект Шелкового пути, а также к партнерству с разными странами[226]. В том числе были подписаны соглашения о

[223] Евразийский Экономический Союз - Общая информация. / Сайт ЕАЭС. – Режим доступа: http://www.eaeunion.org/?lang=ru#about-info (дата обращения: 05.09.2022)

[224] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 05.09.2022)

[225] В ЕАЭС активно реализуется свобода движения товаров, услуг, рабочей силы и капиала / Сайт Евращийского банка развития / Режим доступа: https://eabr.org/press/news/mishustin-v-eaes-aktivno-realizuetsya-svoboda-dvizheniya-tovarov-uslug-rabochey-sily-i-kapitala/ (дата обращения: 05.09.2022)

[226] Entin, M. Entina, E. The New Role of Russia in the Greater Eurasia // Strategic Analysis, 2016. 40:6. Pp.590-603.

свободной торговле с Вьетнамом (2016 г.), Сингапуром (2019 г.) и Сербией (2019 г.). Союз также заключил торговое соглашение с Ираном в 2018 г., и до сих пор ведутся переговоры о заключении более всеобъемлющего соглашения[227].

Таблица 1. Экономические показатели член-государств ЕАЭС

Государство-член	Численность населения (тыс.ч.)[228]	ВВП (2020) (долл. США)	ВВП ППС (2020 – долл. США)[229]	Экспорт РФ 2020[230]	Импорт РФ 2020
Россия	144,104	1,483,498	4,133,084	=	=
Казахстан	18,754	169,835	501,279	14,051	5,055
Беларусь	9,399	60,258	189,854	15,980	12,605
Армения	2,963	12,645	39,364	1,660	647
Киргизия	6,592	7,736	32,728	1,457	240

Россия рассматривает Союз как важнейшую постсоветскую политическую инициативу, которая послужит образцом для всех стран СНГ[231]. Союз рассматривается как возможность гарантировать роль Москвы в пост-однополярном порядке как одного из самостоятельных центров силы[232]. Он также рассматривается как ответ Москвы на «экономического экспансию Китая»[233]. В силу этой логики Россия не желает идти на глубокую экономическую интеграцию в рамках более широких организаций, таких как ШОС, и вместо этого продвигает Союз в качестве доминирующего игрока[234]. Организация также обеспечивает своим членам лучшую позицию на переговорах с другими игроками, объединяя их

[227] Смагин Н. Торговля Ирана с ЕАЭС и перспективы ее развития / РСМД. 17.03.2021. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/torgovlya-irana-s-eaes-i-perspektivy-ee-razvitiya/ (дата обращения: 05.09.2022)

[228] Population 2021 / Сайт Всемирного банка. – Режим доступа: https://databank.worldbank.org/data/download/POP.pdf (дата обращения: 05.09.2022)

[229] Gross domestic product 2021, PPP / Сайт Всемирного банка. – Режим доступа: https://databank.worldbank.org/data/download/GDP_PPP.pdf (дата обращения: 05.09.2022)

[230] Торговля в России - 2021 г. / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b21_58/Main.htm (дата обращения: 05.09.2022)

[231] Kaczmarski M. Non-western visions of regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union // International Affairs. 2017, 91:6. p. 1368.

[232] Лукин А.В. Россия и Китай в Большой Евразии // Полис. 2020. №5. С 52.

[233] Байков А.А. Международные отношения в постсоветском ареале. / Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в 21 веке / Под ред. Т.А. Шаклейной, А.А. Байкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. 448 с. С 380.

[234] Krickovic A. The Symbiotic China-Russia Partnership: Cautious Riser and Desperate Challenger // The Chinese journal of international politics, 2017, vol 10 no 3, 319.

экономические интересы и выражая единство[235]. Утверждается, что такое единство между членами также ограничивает влияние нерегиональных игроков в Евразии[236]. Чтобы сохранить солидарность для нынешних членов и сделать организацию более привлекательной для потенциальных участников, Москва не стесняется вносить финансовые взносы в Союз. Согласно исследованию, по сути, Евразийский экономический союз перераспределяет финансовые ресурсы из России в пользу остальных членов[237]. Ярким примером этого является антикризисный фонд в размере 10 млрд долларов США, созданный Союзом в 2009 г.: Россия обеспечила 75% фонда, а Казахстан - 10%[238].

2.3.1.2. Организация Договора о коллективной безопасности

История Организации Договора о коллективной безопасности начинается в 1992 г., когда Российская Федерация подписала документ о коллективной безопасности с Казахстаном, Узбекистаном, Арменией, Киргизской Республикой и Таджикистаном. В следующем году документ подписали еще три республики: Беларусь, Грузия и Азербайджан. Соглашение включало статью о совместном ответе, если один из членов сталкивается с агрессией со стороны третьей страны[239]. Однако срок действия документа истек в 1999 г., Азербайджан, Узбекистан и Грузия решили не продлевать его. Оставшиеся подписавшие соглашение стороны решили сделать шаг вперед в области коллективной обороны и преобразовали механизм в организацию военного сотрудничества. В 2002 г. в Москве была создана Организация Договора о коллективной безопасности. В учредительном документе организации ее миссии объясняются следующим образом: укрепление мира, межгосударственной и региональной безопасности и стабильности, коллективная защита на основе независимости, территориальной целостности и

---

[235] Скриба А.С.Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // Вестник Международных Организаций. 2016. Т. 11. No 3. с. 68.

[236] Дынкин А. Телегина Е. Халова Г. Роль Евразийского Экономического Союза в формировании Большой Евразии // Мировая Экономика и Международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 7.

[237] Libman A. Obydenkova A.V. Regional International Organizations as a strategy of autocracy: the Eurasian Economic Union and Russian Foreign Policy // International Affairs. 2018. 94:5, pp.1045.

[238] Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах / Е.Г. Гарбузарова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – С. 153.

[239] Договор о коллективной безопасности от 15 мая1992 / Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/1900489 (дата обращения: 05.09.2022)

суверенитета государств-членов[240]. В 2009 г. ОДКБ была усилена созданием Коллективных сил реагирования, состоящих из военных подразделений каждого члена[241].

Москва рассматривает Организацию Договора о коллективной безопасности как неотъемлемую часть обеспечения своей безопасности. В Военной доктрине Российской Федерации подчеркивается принцип коллективной обороны государств-членов. В этом контексте в доктрине также упоминается Коллективная сила оперативного реагирования и подчеркиваются обязательства Москвы по содействию этому механизму[242]. О диспропорциональном влиянии России в организации можно судить по данным о военных расходах и размерах армий членов организации (табл. 2). Это доминирование, как утверждается, вызвало у остальных членов опасения по поводу своего суверенитета. Это также послужило причиной выхода Узбекистана из организации в 2012 г.[243] С другой стороны, М. Хаас утверждает, что слабость остальных членов перед угрозами безопасности также является значительной причиной доминирования Москвы[244].

---

[240] Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 / Режим доступа: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/#loaded (дата обращения: 05.09.2022)

[241] Байков А.А. Международные отношения в постсоветском ареале. / Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в 21 веке / Под ред. Т.А. Шаклейной, А.А. Байкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. 448 с. С 388.

[242] Военная доктрина Российской Федерации от 05.02.2010 / Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/bank/30593/page/2 (дата обращения: 05.09.2022)

[243] Deyermond D. The Collective Security Treaty Organization / Routledge Handbook of Russian Foreign Policy ed by A. Tsygankov // Routledge:New York, 2018. pp. 422.

[244] Haas M. Relations of Central Asia with the Shanghai Cooperation Organization and the Collective Security Treaty Organization // The Journal of Slavic Military Studies, 2017. 30:1, pp. 13.

Таблица 2. Оборонительные показатели член-государств ОДКБ.

Государство-член	Занято в армии[245]	Бюджет (в долл. США)	Военные расходы / ВВП[246]	Расходы на душу населения (в долларах США)	Военные расходы в государственном бюджете[247]
Россия	900.000	61.712.500.000	4.3%	422.9	11.4%
Казахстан	39.000	1.732.900.000	1.1%	92.3	4.6%
Беларусь	43.350	844.500.000	1.3%	89.4	30.8%*
Армения	44.800	634.000.000	4.9%	213.9	16.7%
Киргизия	10.900	127.500.000	1.8%	19.5	4.5%
Таджикистан	8.800	80.400.000	1.0%	8.4	3.3%

***** *Источник называет это число подозрительным.*

Утверждается, что данная организация также выполняет функции «защитного интеграционизма» (*protective integrationism*). Это означает, что помимо защиты от внешних и внутренних угроз безопасности, ОДКБ обеспечивает безопасность режимов стран-членов[248]. Эта функция была поставлена под сомнение, когда страны-члены не смогли ответить на запрос правительства Кыргызстана в 2010 г.[249] Однако недавно члены организации вмешались в общественные волнения в Казахстане и вернулись в свои страны после выполнения задачи, поставленной президентом Казахстана Токаевым[250].

2.3.1.3. Шанхайская организация сотрудничества и Большая Евразия

Шанхайская организация сотрудничества основана на механизме «Шанхайской пятерки» в 1996 г. с участием России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана по сотрудничеству в области безопасности. С участием Узбекистана она превратилась в международную организацию в 2001 г.

---

[245] The International Institute for Strategy. The Military Balance 2021. – Routledge: New York, 2021. pp. 164-217.

[246] Military expenditure by country as percentage of gross domestic product, 1988-2020. / SIPRI. 2020. – Режим доступа: https://sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988–2020%20as%20a%20share%20of%20GDP%20%28pdf%29.pdf (дата обращения: 05.09.2022)

[247] Military Expenditure Database / SIPRI. 2021. – Режим доступа: https://www.sipri.org/databases/milex (дата обращения: 05.09.2022)

[248] Libman A. Obydenkova A.V. Regional International Organizations as a straregy of autocracy: the Eurasian Economic Union and Russian Foreign Policy // International Affairs. 2018. 94:5, pp. 1037.

[249] Deyermond D. The Collective Security Treaty Organization / Routledge Handbook of Russian Foreign Policy ed by A. Tsygankov // Routledge:New York, 2018. pp. 423.

[250] ОДКБ объявила о завершении миротворческой миссии в Казахстане // Интерфакс. 13.01.2022. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/world/815218 (дата обращения: 05.09.2022)

Сегодня организация насчитывает девять полноправных членов, три члена-наблюдателя и шесть партнеров по диалогу. Учредительный документ объясняет цели организации следующим образом: укрепление взаимного доверия и добрососедства между членами; сотрудничество по политическим, экономическим и научным вопросам; коллективная защита мира в регионе; содействие созданию справедливого, демократического и рационального нового политического и экономического порядка[251]. Последняя часть четко отражает многополярное мировоззрение Москвы и то, как его разделяют другие члены. Организация уже функционирует как платформа для Китая и России для «осуществления многостороннего лидерства» в противовес односторонней гегемонистской системе[252].

В организации Россия преследует хрупкий баланс между двумя целями: усиление ведущей роли Азии в глобальной политике без отставания от китайского господства. Для первого объекта в центре внимания находится сотрудничество по вопросам безопасности континента, а именно терроризм, сепаратизм и экстремизм (три зла)[253]. Акцент на вопросах безопасности позволяет Москве иметь большее влияние в организации, учитывая размер и опыт России в этой области. Впрочем, существует риск, что Россию затмят огромные финансовые возможности Китая и предпочтения региональных игроков[254]. В этом контексте большая интеграция в ШОС означает усиление китайского влияния в регионе. Чтобы преодолеть этот риск, Россия придерживается трех стратегий: 1) подталкивает интеграцию в рамках ЕАЭС и интегрирует ее с китайскими экономическими инициативами[255]; 2) настаивает на расширении ШОС за счет большего числа членов, которые могут уравновесить вес Пекина[256]; 3) сопротивляется предложениям Китая о большей

[251] Военная доктрина Российской Федерации от 05.02.2010 / Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/bank/30593/page/2 (дата обращения: 05.09.2022)
[252] Unaldilar-Kocamaz S. The rise of new powers in world politics // Uluslararası İliskiler. 2019. Vol 16, no 61, p. 130.
[253] Aris S. The Shanghai Cooperation Organisation: 'Tackling the Three Evils'. A Regional Response to Non-Traditional Security Challenges or an Anti-Western Bloc? // Europe-Asia Studies, 2009. Vol. 61, No. 3, pp. 457-482
[254] Freire M.R. Shanghai Cooperation Organization / Routledge Handbook of Russian Foreign Policy ed. by A.Tsygankov – Routledge:New York, 2018. pp. 400.
[255] Лукин А.В. Россия и Китай в Большой Евразии // Полис, 2020. №5. С 54.
[256] Allison R. Protective integration and security policy coordination: comparing the SCO and SCTO // The Chinese journal of international politics. 2018. pp. 322.

интеграции в рамках ШОС[257]. Однако такой подход значительно снижает эффективность работы организации. Особенно одновременное членство Пакистана и Индии создает трудности для сотрудничества из-за политической вражды между этими двумя игроками[258]. Для России, однако, приоритетом является уравновешивание веса Китая с Индией[259].

2.3.2. Основные направления Российской политики в Центральной Азии и на Южном Кавказе

2.3.2.1. Безопасность

В Центральной Азии и Кавказском регионе российские проблемы безопасности включают: 1) недопущение усиления влияния нерегиональных держав в регионе; 2) обеспечение безопасности нынешних режимов и предотвращение любых «цветных революций»; 3) подавление радикализма и терроризма; 4) контроль границ в отношении нелегальной миграции, наркотрафика и т.д. Помимо вышеупомянутых механизмов ОДКБ и ШОС, Москва стремится к достижению этих целей через двусторонние отношения с региональными игроками, а также через ситуативные многосторонние механизмы.

Вакуум власти после распада Советского Союза в 1991 г. привлек интересы нерегиональных акторов, в том числе США. В 1990-е гг. Российская Федерация также стремилась к партнерству с западными странами, и возникла идея решения региональных проблем с помощью глобальных механизмов. После террористических атак 11 сентября 2001 г. Россия даже предложила логистическую поддержку американской армии. Москва также не возражала против создания американских военных баз в республиках Центральной Азии в 2001 г.[260] Однако это сотрудничество постепенно сошло на нет с закрытием баз Карши-Ханабада в

[257] Troitskiy M. Power, Status and Entanglement: Russia's Evolving Approach to Multilateral Institutions // Russian Politics and Law. 54:5-6. Pp. 415-420

[258] Денисов И.Е., Сафранчук И.А. Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации // Вестник МГИМО-Университета. 2016. 3(48), с 112-122.

[259] Бордачев Т.В. Пятачкова А.С. Евразийская повестка сотрудничества // Вестник Международных Организаций, 2018. Т. 13. No 3, с. 41.

[260] Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах / Е.Г. Гарбузарова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 192 с. С. 21.

Узбекистане (2005 г.) и Манаса в Кыргызстане (2010 г.)[261] Помимо прямого военного присутствия сил НАТО в регионе, Россия рассматривает так называемые «цветные революции» как форму интервенционизма. По словам бывшего министра иностранных дел и премьер-министра России Е. Примакова, подобные мероприятия проводятся одновременно с аналогичными планами по смене власти в России[262].

В то время как приоритет российской дипломатии изменился с «интеграции с Западом» на «стратегическую независимость от Запада», приоритет в географии Центральной Азии и Южного Кавказа меняется в сторону обеспечения военного доминирования Москвы для сохранения влияния в республиках и противостояния гегемонистской экспансии США[263]. Причина такого подхода кроется в убеждении «игры с нулевой суммой» в региональной политике, которая рассматривает ближнее зарубежье как ядро «жизненных интересов» России[264]. Стремление России быть доминирующей военной державой в Центральной Азии и на Кавказе не ограничивается стремлением противостоять вмешательству западных держав. Помимо ощущаемой уязвимости, вызванной внезапным возникновением вакуума власти, регион важен и для внешнеполитической идентичности России, поскольку регион является частью «самовосприятия Москвы как великой державы»[265].

В Центральной Азии Казахстан входит во все международные организации, кроме союзного государства с Россией. Более того, двусторонние отношения довольно тесные. Соглашение о сотрудничестве от 1994 г. было возобновлено министрами обороны двух стран в 2020 г.[266] Также продолжается сотрудничество по стратегическому космодрому Байконур. Общая сумма экспорта российского

---

[261] Safranchuk I. Foreign Economic and Security Interests in Russia in a Reconnecting Eurasia. Center for Strategic and International Studies CSIS, 2016. pp. 7.

[262] Примаков Е.М. Внешняя политика России: задачи и перспективы. / И.С. Иванов (под ред.) Внешняя Политика России 2000-2020 Том 1 // М.: Издательство «Аспект Пресс», 2012. 220 с., с. 10.

[263] Kazantsev A. Rutland P. Medvedeva S. Safranchuk I. Russia's policy in the "frozen conflicts" of the post-Soviet space: from ethno-politics to geopolitics // Caucasus Survey, 2020. 8:2 pp. 146.

[264] Suchkov M. The Caucasus. in Routledge Handbook of Russian Foreign Policy ed. by Tsygankov, A. – Routledge: New York, 2018. pp. 312.

[265] Omelicheva M. Central Asia. in Routledge Handbook of Russian Foreign Policy ed. by Tsygankov, A. – Routledge: New York, 2018. pp. 326.

[266] Гаврилов Ю. Вместе - против угроз / Российсаая газета. 16.10.2020. Режим доступа: https://rg.ru/2020/10/16/rossiia-i-kazahstan-podpisali-dogovor-o-voennom-sotrudnichestve.html (дата обращения: 05.09.2022)

оружия в Казахстан с 1991 г. составляет около 2 млрд долларов, и в стране расположено множество российских военных баз, включая стратегически важный Балкашский радарный узел[267]. Сотрудничество в сфере безопасности с этой страной также важно из-за границы протяженностью 7000 км, через которую проходит 90% наркотрафика в Россию[268].

Нейтральный подход Туркменистана не позволяет Москве развивать тесные военные отношения с Ашхабадом. Поэтому двусторонние отношения между Москвой и Ашхабадом в основном сосредоточены на экономических вопросах[269].

Из оставшихся трех стран «пятерки» Ташкент стремится к максимальной независимости в своей внешней политике с 1990-х гг.[270] Узбекистан присоединился к ОДКБ в 2006 г., вскоре после прекращения военного партнерства с США. Однако в 2012 г. страна решила покинуть организацию. Концепция национальной безопасности Узбекистана объясняет это решение тем, что «страна оставляет себе поле для маневра в случае возникновения событий, угрожающих ее суверенитету»[271].

Кыргызстан и Таджикистан принимают на своей территории значительное российское военное присутствие. В связи с религиозным экстремизмом и терроризмом Россия организует совместные военные учения, поставляет военную технику, делится разведданными, сотрудничает по пограничным вопросам, обучает военных и сотрудников служб безопасности с теми субъектами, которые нуждаются в помощи для борьбы с угрозами их выживанию[272].

Для противодействия вовлечению нерегиональных игроков на Южном Кавказе Россия выступает против цели Грузии вступить в НАТО. Эти устремления,

---

[267] Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах / Е.Г. Гарбузарова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 192 с. С. 58.
[268] Мухаметов Р.С. Внешняя политика России в ближнем зарубежье. / М.: Издательство Юрайт, 2018. –104 с., с.63.
[269] Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах / Е.Г. Гарбузарова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 192 с. С. 101.
[270] Байков А.А. Международные отношения в постсоветском ареале. / Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в 21 веке / Под ред. Т.А. Шаклейной, А.А. Байкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. 448 с. С 387.
[271] Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах / Е.Г. Гарбузарова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 192 с. С. 96.
[272] Omelicheva M. Central Asia. in Routledge Handbook of Russian Foreign Policy ed. by Tsygankov, A. – Routledge: New York, 2018. pp. 327.

аналогичные устремлениям Украины, рассматриваются Москвой как угроза жизненно важным интересам. С другой стороны, Армения, как единственный член Организации Договора о коллективной безопасности на Южном Кавказе, содержит значительную российскую военную базу в Гюмри[273]. После войны 2008 г. Россия признала Абхазию и Южную Осетию независимыми государствами и держит там военные базы.

Азербайджан придерживается иного подхода, чем Армения или Грузия, поддерживая сбалансированные отношения с Россией по вопросам безопасности. До 2012 г. на территории страны размещалась российская радиолокационная станция (Габала). По просьбе Баку Москва решила оставить эту базу закрытой и прекратила свое присутствие в стране. Однако настойчивость Баку в этом вопросе не привела к сдвигу в сторону западного блока, и страна не стремилась к членству в НАТО или американским базам на своей территории[274]. После войны с Арменией в 2020 г. российское военное присутствие вернулось в страну благодаря миротворческим операциям и российско-турецкому наблюдательному пункту. Более того, президент страны Ильхам Алиев подписал союзническое соглашение с Владимиром Путиным, что свидетельствует о прекращении «сбалансированного» подхода и сближении с Москвой[275]. Тем не менее, у страны также есть аналогичные соглашения и механизмы с Турцией, и это могло бы послужить противовесом во внешней политике Азербайджана[276].

Проблема Нагорного Карабаха по-прежнему представляет огромный риск для региона. Хотя Ереван имеет союзническое отношение с Москвой, Россия не хочет терять сотрудничество с Баку. Россия даже поставляла Баку военную технику в качестве акта «геополитического балансирования»[277]. В конце 2020 г. между

---

[273] Все Российские базы / Коммерсантъ. 21.05.2007. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/766827 (дата обращения: 05.09.2022)

[274] Тренин Д. “Россия и страны СНГ: «взросление» отношений” / Внешняя политика России: 2000–2020 – РСМД, М.: Аспект-Пресс, 2011. с.211.

[275] Россия и Азербайджан подписали Декларацию о союзническом взаимодействии / Российская газета. 22.02.2022. – Режим доступа: https://rg.ru/2022/02/22/rossiia-i-azerbajdzhan-podpisali-deklaraciiu-o-soiuznicheskom-vzaimodejstvii.html (дата обращения: 05.09.2022)

[276] Президенты Эрдоган и Алиев в Шуше подписали декларацию о союзничестве / BBC. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/news-57481382 (дата обращения: 05.09.2022)

[277] Suchkov M. The Caucasus. in Routledge Handbook of Russian Foreign Policy Tsygankov, A. Routledge:New York, 2018. pp. 315

двумя странами началась война. Россия не рассматривала возможность задействовать Договор о коллективной безопасности для вмешательства в войну на стороне Армении несмотря на подобные идеи, озвученные в средствах массовой информации[278]. В конце концов инициатива Москвы привела к соглашению о прекращении огня и важной дорожной карте на последующие годы. Если соглашение обеспечит потепление в отношениях между Азербайджаном и Арменией, Россия будет иметь более сильные позиции в регионе.

Таблица 3. Российское военное присутствие в регионе[279]

Страна	Российские военнослужащие	Самолеты	ПРО	Радарная станция	Вертолеты	Брон. военные машины
Армения	3500	12	+	-	19	258
Казахстан			-	+		
Кыргызстан	500	13	-	-	2	
Азербайджан	1960		-	-		
Таджикистан	5000		-	-	10	292
Грузия, Абхазия и Южная Осетия	7000		+			416

2.3.2.2. Экономика

Москва имеет сильные экономические связи с государствами Центральной Азии и Южного Кавказа. Как видно из таб. 4, Россия по-прежнему является наиболее значимым торговым партнером большинства региональных игроков. Исторические связи советской эпохи, географическая близость, возможность говорить на одном языке и многочисленные диаспоры являются основными причинами преимущественного положения России. Существовавшая связь со странами региона деградировала с политическими и экономическими процессами

[278] Мухин В. Почему в Карабахе нет миротворцев ОДКБ / Независимая газета. 17.11.2020. Режим доступа: https://www.ng.ru/armies/2020-11-17/1_8016_karabakh.html (дата обращения: 05.09.2022)
[279] The International Institute for Strategy (2021). The Military Balance 2021. – Routledge:New York, pp. 164-217

1990-х гг., такими как исключение новых республик из рублевой зоны в 1993 г.[280] Российский эксперт Д.В. Тренин объясняет ощущения в Москве в то время так: «Россия устала быть донором» [281].

Растущее с 1991 г. влияние нерегиональных игроков и развивающиеся азиатские экономики также ставили под угрозу положение Москвы в регионе. Чтобы преодолеть это, российские политики пытаются закрепить связи не только интеграцией в рамках ЕАЭС, но и двусторонними отношениями. Например, в 2012 г. Россия и Кыргызстан заключили соглашение о списании долга Бишкека перед Москвой[282]. Подобные акты проявления доброй воли приводят к улучшению экономических отношений. В случае с Кыргызской Республикой Москва инвестирует в золотодобывающую промышленность, стоимость которой оценивается в 600 миллионов долларов США[283]. В 2013 г. «Газпром» купил «Киргизгаз» в рамках сделки, которая обеспечила Бишкеку стабильные поставки газа и низкие цены (относительно других республик Центральной Азии)[284].

Поскольку регион обладает огромными углеводородными ресурсами и стоит на международных путях к значительным рынкам Европы и Азии, энергетическая политика является главной темой региональных экономических отношений. Россия извлекала выгоду из своей роли почти единоличного монополиста транзитных путей из центральноазиатских и кавказских источников энергии[285]. Чтобы укрепить эту роль, Москва стремилась покупать нефть и газ у таких региональных игроков, как Туркменистан и Азербайджан. Особенно в Туркменистане российская компания Газпром пыталась купить природного газа

---

[280] Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах / Е.Г. Гарбузарова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 192 с. С. 149.

[281] Тренин Д. “Россия и страны СНГ: «взросление» отношений” / Внешняя политика России: 2000–2020 – РСМД, М.: Аспект-Пресс, 2011. с.207.

[282] Россия списала долг Киргизии на 240 миллионов долларов / РИА Новости. 03.05.2017. – Режим доступа: https://ria.ru/20170503/1493572320.html (дата обращения: 05.09.2022)

[283] Путин и Жапаров запустили золоторудный комбинат на месторождении Джеруй в Киргизии / ТАСС. 17.03.2021. – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/10927335 (дата обращения: 05.09.2022)

[284] Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах / Е.Г. Гарбузарова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 192 с. С. 78.

[285] Omelicheva M. Central Asia. in Routledge Handbook of Russian Foreign Policy Tsygankov, A. Routledge:New York, 2018. pp. 329.

столько, сколько мог поставить Ашхабад. Однако Туркменистан продолжал искать альтернативные маршруты для своего газа в Китае и Иране[286].

Другим региональным игроком, который стремится диверсифицировать своих потребителей, является Азербайджан. Вскоре после независимости Баку обратился к международному сотрудничеству для добычи и доставки своих ресурсов. Трубопровод Баку-Тбилиси-Джейхан стал самым амбициозным из этих проектов, и в 2006 г. из турецких портов на мировые рынки была доставлена первая азербайджанская нефть. Другой подобный проект, Южный газовый коридор, был запущен в 2020 г., когда азербайджанский газ дошел до европейских рынков[287]. Недавно разрешился и многолетний спор между Азербайджаном и Туркменистаном по поводу газового месторождения «Сердар-Кяпаз»[288]. Договорившись о создании общего нефтегазового месторождения «Достлуг» (*дружба на тюркских языках*), две страны будут добывать природный газ из Каспийского моря и продавать его на мировых рынках через азербайджанскую инфраструктуру. Эти проекты, несомненно, усиливают давление конкуренции на российские газовые компании. Однако у Москвы все еще есть опыт и капитал для таких инвестиций, поэтому она может обратить эти события себе на пользу. В этом контексте российская компания «Лукойл» выразила свою заинтересованность в инвестировании в проект «Достлуг»[289].

---

[286] Safranchuk, I. Foreign Economic and Security Interests in Russia in a Reconnecting Eurasia. Center for Strategic and International Studies CSIS, 2016. p. 13.

[287] Cohen A. Bad News For Russia, As Gas From Azerbaijan Now Flows To Western Europe / Forbes. 06.01.2021. – Режим доступа: https://www.forbes.com/sites/arielcohen/2021/01/06/azeri-gas-reaches-europe-through-the-southern-gas-corridor/?sh=26e0a19940e4 (дата обращения: 05.09.2022)

[288] Антонов П. Дружба и споры: история "Достлуг" / Спутник Азербайджан. 03.06.2021. – Режим доступа: https://az.sputniknews.ru/20210603/Druzhba-i-spory-istoriya-Dostlug-427120713.html (дата обращения: 05.09.2022)

[289] Свинцова Е. Лукойл выразил желание стать оператором Достлука на Каспии / Neftegaz.RU. 20.09.2021. – Режим доступа: https://neftegaz.ru/news/dobycha/697692-p-shakhbazov-lukoyl-vyrazil-zhelanie-stat-operatorom-dostluka-na-kaspii-/ (дата обращения: 05.09.2022)

Таблица 4. Торговля России с региональными странами в 2019 г.

Страна	Торговый баланс (долл. США)	Экспорт РФ в страну (долл. США)	Импорт РФ из страны (долл. США)	Место РФ в экспорте страны [290]	Место РФ в импорте страны
Казахстан	8.576.803.64	14.286.933.46	5.710.129.82	3	1
Узбекистан	2.729.230.13	3.907.969.16	1.178.739.02	3	2
Азербайджан	1.455.060.24	2.312.507.41	858.447.17	7	1
Кыргызстан	1.237.592.54	1.559.457.22	321.864.68	3	2
Таджикистан	916.139.21	953.069.34	39.930.13	3	1
Армения	836.262.71	1.690.940.52	854.677.82	1	1
Грузия	433.164.55	882.610.83	449.446.28	2	2
Туркменистан	391.735.00	543.310.20	151.575.20	6	2

Источник: https://wits.worldbank.org

Другим экономическим аспектом региональной политики являются мигранты из региональных стран, которые работают в России. Особенно страны с низким уровнем дохода, такие как Кыргызстан и Таджикистан, зависят от денежных переводов от трудовых мигрантов из России. Это увеличивает взаимозависимость их экономик от России. Когда рубль девальвировался после введения Западом санкций в 2014 г., экономика стран региона также пострадала[291]. Затем последовала пандемия Ковид-19, которая не позволила многим гастарбайтерам въехать в Россию и сократила денежные переводы вдвое[292]. Потери региональных стран во время пандемии оцениваются примерно в 30 млрд долларов США[293]. Значимость рабочей силы в России для региональных стран делает их правительства более чувствительными к правилам и ограничениям на перемещение работников. Последнее постановление о том, что мигранты в России должны

[290] The Observatory of Economic Complexity https://oec.world/en/

[291] Kazantsev A. Medvedeva S. Safranchuk I. Between Russia and China: Central Asia in Greater Eurasia // Journal of Eurasian Studies, 2021. Vol 12 p. 62.

[292] Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах / Е.Г. Гарбузарова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 192 с. С. 156.

[293] Сергеев М. Страны СНГ лишатся переводов гастарбайтеров на 30 миллиардов долларов / Независимая Газета. 05.04.2020 – Режим доступа: https://www.ng.ru/economics/2020-04-05/1_7835_migrants.html (дата обращения: 05.09.2022)

проходить детальный медицинский осмотр раз в месяц, вызвало недовольство среди региональных стран и критику в адрес эффективности ЕАЭС[294].

2.3.2.3. Общественно-политический аспект отношений

Российская Федерация имеет долгую общую историю со странами Центральной Азии и Южного Кавказа со времен Российской империи. Внезапный распад Советского Союза в 1991 г. вызвал неожиданное отделение народов друг от друга. Как следствие, в регионе проживают почти 5 млн. русскоязычных меньшинств, а в России проживает много представителей региональных народов[295]. Благополучие диаспоры волнует обе стороны. Таб. 5 отражает сложность социальных ситуаций в регионе.

В 1990-х гг. Москва подписала соглашения о двойном гражданстве с Душанбе (1992 г.) и Ашхабадом (1993г.). Однако туркменское правительство решило положить конец этой системе и объявило, что после 2012 г. двойное гражданство будет невозможно. После обретения независимости многие региональные правительства отказались от кириллицы. Сегодня Кыргызстан, Таджикистан и Казахстан используют русский алфавит и признают русский язык в качестве второго официального языка. Однако правительство Казахстана планирует полностью перейти на латинский алфавит к 2025 г.[296]

[294] Панфилова В. Евразийский экономический союз становится невыгодным для Киргизии / Независимая Газета. 17.02.2022 – Режим доступа: https://www.ng.ru/cis/2022-02-17/1_8375_kyrgyzstan.html (дата обращения: 05.09.2022)

[295] Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах / Е.Г. Гарбузарова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 192 с. С. 146.

[296] Назарбаев подписал указ о переводе казахского языка на латиницу / Ведомости. 27.10.2017. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/10/27/739615-nazarbaev-latinitsu (дата обращения: 05.09.2022)

Таблица 5. Социальные показатели в Центральной Азии и Южном Кавказе

Страна	Русское меньшинство в стране (долл. США)[297]	Диаспора в РФ[298]	Двойное гражданство	Алфавит	Безвизовый режим с РФ
Казахстан	3.794.000	496.096	-	Рус.+Лат.	+
Узбекистан	80.900	2.188.835	-	Латинский	+
Таджикистан	35.000	1.303.302	+	Русский	+
Туркменистан	165.000	-	Аннулирован в 2012 г.	Латинский	-
Кыргызстан	419.600	716.118	-	Русский	+
Армения	11.900	491.767	-	Армянский	+
Азербайджан	119.300	650.495	-	Латинский	+
Грузия	26.400	Нет данных	-	Грузинский	+

Москва также старается сохранить роль русской культуры и языка в регионе через такие важные институты, как Российский центр международного образовательного и культурного сотрудничества (Росзарубежцентр), фонд «Русский мир» и Россотрудничество[299]. Кроме того, многие студенты из региональных стран учатся в филиалах российских вузов в Центральной Азии и на Южном Кавказе такие, как Российско-Кыргызский славянский университет, Российско-Таджикский славянский университет, или в филиалах МГУ, МГИМО, Российский государственный социальный университет, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова[300]. Что еще более важно, российские вузы по-прежнему привлекательны для региональных стран, особенно из республик Центральной Азии. В этом контексте Казахстан занимает первое место в списке стран-источников иностранных студентов в России с 61 тыс., за ним следуют Узбекистан (49 тыс.), Туркменистан (30 тыс.), Таджикистан (23 тыс.и) и Кыргызстан (8 тыс.)[301].

[297] Максимова С.Г. Постсоветские миграции населения стран СНГ и безопасность российских регионов: социологический анализ / Ломоносовские чтения на Алтае, 2018.

[298] Мониторинг экономической ситуации в России / РАНХиГС. № 12(95) Июль 2019 г. – Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News/2019-07/22-07-2019-monitoring.pdf (дата обращения: 05.09.2022)

[299] Мухаметов Р.С. Внешняя Политика России в Ближнем Зарубежье. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – с.85.

[300] Арефьев П. А. Образовательная деятельность российских вузов за рубежом / П. А. Арефьев // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. – 2019. – № 4. – С. 470.

[301] Число иностранных студентов в России за три года выросло на 26 тысяч / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 18.01.2022. – Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=46158 (дата обращения: 05.09.2022)

2.3.3. Выводы к главе

В этой главе обсуждалось, как российская внешняя политика в Центральной Азии и на Южном Кавказе формировалась вокруг трех концепций - антигегемонизма, многополярности и евразийства. Эти концепции возникли как результат недовольства однополярным мировым порядком, появившимся после окончания холодной войны. Через призму современного мировоззрения Москвы приоритетами являются: обеспечение жизненных интересов России в ближнем зарубежье; сохранение лидерства в постсоветской географии; предотвращение «цветных революций» в регионе; противостояние давлению Запада; извлечение выгоды из возможностей экономического развития Азии.

Чтобы противостоять воспринимаемым рискам, Москва настаивает на большей интеграции со странами Центральной Азии и Южного Кавказа. Для экономической интеграции основным механизмом является Евразийский экономический союз, а для военного сотрудничества - Организация Договора о коллективной безопасности. Российская Федерация хочет быть ведущим участником таких проектов с более глубокой интеграцией, чтобы сохранить свои позиции. Для остальных постсоветских республик региона, не участвующих в межправительственных проектах, ведется двусторонняя дипломатия для достижения максимального партнерства (например, договор о союзническом взаимодействии с Азербайджаном). Когда речь идет о евразийском партнерстве в целом, Россия стремится к мягкой версии международного взаимодействия с антигегемонистским дискурсом и многосторонними экономическими выгодами. В таких проектах, как Шанхайская организация сотрудничества или БРИКС, Москва не желает глубокой интеграции, которая бы привела к разделению суверенитета и ограничила бы маневренность во внешней политике.

Глава 3. Турецкая внешняя политика в Центральной Азии и на Южном Кавказе

С 1991 г. Турция проводит активную внешнюю политику в Центральной Азии и на Южном Кавказе. Быстро признав независимость новых республик, Анкара пыталась установить тесные связи с этими региональными игроками. В этой главе рассматриваются общие тенденции в турецкой внешнеполитической направленности, которые выражались в изменениях региональной политики. Прозападный подход 1990-х гг. сформировал образ нового «старшего брата», который помог бы образовавшимся тюркским республикам интегрироваться в европейскую цивилизацию. Затем, с появлением концепции «стратегической глубины» после 2002 г., постсоветская география стала одним из столпов новой турецкой дипломатии Партии справедливости и развития. События на Ближнем Востоке после «арабской весны» вывели Анкару из фокуса внимания к Центральной Азии и Кавказу, хотя экономическая и культурная дипломатия продолжалась. После событий 2015 г. из-за «самолетного кризиса» с Москвой и ухудшения отношений с традиционными западными союзниками Анкара изменила свой внешнеполитический курс. На нынешнем этапе Турция пытается действовать как независимый игрок, сохраняя при этом сбалансированный подход к великим державам.

3.1 Внешняя политика Турции 1991–2021 гг.

Основанная после распада Османской империи Турецкая Республика пыталась проводить сбалансированную дипломатию, не принимая ничью сторону в политике международных блоков, и сосредоточилась на внутренних экономических и политических процессах реформирования для выполнения цели своей европеизации[302]. Двумя основополагающими концепциями внешней политики Анкары после обретения независимости были западничество и защита

[302]Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923-2016) / И.И. Иванова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. –424 с. С. 15.

статус-кво[303]. Прозападный подход политиков и интеллектуалов этой эпохи был обусловлен убеждением, что в международной политике существуют две категории акторов: западные державы и колониальные подданные, поэтому единственный способ не стать подданным — это стать похожим на правителей[304]. Этот подход продолжался до 1990-х гг. и состоял из двух столпов: 1) интеграция с Европой через участие в международных организациях; 2) отказ от авантюризма, который мог бы нарушить статус-кво, установленный Лозаннским соглашением (за исключением использования возникающих возможностей для укрепления позиций Анкары в региональной политике). В этих рамках Турция сохраняла нейтральную позицию до конца Второй мировой войны.

Однако прозападный подход принял дипломатический аспект с началом холодной войны, когда Анкара заняла место в антисоветском блоке. Причина политики этого блока во время холодной войны была основана на восприятии угрозы со стороны Советского Союза, которая могла закончиться тем, что Анкара потеряет свой суверенитет. В связи с этим Турция вступила в НАТО и попыталась участвовать в проектах европейской интеграции. Членство в НАТО до определенного уровня гарантировало Турции безопасность, однако оно несло в себе и некоторые проблемы в тех случаях, когда Турция пыталась отстаивать свои национальные интересы вопреки позиции своих НАТОвских союзников. Например, в 1970-е гг. напряженность в отношениях с Грецией по кипрскому вопросу и разрядка отношений с СССР позволили Турции укрепить с ним свои отношения[305]. И в результате Москва вложила огромные инвестиции в инфраструктуру и промышленность[306]. Тем не менее, вплоть до конца холодной войны, Турция вела проамериканскую и проевропейскую внешнюю политику несмотря на некоторые разногласия.

---

[303] Oran B. Turkish foreign policy, 1919-2006. – Salt Lake City, University of Utah Press, 2010.

[304] Bilgin P. Securing Turkey through western-oriented foreign policy // New Perspectives on Turkey, 2009. 40, pp. 103-123.

[305] Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923-2016) / И.И. Иванова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 143.

[306] Polatoğlu M.G. Türkiye ile Sovyet Sosyalist Cumhuriyetler Birliği arasında 1965-1975 döneminde gerçekleştirilen ekonomik işbirliği ve karşılıklı yatırımlar // Journal of Turkish Researches Institute, 2019. Vol 65, pp. 477-496.

После распада Советского Союза место Турции в западной системе стало менее значимым. Выступая в качестве передовой базы западного лагеря на протяжении многих десятилетий как член НАТО, теперь Турция была вынуждена пересмотреть свою роль во внешней политике. В этих условиях Анкара стремилась к членству в Европейском Союзе, чтобы занять более выгодное положение в мировой политике. Турецкое руководство считало, что Турция как мусульманско-европейская страна может сыграть роль моста между европейскими странами и мусульманским миром. Одним из важных событий в этом процессе стало членство Турции в Европейском таможенном союзе в 1996 г., что увеличило значение турецкого рынка для потенциальных партнеров в Евразии, на Ближнем Востоке и в Африке[307]. Турецкий политолог Э. Балта утверждается, что неотъемлемой частью интереса Анкары к Центральной Азии и Южному Кавказу была попытка укрепить свое падающее значение в глазах западных партнеров после холодной войны[308].

В это время постсоветское пространство рассматривалось как инструмент для повышения престижа Турции в глазах Европейского Союза, чтобы укрепить процесс вступления в него Анкары[309]. Идея заключалась в том, чтобы представить Турцию в качестве образцовой страны для новых республик на постсоветском пространстве. Как отметил бывший посол Ирана в Москве и известный политолог Мехди Санаи, турецкая модель была одной из трех альтернатив для постсоветских республик, наряду с коммунистической моделью и иранской[310]. Соревнование между иранской и турецкой политическими моделями происходило и на Ближнем Востоке[311]. Иранская альтернатива делала модель Анкары более привлекательной в глазах западных игроков[312]. США и их союзники были насторожены в отношении влияния Ирана и стран Персидского залива на постсоветские республики и

---

[307] Kramer H. The EU-Turkey customs union: Economic integration amidst political turmoil // Mediterranean Politics, 1996. 1(1), 60-75.

[308] Balta E. From Geopolitical Competition to Strategic Partnership: Turkey and Russia after the Cold War // Uluslararası İlişkiler, 2019. Vol 16, no 63, p. 74.

[309] Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции //Сравнительная Политика, 2017. №1. С 62.

[310] Санаи М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы – М. Иранская библиотека, 2020. С. 146

[311] Свистунова И.А. Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса // Вестник МГИМО, 2019. 12(4), с 132.

[312] Wheeler T. Turkey’s role and interests in Central Asia // Safeworld Policy Brief, 2013. p. 3

рассматривали Турцию как более умеренного игрока[313]. Поэтому первоначальный подход Турции к новым республикам в Центральной Азии и на Южном Кавказе заключался в представлении себя как связующего звена с европейским миром, которое могло бы помочь им, учитывая общий язык и религию. С другой стороны, Турция пыталась привлечь внимание европейских государств, подчеркивая выгоду своих энергетических и инфраструктурных проектов для их интересов[314]. Постсоветские республики были заинтересованы в этих инициативах, поскольку в 1990-е гг. стремление активно контактировать с Западом было одной из целей их внешней политики. Чтобы удовлетворить желание новообразованных республик интегрироваться с западными игроками, турецкие политики предлагали идею, что Анкара станет их голосом в международной политике[315].

Роль идентичности в евразийской политике Турции всегда была сильной. Высокопоставленные политики в Анкаре часто делали заявления о турецком мире (*Türk Dünyası*)[316]. Политолог и сегодняшний глава разведки Х. Фидан утверждал, что интерес Анкары к региону в основном вызван восприятием Центральной Азии как родины тюркских народов[317]. Чтобы установить контакт с «тюркскими братьями» в регионе, не имеющими границы с Турцией, Анкара использовала общую идентичность[318]. Инструментов мягкой силы у Турции было предостаточно, благодаря общей религии, культуре и языковому сходству со странами региона[319]. Однако амбициозная политика замедлилась с «возвращением» Москвы в регион к концу 1990-х гг., отсутствием институциональной основы для региональной политики и отсутствием интереса региональных республик к еще одному «старшему брату»[320]. Кроме того, среди органов безопасности в Анкаре бытовало

---

[313] Balci B., Liles T. Turkey's comeback to Central Asia // Insight Turkey 20(4) p.11-26
[314] Tarkhan-Mouravi G. How the EU can help bring peace to the South Caucasus. // Europe's world, 2007. 6 (1). pp. 54-57.
[315] Иванова И. Турция в Центральной Азии: партнер или соперник? // Азия и Африка сегодня, 2019. №7, с. 40.
[316] Yükselen H. Strategy and Strategic Discourse in Turkish Foreign Policy. – London: Palgrave MacMillan, 2020.
[317] Fidan H. Turkish Foreign Policy Toward Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies, 2010. Vol. 12. P. 110.
[318] Санаи М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы – М. Иранская библиотека, 2020. С. 145
[319] Москаленко В.А. «Мягкая сила» Турции в интеграционных процессах в Центральной Азии //Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество, 2021. №4-1, с 132.
[320] Köstem S. When Can Idea Entrepreneurs Influence Foreign Policy? Explaining the rise of the "Turkic World" in Turkish Foreign Policy // Foreign Policy Analysis, 2016. Pp. 12.

мнение, что приоритет страны должен быть сосредоточен на готовности к двум с половиной войнам одновременно (Сирия, Греция и внутренний терроризм)[321]. Министерство иностранных дел также не было готово к ведению эффективной дипломатии в Евразии в 1990-х гг.[322]

Вторая половина 1990-х гг. была трудной для Турции, когда произошли такие катастрофы, как так называемый «постмодернистский государственный переворот» 28 февраля 1997 г., разрушительное землетрясение 17 августа 1997 г., унесшее жизни почти двадцати тысяч человек, и валютный кризис 2001 г. В этот неспокойный период нестабильные коалиционные правительства постоянно менялись и ухудшали ситуацию. Эти экономические трудности повлияли и на политику Турции в отношении региональных партнеров, что привело к сокращению торговли Анкары с регионом более чем на 30%[323]. На выборах 2002 г. Партия справедливости и развития (ПСР) победила с решающим результатом, создав однопартийное правительство. Новые власти изначально продолжили прозападную повестку дня, такую как переговоры о вступлении в ЕС или переговоры о решении кипрского вопроса[324].

Тем не менее, лидеры партии с подозрением относились к традиционной дипломатии Анкары, поскольку считали, что она мешает Турции достичь своей потенциальной мощи. Для них Турция должна была стать «центральной державой», имеющей собственную сферу интересов на Балканах, Ближнем Востоке, в Центральной Азии и на Кавказе. Первыми разногласиями с западными союзниками стали отказ американской армии использовать турецкую территорию для вторжения в Ирак в 2003 г. и так называемый кризис «мешка» (*çuval krizi*), когда американские солдаты унизительным образом арестовали 11 турецких солдат в Северном Ираке[325]. Затем последовал провал так называемого «плана Аннана» по

---

[321] Ирхин А.А. Американский план «Большой Ближний Восток» и турецкая концепция «Стратегической глубины» // Вестник Томского государственного университета, 2018. №432 с.101.

[322] Köstem S. When Can Idea Entrepreneurs Influence Foreign Policy? Explaining the rise of the “Turkic World” in Turkish Foreign Policy // Foreign Policy Analysis, 2016. Pp. 8.

[323] Иванова И. Турция в Центральной Азии: партнер или соперник? // Азия и Африка сегодня, 2019. №7, с. 40.

[324] Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923-2016) / И.И. Иванова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. –424 с. С. 218.

[325] Örmeci O. Türk-Amerikan İlişkilerinde 8 Büyük Kriz // IJEASS Dergisi 3(2). P. 63-84. P. 76.

кипрскому вопросу со стороны греков и принятие Кипра в члены Европейского Союза без учета возражений Турции. Недоверие к европейским партнерам усилило желание проводить независимую внешнюю политику. Эти два события стали для элиты ПСР двумя важными признаками того, что Турция может самостоятельно проводить более выгодную дипломатию[326]. Тот факт, что Турция объявила 2005 г. «годом Африки», хотя официальное выдвижение кандидата в ЕС начиналось в том же году, показывает, что правительство уже придерживалось собственной повестки дня вне рамок союза с Западом.

Активная дипломатия после 2002 г. в отношении Центральной Азии и Кавказе проявила себе как прагматическое и рациональное сотрудничество в отличие от амбициозных, но нереалистичных попыток начала 1990-х гг.[327] Взаимная экономическая выгода была поставлена во главу угла вместо нереалистичных мечтаний о создании Великого Турана. Более того, Анкара начала отделять свои интересы от интересов США в регионе. Одним из ярких примеров такого развития событий является возражение Турции против американских военных действий в Черноморском регионе во время российско-грузинского конфликта в 2008 г.[328] Турецкие политики посчитали, что принятие чьей-либо стороны в конфликте повредит отношениям либо с Грузией, либо с Россией[329]. Вместо этого Анкара предложила новый механизм с участием пяти региональных стран Кавказского региона (Турция, Россия, Азербайджан, Армения и Грузия) для разрешения конфликта без участия внерегиональных игроков[330]. Была также попытка нормализовать отношения с Ереваном, однако, не принесшая никаких результатов[331]. Инициатива об установлении дипломатических отношений в 2009

[326] Aydın M. Non-Traditional Security Threats and Regional Cooperation in the South Caucasus. – Istanbul: IOS Press, 2010.
[327] Oran B. Türk Dış Politikası (Турецкая внешняя политика). – 2012. pp. 468-469
[328] Коновалов И. Кавказская шахматная доска. – М.: Издатель Воробьев, 2021. с.156
[329] Шамарина О.А. Грузия в контексте турецкой политики «мягкой силы» на рубеже веков. / Изв. Сарат. ун-та. Сер. История. Международные отношения, 2020. Т.20 вып. 2, с. 232.
[330] Fotiou E. “Caucasus Stability and Cooperation Platform”: What is at Stake for Regional Cooperation? // ICBSS Policy Brief, 2009. No. 16 – Режим доступа: https://www.files.ethz.ch/isn/104737/PB_16.pdf (дата обращения: 05.09.2022)
[331] Шлыков П.В. Дискуссии о справедливом миропорядке в Турции // Сравнительная политика, 2019. №4. С 41.

г. сошла на нет, когда ни одна из сторон не ратифицировала Цюрихские протоколы в своих парламентах[332].

Создателем дипломатии Партии справедливости и развития был политолог А. Давутоглу. В своей книге «Стратегическая глубина» он рассмотрел концепции стратегической глубины, нулевых проблем с соседями, цивилизационного реализма или Турции как центральной державы. Эта концептуальная схема работала в течение первого десятилетия администрации ПРС до начала протестных движений на Ближнем Востоке в 2012 г. До этого момента страны региона воспринимали новую стратегию как путь к расширению сотрудничества и координации, особенно в экономических отношениях. Турецкий политолог Б. Озкан утверждает, что на первом этапе внешней политики ПСР до 2012 г. основное внимание уделялось межправительственному сотрудничеству и не ставилась под сомнение легитимность правительств с разной идеологией[333]. Однако после «арабской весны» Анкара начала вовлекаться во внутриполитические споры в странах Ближнего Востока. Утверждается, что Турция стремилась сменить режимы в регионе движениями, близкими к ее мировоззрению, чтобы усилить свое влияние[334]. Одновременно с этим усилился религиозный дискурс во внутренней политике, а международная самоидентификация стала больше ассоциироваться с консервативными движениями в арабских странах, таких как Египет, Сирия, Палестина или Катар[335].

Когда приоритетом внешней политики стало содействие приходу к власти близких политических движений на Ближнем Востоке, дипломатия мягкой силы уступила свое место стремлению к региональному лидерству. Между тем, разногласия с Европой достигли пика, когда в 2015 г. разразился кризис с мигрантами. Результатом турецко-европейского спора стало всеобъемлющее соглашение от 18 марта 2016 г., которое изменило отношения Анкары с ЕС в

---

[332] Геворгян А.Г., Енокян А.В., Мелконян Л.А. Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века // Вестник гуманитарного образования, 2020. №3(19), с 74.
[333] Özkan B. Turkey, Davutoglu and the Idea of Pan-Islamism // Survival Global Politics and Strategy, 2014. 56(4), p. 132.
[334] Дружиловский С.Б., Аватков В. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002-2012 гг.) // Обозреватель, 2013. №6, с 81.
[335] Межуев Б.В. Турция, Россия и Европа с позиции «цивилизационного реализма» // Полис, 2019. №6, с. 57.

сторону бесконечных прагматичных обменов без доверия вместо прежних рамок вступления в Союз[336]. Когда Российская Федерация вмешалась в сирийскую гражданскую войну на стороне режима Асада в 2015 г., «самолетный кризис» и российские санкции усугубили ситуацию[337]. Отношения между США и Турцией также пострадали из-за «кризиса пастора Бронсона», проверки министром финансов США турецкого государственного банка «Halkbank», поддержки США курдской организации «PYD» на севере Сирии и отказа американцев сотрудничать с Анкарой в борьбе с организацией «FETO». Помимо ухудшения отношений с Египтом и Сирией из-за поддержки Турцией оппозиционных движений, Анкара приняла сторону Катара в его дипломатическом кризисе с другими арабскими странами Персидского залива. В результате этих кризисов Турция оказалась в региональной изоляции, которую правительственные чиновники называли «великолепным одиночеством»[338].

Тем не менее, неспокойная ситуация на Ближнем Востоке не повредила отношениям Турции на постсоветском пространстве до конца 2015 г. и даже приобрела более прочную структуру благодаря новым механизмам. Костем отмечает, что несмотря на то, что она сосредоточилась на территориях бывшей Османской империи, наиболее значительные изменения в отношениях Центральной Азии и Южного Кавказа произошли в период нахождения у власти партии «Справедливость и развитие» [339]. Министерство иностранных дел создало новый двусторонний механизм под названием Совет стратегического сотрудничества высокого уровня (*Yüksek Düzeyli Stratejik İşbirliği Konseyi*) и активировало его с Азербайджаном в 2010 г., Кыргызской Республикой в 2011 г., с Казахстаном в 2012 г. и с Грузией в 2016 г. Сфокусировавшись на партнерстве с

---

[336] Türkiye-AB Arasında 18 Mart'ta Varılan Mutabakata İlişkin Soru-Cevaplar / Сайт МИД Турецкой Республики. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.tr/turkiye-ab-arasinda-18-mart_ta-varilan-mutabakata-iliskin-soru-cevaplar.tr.mfa. (дата обращения: 05.09.2022)

[337] Семь месяцев в ссоре: сколько Россия и Турция потеряли на конфликте / РБК. 28.06.2016. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/28/06/2016/577157b89a7947239346aba3 (дата обращения: 05.09.2022)

[338] Багджи, Х. У Турции нет друзей, а есть интересы»: что стоит за разворотом Эрдогана? [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/u-turtsii-net-druzey-a-est-interesy/ (дата обращения: 05.09.2022)

[339] Köstem S. When Can Idea Entrepreneurs Influence Foreign Policy? Explaining the rise of the "Turkic World" in Turkish Foreign Policy / Foreign Policy Analysis, 2016. Pp. 1-19. P.3.

Тбилиси и Баку, в 2012 г. была создана трехсторонняя ежегодная платформа[340]. В отличие от изоляции в отношениях с ближневосточными и западными партнерами, Турция даже добилась восстановления партнерства с двумя странами Центральной Азии, которые неохотно развивали отношения с Анкарой (Узбекистан и Туркменистан) [341]. Эта позитивная тенденция столкнулась с трудностями во время российских санкций в 2015-2016 гг. Экономические издержки от санкций ударили не только по турецкой экономике, но и по странам Кавказа и Центральной Азии. Поэтому Казахстан сыграл ключевую роль в российско-турецком сближении в 2016 г., которое привело к отмене санкций.

В начале 2016 г. Анкара скорректировала свою внешнюю политику. Во-первых, премьер-министр А. Давутоглу был вынужден покинуть свой пост, и его сменил Б. Йылдырым. За этим последовало возобновление отношений с Российской Федерацией с целью оздоровления сотрудничества. Однако самым значительным поворотом событий стала попытка государственного переворота 15 июля 2016 г. В обществе сложилось мнение, что США поддерживают заговорщиков, которое разделяют и правительственные чиновники[342]. Кроме того, американская поддержка организации PYD в Сирии, которая рассматривалась Турцией как террористическая организация, нанесла ущерб отношениям. Когда Партия националистического движения начала поддерживать администрацию Эрдогана, религиозный дискурс во внешней политике уступил место более националистическому и оборонительному нарративу[343]. Вместо прежней «цивилизационной политики» Давутоглу, правительство сосредоточилось на восприятии непосредственной угрозы, особенно со стороны границы с Сирией, используя более жесткую силовую политику[344]. Чтобы иметь максимальное

---

[340] Joint Communique of the Second Trilateral Meeting of the Ministers of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan, Georgia and the Republic of Turkey, 28 March 2013, Batumi / Сайт МИД Турецкой Республики. 23.03.2013. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.tr/joint-communique-of-the-second-trilateral-meeting-of-the-ministers-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-azerbaijan_-georgia-and.en.mfa (дата обращения: 05.09.2022)

[341] Türkiye-Özbekistan ilişkilerinde yeni dönem / Anadolu Ajansı. 09.07.2014 – Режим доступа: https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/turkiye-ozbekistan-iliskilerinde-yeni-donem/144188 (дата обращения: 05.09.2022)

[342] Turkish minister says U.S. behind 2016 failed coup. / Reuters.04.02.2021 – Режим доступа: https://www.reuters.com/article/turkey-security-usa-int-idUSKBN2A41NF (дата обращения: 05.09.2022)

[343] Эрдоган пообещал при необходимости усилить военную поддержку Ливии / РИА Новости. 22.12.2019. – Режим доступа: https://ria.ru/20191222/1562696046.html (дата обращения: 05.09.2022)

[344] Шлыков П.В. Дискуссии о справедливом миропорядке в Турции // Сравнительная политик, 2019. №4. С 46.

пространство для маневра в этой стратегии, Турция пытается достичь баланса между Вашингтоном и Москвой[345].

Тюркские народы Центральной Азии и Южного Кавказа всегда были в центре внимания Партии националистического движения[346]. С ее поддержкой во внутренней политике стратегия правительства стала более националистической после 2017 г.[347] Этот сдвиг привел к тому, что правительство стало уделять больше внимания развитию своих связей в Центральной Азии и на Кавказе. Когда российские санкции были сняты, в экономических отношениях с региональными игроками вновь наметилась положительная тенденция. Особенно значительно возросло партнерство с Азербайджаном в энергетическом секторе[348].

Проблемы с США и ЕС также подтолкнули Анкару к поиску более сбалансированной дипломатии с мировыми державами. Ярким примером являются отношения с Россией, которые пережили одновременно партнерство на высоком уровне (покупка С-400, «Турецкий поток», АЭС Аккую, Астанинский процесс) и жесткую конкуренцию (в Ливии, Сирии и Украине). Двум сторонам удалось не допустить развития негативных процессов, которые могли бы привести к катастрофе, подобной авиационному кризису 2015 г., и продолжить взаимовыгодное партнерство. Москва также начала рассматривать Турцию в качестве партнера по региональным вопросам, особенно на Южном Кавказе[349]. Это связано с тем, что в условиях ухудшения отношений с США и ЕС, Россия осталась единственным игроком, который готов сотрудничать с Турцией без предварительных условий[350]. После возобновления сотрудничества с Россией Турция попыталась продолжить свою политику в Центральной Азии и на Кавказе

---

[345] Ханалиев Н.У. Треугольник «Россия-Турция-Иран» в контексте стратегии США на Ближнем Востоке. // Вестник РУДН. Серия: Политология, 2019. Том 21 №1, с, 66-77. С. 69.

[346] Bilgin P., Bilgiç A. Turkey's New Foreign Policy toward Eurasia // Eurasian Geography and Economics, 2011. 52(2) p.173

[347] Аватков В.А., Рыженков А.С. «Правый поворот» в Турции в европейском контексте // Вестник РУДН, 2019. 19(4), с 597.

[348] Статистический комитет Турции – Режим доступа: https://www.tuik.gov.tr

[349] Trenin D. Russia and Europe: the Current Impasse and the Way Out [Электронный ресурс] / Carnegie Endowment for International Peace. 18.02.2021. – Режим доступа: https://carnegie.ru/commentary/83905 (дата обращения: 05.09.2022)

[350] Rüma İ., Çelikpala M. Russian and Turkish Foreign Policy activism in the Syrian Theater // Uluslararası İliskiler Dergisi, 2019. 16(62). p. 77

в координации с Москвой. Расширение партнерства является признаком стремления Турции реализовать свои региональные интересы без ущерба для отношений с Москвой. Это интересное развитие событий, поскольку политика Турции в Центральной Азии и Южном Кавказе изначально в 1990-х гг. начиналась как «игра с нулевой суммой» с российскими интересами. Сегодня Анкара учитывает реакцию России при реализации своих интересов.

3.2 Основные концепции во внешней политике Турции

3.2.1. Западничество

Процесс вестернизации Турции может быть прослежен до поздней османской истории, когда империя проводила правовые, политические и институциональные реформаторские процессы, чтобы укрепить слабое положение страны в условиях европейской экспансии. Хотя империя была принята в европейский концерт в 1856 г., европейские страны той эпохи по-прежнему рассматривали ее как аутсайдера[351]. После Первой мировой войны и Войны за независимость вновь созданная Турецкая республика пережила мощное реформаторское движение. По мнению турецкого политолога Б. Орана, традиционная внешняя политика Турции основывалась на принципах защиты конституционных условий страны (статус-кво) и стремления к западничеству[352]. Он рассматривает западничество как продолжение внутренней идентификации, которая была сформирована вокруг реформаторского движения, начатого М.К. Ататюрком.

П. Билгин, с другой стороны, утверждает, что западничество и проевропейство были инструментами обеспечения безопасности Турции. По ее словам, элита Турецкой Республики после обретения независимости рассматривала мир как раздел между странами-правителями Европы и Америки и подвластными им странами, которыми они управляют. Она утверждает, что Анкара пыталась

[351] Morozov V., Rumelili B. The external constitution of European identity: Russia and Turkey as Europe-makers // Cooperation and Conflict, 2012. 47(1), p. 37.
[352] Oran B. Turkish foreign policy, 1919-2006. – Salt Lake City, University of Utah Press, 2010.

стать одним из правителей путем вестернизаторской реформации, чтобы отделить себя от незападного общества[353]. После Второй мировой войны традиционный западно-ориентированный подход во внешней политике выразился в попытках Анкары интегрироваться в такие институты, как ЕС, НАТО, ОЭСР и Совет Европы. Дипломатия Турции в других регионах, таких как Ближний Восток, Центральная Азия и Кавказ, также строилась в соответствии с желанием Анкары повысить свою ценность для западных игроков. Особенно в рамках НАТО Анкара играла важную роль в качестве «передовой заставы» альянса[354].

Однако не все политические идеологии в Турции поддерживали такое позитивное отношение к западному миру. Особенно в консервативных кругах было распространено мнение, что Анкаре лучше сосредоточиться на развитии достоинств собственной цивилизации. Например, лидер консервативного движения «Национальный взгляд» Н. Эрбакан (*milli görüş* - предшественник Партии справедливости и развития) называл ЕС «клубом христиан» и выступал против переговоров о членстве Анкары в ЕС[355]. В 2001 г. последователи создали новую политическую партию с относительно умеренными идеями[356]. Партия справедливости и развития продолжила процесс выдвижения Турции кандидатом в члены ЕС и сохранила членство Турции в НАТО. Однако партия интегрировала в традиционную турецкую внешнюю политику важную «цивилизационную» идеологию, которая пытается возродить имперское сознание османской эпохи и изменить односторонний прозападный курс республики[357]. Эта новая идея во внешней политике была четко выражена в книге политолога, бывшего министра иностранных дел, бывшего премьер-министра и сегодняшнего оппозиционного политика А. Давутоглу «Стратегическая глубина».

---

[353] Bilgin P. Securing Turkey through western-oriented foreign policy // New Perspectives on Turkey, 2009. p.111.
[354] Свистунова И.А. В поисках новой модели: отношения Турции и США в сфере безопасности // Вестник МГИМО. 2016. 2(47). С. 54
[355] Шлыков П.В. Дискуссии о справедливом миропорядке в Турции // Сравнительная политика, 2019. №4. С 37.
[356] Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923-2016) / И.И. Иванова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. –424 с. С. 218.
[357] Дружиловский С.Б. Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике. 2005. 3(5), с 48-61.

3.2.2. Стратегическая глубина

Хотя Ахмет Давутоглу избегал официального использования термина «неоосманизм», его идеи быстро были восприняты турецким обществом. В своей книге «Стратегическая глубина» он утверждает, что было ошибкой ограничивать Турцию прозападной внешней политикой, которую она проводила с момента обретения республикой независимости[358]. Он утверждает, что прозападная политика позиционирует Анкару на окраинах мировой политики[359]. Вместо этого он утверждает, что Анкара должна позиционировать себя как центр евроазиатско-африканского мегаконтинента[360]. Давутоглу также предположил, что Анкара обязана взять на себя лидерство в этой географии[361]. Поэтому в его мировоззрении создание стратегической глубины вокруг Турции является не только выгодной стратегией, но и благородным долгом.

Основные принципы «Стратегической глубины» можно кратко сформулировать следующим образом: 1) баланс безопасности и свободы; 2) мирный процесс с каждой существующей региональной державой; 3) ведение эффективной дипломатии с соседями; 4) ноль проблем с соседями; 5) активность в существующих международных механизмах[362]; 6) «создание нового образа Турции» [363]. Это пространство включало Балканы, Африку, Ближний Восток, Центральную Азию и Кавказ. Мир в рамках, очерченных в книге «Стратегическая глубина», рассматривает Турцию не как часть Европы, а как центр собственного цивилизационного региона[364]. Основной акцент делается на религиозных и культурных связях внутри этого цивилизационного мира. По мнению Давутоглу, мусульманский мир находится в процессе «самореализации» (*ben idraki*), что приведет к появлению надежной альтернативы западным идеологиям[365]. Новый

---

[358] Davutoğlu A. . Stratejik derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu. – Aksaray, İstanbul, Küre, 2001.
[359] Özkan B. . Turkey, Davutoglu and the Idea of Pan-Islamism // Survival Global Politics and Strategy, 2014.
[360] Ягья В.С., Колесникова М.А. «Три кита» турецкой политики в Африке // Сравнителькая Политика, 2018. №1. С 38.
[361] Межуев Б.В. Турция, Россия и Европа с позиции «цивилизационного реализма» // Полис, 2019. №6, с. 57.
[362] Дружиловский С.Б., Аватков В. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002-2012 гг.) // Обозреватель, 2013. №6, с 74.
[363]Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923-2016) / И.И. Иванова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С. 222.
[364] Bilgin P., Bilgiç A. Turkey’s New Foreign Policy toward Eurasia // Eurasian Geography and Economics, 2011.
[365] Davutoğlu A. Medeniyetlerin Ben-idrâki // Divan, 1997. 3(1), pp. 1-53.

подход был нацелен на новый статус Анкары путем принятия на себя роли региональной державы и влиятельного глобального игрока[366].

Стратегическая глубина была дорожной картой внешней политики Партии справедливости и развития до «арабской весны». Однако после протестных движений и гражданских войн в ряде стран Ближнего Востока проект начал испытывать неудачи и потерял свою привлекательность среди турецкой элиты. В 2016 г. Давутоглу потерял пост премьер-министра и, в конце концов, покинул партию и перешел в оппозицию, создав собственную политическую партию (Партия будущего - *Gelecek Partisi*). Тем не менее, его уход не привел к возврату к западнической дипломатии, вместо этого был выбран независимый курс, сохраняющий баланс между Европой, США и Россией. Кроме того, многие интеллектуалы Партии справедливости и развития со схожими с А. Давутоглу идеями, такие как И. Калын или Х. Фидан, до сих пор занимают важные посты в правительстве[367].

3.2.3. Евразия и Евразийство

Евразия как внешнеполитическая ориентация в турецких политических дискуссиях использовалась в основном националистическими кругами. Укрепление связей с братскими народами на Кавказе и в Центральной Азии уже существовало среди идеологов Партии националистического движения во время холодной войны. С. Кёстем утверждает, что видение Анкарой Евразии сформировано «идейными предпринимателями» того времени, поскольку их националистические концепции стали основой дипломатии Турции в начале 1990-х гг.[368] Это выразилось в быстром принятии таких лозунгов, как «тюркский мир» в начале 1990-х гг. и продолжении процесса создания организационных структур в этих идеологических рамках. До конца 1990-х гг. географический концепт Евразии

[366] Ирхин А.А. Американский план «Большой Ближний Восток» и турецкая концепция «Стратегической глубины» // Вестник Томского государственного университета, 2018. №432 с.100.
[367] İpek P. Ideas and Change in Foreign Policy Instruments: Soft Power and the Case of the Turkish International Cooperation and Development Agency // Foreign Policy Analysis, 2015. Vol. 11, p 181.
[368] Köstem S. When Can Idea Entrepreneurs Influence Foreign Policy? Explaining the rise of the “Turkic World” in Turkish Foreign Policy // Foreign Policy Analysis, 2016. Pp. 1-19.

в Турции в основном ассоциировалось с пантюркизмом[369]. Однако к 2000-м гг. эта националистическая эйфория исчезла в Анкаре из-за осознания пределов возможностей страны[370].

В отличие от националистического нарратива 1990-х гг., в рамках Стратегической глубины больше внимания уделялось религиозным мотивам. А. Давутоглу утверждал, что националистический период в истории человечества заканчивается, и мусульманская цивилизация будет лучшим выбором на следующем этапе[371]. Видные идеологи Партии справедливости и развития также подчеркивали, что их мировоззрение прокладывает путь к новой интерпретации концепции Евразии[372]. Проводя различие между экспансионистским пантюркизмом и более мягким тюркизмом, П.А. Шлыков утверждает, что тюркизм продолжал играть неотъемлемую роль в политике Анкары в Центральной Азии и на Кавказе даже после 2000-х гг.[373]

Еще одной фундаментальной концепцией для понимания места Центральной Азии и Южного Кавказа в мировоззрении Турции является евразийство. Хотя оно часто обсуждается как альтернативный путь турецкой внешней политики, турецкому евразийству не хватает прочной основы или значительной общественной поддержки. Турецкий политолог Э. Теллал в качестве основной причины евразийства и евразийской политики Турции называет долгосрочную внешнюю политику, ориентированную на Запад[374]. Вместо альтернативного пути, евразийство в турецком политическом дискурсе представляет собой сочетание оправдания деятельности на постсоветском пространстве и выражения антизападных тенденций для политической элиты. Поэтому он весьма далек от российской концепции евразийства и имеет лишь реакционный нарратив против

---

[369] Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции. // Сравнительная Политика, 2017. №1. С 72.
[370] Balta E. From Geopolitical Competition to Strategic Partnership: Turkey and Russia after the Cold War. // Uluslararası İlişkiler, 2019. Vol 16 no 63, p. 75.
[371] Özkan B. Turkey, Davutoglu and the Idea of Pan-Islamism // Survival Global Politics and Strategy, 2014. 56(4)
[372] İpek P. Ideas and Change in Foreign Policy Instruments: Soft Power and the Case of the Turkish International Cooperation and Development Agency // Foreign Policy Analysis, 2015. Vol. 11, p 181.
[373] Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции. // Сравнительная Политика, 2017. №1. С 61.
[374] Tellal E. Türk Dış Politikası'nda Avrasya Seçeneği // Uluslararası İlişkiler, 2005. 2(5), pp. 49–70.

давления со стороны американских и европейских партнеров[375]. Тем не менее, в будущем эта тенденция может сблизиться с московским евразийством. Согласно недавнему исследованию, впервые в истории процент турков, считающих, что Анкаре следует уделять больше внимания отношениям с Россией и Китаем, превысил число тех, кто считает, что приоритетными должны быть отношения с Западом[376].

3.3. Векторы турецкой внешней политики в отношении республик Центральной Азии и Южного Кавказа

Вскоре после распада СССР Анкара признала независимость новых республик в Центральной Азии и на Южном Кавказе. Соглашения, заключенные с этими новыми странами, создали основу для региональной политики Турции до сих пор, а новые двусторонние механизмы Комитета стратегического сотрудничества высокого уровня расширили рамки сотрудничества. Турция также использовала свои фундаментальные внутренние институты, такие как Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (*Türk İşbirliği ve Kalkınma Ajansı - TIKA*), Управление по делам соотечественников и проживающих за рубежом турок (*Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı - YTB*), фонд Маарифа (*Maarif Vakfi*) и Турецкая телерадиокомпания (*TRT*) для укрепления своей региональной стратегии. Существуют также амбициозные межправительственные организации для постсоветской географии: Организация черноморского экономического сотрудничества (*Black Sea Cooperation Organization*), Организация экономического сотрудничества (*Economic Cooperation Organization*), ТЮРКСОЙ и Организация тюркских государств. В этой части диссертации сначала рассматриваются организационные задачи Анкары, в первую очередь межправительственные

[375] Yanık L. K. Debating Eurasia: Political Travels of a Geographical Concept in Turkey // Uluslararasi İliskiler, 2019. 16(3), pp. 33-50.

[376] Metropol anketi: Türkiye dış ilişkilerinde Rusya ve Çin'e öncelik vermelidir diyenler yüzde 39.4 [Опрос Metropol: 39,4 процента считают, что Турция должна отдавать приоритет России и Китаю в своих внешних отношениях] [Электронный ресурс] // Sputnik Türkiye. – Режим доступа: https://tr.sputniknews.com/20220122/metropol-anketi-turkiye-dis-iliskilerinde-rusya-ve-cine-oncelik-vermelidir-diyenler-yuzde-394-1053017774.html. (дата обращения: 18.02.2022).

механизмы, а затем внутренние институты. Затем объясняются основные направления дипломатии Турции в Центральной Азии и на Южном Кавказе.

3.3.1. Институциональная основа региональной политики Турции

3.3.1.1. Организация тюркских государств

По инициативе Анкары в 1992 г. был проведен Саммит тюркоязычных государств Центральной Азии и Закавказья, однако долгое время он оставался лишь межправительственным форумом под руководством Турции. В 2009 г. он был преобразован в Тюркский совет[377]. Утверждалось, что это изменение выражает новое отношение Анкары, которая ищет эффективный механизм сотрудничества, а не амбициозный инструмент лидерства[378]. Некоторые эксперты назвали этот подход «мягким пантюркизмом»[379]. А.А. Ирхин, с другой стороны, утверждает, что реструктуризация 2009 г. является признаком перехода от национализма 1990-х гг. к цивилизационному подходу 2000-х гг.[380] В подтверждение, автор подчеркивает, что центром организации стал Стамбул, а не Анкара (культурническая столица вместо официальной столицы). В 2020 г. Тюркский совет принял в свои ряды Узбекистан, оставив только Туркменистан в качестве наблюдателя. В конце 2021 г. организация сделала еще один шаг, переименовав Тюркский совет в «Организацию тюркских государств», создав «Тюркский инвестиционный фонд» и разработав дорожную карту для будущей интеграции в документе «Тюркское мировоззрение 2040»[381]. Помимо своего символического значения для укрепления процесса формирования тюркской идентичности, Организация тюркских государств нацелена на расширение сотрудничества по вопросам логистики между ее членами. В прошлом такие вопросы обсуждались в рамках ОЧЭС и ОЭС. Эти организации со временем утратили свою эффективность, однако вопросы международных перевозок с региональными странами продолжаются. Поэтому для Анкары этот

---

[377] Nakhchivan Agreement on the Establishment of the Cooperation Council of Turkic Speaking States [Электронный ресурс] // TÜRKKON – Режим доступа: https://www.turkkon.org/assets/pdf/temel_belgeler/nakhchivan-agreement-on-the-establishment-of-the-copperation-council-of-turkic-speaking-states-1-en.pdf (дата обращения: 18.01.2022).

[378] Oran B. Türk Dış Politikası (Турецкая внешняя политика), 2010. сс. 468-469

[379] Balci B., Liles T. Turkey's comeback to Central Asia // Insight Turkey 20(4) с.14

[380] Ирхин А.А. Американский план «Большой Ближний Восток» и турецкая концепция «Стратегической глубины» // Вестник Томского государственного университета, 2018. №432 с.102.

[381] Organizasyon Tarihçesi [История организации] [Электронный ресурс] // TÜRKKON – Режим доступа: https://www.turkkon.org/en/organizasyon-tarihcesi (дата обращения: 28.01.2022).

новый механизм будет иметь важную функцию для сохранения непрерывности ее торговли в Евразии.

3.3.1.2. ОЧЕС и ECO

Созданная в 1992 г., Организация Черноморского экономического сотрудничества ставила своей целью расширение экономического партнерства между прибрежными государствами Черного моря[382]. Целями были развитие взаимоотношений в регионе через общие инфраструктурные проекты, финансовую координацию и культурную интеграцию. Организация также послужила платформой для выражения общей озабоченности Турции и России по поводу превращения Черноморского региона в еще один пункт американского военного давления на Иран[383]. Однако со временем организация утратила свое значение. По мнению П.А. Шлыкова, процедура единогласного принятия решений является одной из главных причин превращения ОЧЭС из простого «дипломатического форума» в стратегический механизм[384]. Тем не менее, ее механизм все еще жив, хотя и неэффективен, и значим благодаря тому, что это единственная региональная организация, членами которой являются и Россия, и Турция.

Созданный как ориентированный на Запад союз безопасности, Центральная договорная организация (*Central Treaty Organization* – СЕНТО) объединяла Иран, Турцию и Пакистан во время холодной войны. Однако после Исламской революции 1979 г. в Иране Организация потеряла смысл из-за ухудшения отношений иранского исламского режима с США, что разрушило СЕНТО как механизм противостояния против СССР. Однако члены организации преобразовали ее в Организацию экономического сотрудничества (*Economic Cooperation Organization - ECO*), чтобы создать инструмент экономического сотрудничества, а после окончания холодной войны в эту организацию были

---

[382] Charter Of The Organızatıon Of The Black Sea Economıc Cooperatıon [Электронный ресурс] // Black Sea Economic Cooperation – Режим доступа: http://www.bsec-organization.org/UploadedDocuments/StatutoryDocumentsAgreements/CHARTERFourthEdition.pdf (дата обращения: 17.06.2021).

[383] Fotiou E. “Caucasus Stability and Cooperation Platform”: What is at Stake for Regional Cooperation? ICBSS Policy Brief, 2009. No. 16 – Режим доступа: https://www.files.ethz.ch/isn/104737/PB_16.pdf (дата обращения: 17.06.2021).

[384] Shlykov P. Russian-Turkish Relations in the Wider Black Sea Region: Cooperation and Competition. // Perceptions, 2018. Vol 23. No 2, pp. 93-116. P. 102

приглашены страны Центральной Азии и Кавказа[385]. Как ОЧЭС, ECO все еще существует, но мало эффективна. Эти две организации существуют как доказательство того, что Турция, как и Россия, склонна продвигать региональные межправительственные проекты, в которых она играет доминирующую роль.

3.3.2. Основные направления Турецкой политики в Центральной Азии и на южном Кавказе

3.3.2.1. Безопасность

Внешняя политика Турции в Центральной Азии и на Южном Кавказе превратилась из амбициозной, но нереалистичной формы начала 1990-х гг. в более прагматичную, реалистичную и институционализированную дипломатию сегодня. Она также изменилась в сторону более независимого подхода в отличие от прозападной эпохи. Это требует тонкого баланса между региональными и глобальными акторами. «Стратегическое сближение» (*strategic allignment*) с Россией в геополитических вопросах, возникшее после 2016 г., позволяет Москве и Анкаре поддерживать сотрудничество даже при наличии разногласий, что дает Турции больше пространства для маневра в Центральной Азии и на Кавказе[386]. Две региональные державы поняли пределы двусторонних отношений и начали фокусироваться на процессах, а не на долгосрочных идеалах[387]. «Деидеологизированное и прагматичное» партнерство выживает независимо от международных событий благодаря усилиям Анкары и Москвы[388]. Этот новый подход начался с Астанинского процесса по деэскалации сирийской гражданской войны Ирана, Турции и России и распространился на другие вопросы в других регионах. Одним из важных примеров этого является Карабахская война, когда

[385] History of the Organization. [Электронный ресурс] // Economic Cooperation Organization – Режим доступа: http://www.eco.int/general_content/86055-History.html (дата обращения: 09.11.2021).
[386] Köstem S. Russian-Turkish cooperation in Syria: geopolitical alignment with limits // Cambridge Review of International Affairs, 2020. pp. 1-23.
[387] Rüma İ., Çelikpala M. Russian and Turkish Foreign Policy Activism in the Syrian Theater // Uluslararasi Iliskiler, 2019. 16(2), pp. 65-84.
[388] Mamedov R., Lukyanov G. Russia and Turkey: Approaches to Regional Security in the Middle East // Perceptions: Journal of International Affairs, 2018. pp. 51-71

Россия признала роль Турции как игрока в сфере безопасности на Южном Кавказе, создав общий военный наблюдательный пункт[389].

В 1990-х и начале 2000-х гг. дипломатия Анкары в Центральной Азии и на Южном Кавказе основывалась в основном на применении «мягкой силы» и экономическом сотрудничестве с региональными странами. Турция не была склонной к расширению своих военных связей в регионе[390]. Военный аспект безопасности постсоветской политики Турецкой республики ограничивался обучением военных офицеров региональных стран[391]. Тем не менее, на современном этапе сотрудничество распространилось и на военный сектор. Решающая роль турецких беспилотников в азербайджано-армянской войне 2020 г.[392]; организационная поддержка Баку со стороны турецкой армии; Шушинская декларация с Баку 2021 г., которая привнесла в двусторонние отношения понятие коллективной обороны; турецко-российский военный наблюдательный пункт - наиболее очевидные примеры растущего военного влияния Турции на Южном Кавказе.

По мнению А.А. Ирхина, еще одним компонентом дипломатии Турции на Кавказе после 2000 г. является развитие тесного сотрудничества с Тбилиси при продолжении отношений с Абхазией и Южной Осетией[393]. Поддерживая Грузию в политических вопросах и повторяя свое неприятие независимости Абхазии и Южной Осетии, некоторые экономические и политические взаимодействия с этими регионами продолжаются, особенно через абхазскую и осетинскую диаспоры в Турции[394]. Тем не менее, поддержка Анкары в отношении Тбилиси по геополитическим вопросам является открытой и сильной. В Трабзонской декларации 2012 г. Турция выразила полную поддержку Грузии по вопросам

---

389 Trenin D. Moscow's new rules // Carnegie Endowment for International Peace. [Электронный ресурс] URL: https://carnegiemoscow.org/commentary/83208 (дата обращения: 05.09.2022)

390 Balcer A. Between Appeasement and Rivalry: Turkey and Russia and their neighborhoods // Global Turkey in Europe. Edizioni Nuova Cultura, Rome, 2015. p. 49.

391 Иванова, И. И. Турция в Центральной Азии: партнер или соперник? // Азия и Африка сегодня, –2019. –№7, с. 41.

392 Президенты Эрдоган и Алиев в Шуше подписали декларацию о союзничестве [Электронный ресурс] // Би-Би-Си. 2021. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/news-57481382 (дата обращения: 13.01.2022).

393 Ирхин А.А. Американский план «Большой Ближний Восток» и турецкая концепция «Стратегической глубины» // Вестник Томского государственного университета, 2018. №432 с.102.

394 Геворгян А.Г., Енокян А.В., Мелконян Л.А. Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века / Вестник гуманитарного образования, 2020. №3(19), с. 80.

Абхазии и Южной Осетии[395]. Кроме того, две страны подписали договор о военном сотрудничестве, который стал основой для оказания Турцией помощи грузинским вооруженным силам[396].

Сотрудничество в области безопасности в Центральной Азии также расширяется. Известная турецкая оборонная компания ASELSAN в 2011 г. создала KAE (*Kazakhstan and Aselsan Engineering*) в партнерстве с правительством Казахстана, чтобы напрямую выйти на рынок Центральной Азии[397]. Туркменистан, одна из региональных стран, имевших плохие отношения с Турцией в 1990-х и начале 2000-х гг., стал вторым по величине покупателем турецкого экспорта вооружений в 2020 г.[398] Узбекистан также подписал соглашение о военном сотрудничестве с Анкарой в декабре 2020 г.[399] В этом же году СНГ стало вторым рынком для турецкого экспорта оружия с объемом 411 млн долларов в год, и наблюдается положительная тенденция, которая увеличивается с каждым годом[400]. Военное сотрудничество продвинулось вперед с приобретением Кыргызстаном беспилотников «Bayraktar TB2» в конце 2021 г.[401] Более того, турецкая государственная аэрокосмическая компания TUSAŞ подписала с Нурсултаном

---

[395] Trabzon Declaration Of The Ministers Of Foreign Affairs Of The Republic Of Azerbaijan, Georgia And The Republic Of Turkey, 08 June 2012, Trabzon [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Turkey –08.06.2012– Режим доступа: https://www.mfa.gov.tr/trabzon--declaration-of-the-ministers-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-azerbaijan_-georgia-and-the-republic-of-turkey (дата обращения: 14.10.2021).

[396] Turkey Donates Military Equipment to Georgian Army. [Электронный ресурс] // Anadolu Agency – Режим доступа: https://www.aa.com.tr/en/turkey/turkey-donates-military-equipment-to-georgian-army/2121093. (дата обращения: 18.02.2022).

[397] About KAE [Электронный ресурс] // KAE – Режим доступа: [https://www.kae.com.kz/en/about-company.html], (дата обращения: 13.06.2022).

[398] SIPRI Military expenditure by country as percentage of gross domestic product, 1988-2020. [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988–2020%20as%20a%20share%20of%20GDP%20%28pdf%29.pdf (дата обращения: 28.01.2022).

[399] Turkish, Uzbek defense ministers sign military agreement, underline further defense cooperation," 27 October, 2020 [Электронный ресурс] // Daily Sabah –27.10.2020. –Режим доступа: https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkish-uzbek-defense-ministers-sign-military-agreement-underline-further-defense-cooperation. (дата обращения: 15.05.2022).

[400] Savunma ve Havacılıkta Yeni İhracat Rekoru [Новый рекорд в экспорте оборонной и аэрокосмической промышленности] [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://www.trthaber.com/haber/ekonomi/savunma-ve-havacilikta-yeni-ihracat-rekoru-632505.html (дата обращения: 19.01.2022).

[401] Kırgızistan Bayraktar TB2 IHA'larını İlk Kez Tatbikatta Kullandı [Кыргызстан впервые использовал беспилотники Bayraktar TB2 в военных учениях] [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://tr.sputniknews.com/20220331/kirgizistan-bayraktar-tb2-ihalarini-ilk-kez-tatbikatta-kullandi-1055207582.html (дата обращения: 28.01.2022).

соглашение о совместном производстве вооруженных беспилотников «Анка» в Казахстане[402].

3.3.2.2. Экономика

Центральная Азия и Южный Кавказ - важный рынок для турецкой экономики. Как видно из таблицы, Анкара является важным партнером и для региональных игроков. Политические и экономические трудности Турции в 1990-х гг. сильно ударили по экономическим отношениям Турции со странами Центральной Азии и Южного Кавказа[403]. Однако ускорение развития в начале 2000-х гг. положительно отразилось и на регионе. С 2002 по 2012 гг. объем торговли Турции со странами региона вырос в десять раз[404]. Эта положительная тенденция сохранялась даже во время изоляции Анкары после арабской весны. Однако российские санкции в 2016 г. отрицательно повлияли на эту тенденцию[405]. Эта ситуация была невыгодна и региональным странам, и Казахстан, как важный экспортер на турецкий рынок, взял на себя инициативу залечить раны между Анкарой и Москвой[406]. Это ясный пример того, что региональное сотрудничество и экономические связи Турции обеспечивают дополнительные дипломатические каналы. Международные инвестиции также не являются односторонними. Например, Азербайджан вошел в десятку крупнейших инвесторов в Турции, а также увеличиваются инвестиции и из других стран региона[407].

---

[402] Türk Havacılık ve Uzay Sanayii Anka İçin Kazakistan İle Yeni Bir Üretim Üssü İçin İmza Attı. [Turkish Aerospace Industries подписала соглашение с Казахстаном о производстве беспилотников Anka] [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://www.tusas.com/medya-merkezi/haberler/turk-havacilik-ve-uzay-sanayii-anka-icin-kazakistan-ile-yeni-bir-uretim-ussu-icin-imza-atti (дата обращения: 13.03.2022).

[403] Иванова И. И. Турция в Центральной Азии: партнер или соперник? // Азия и Африка сегодня, 2019. №7, с. 40.

[404] TUİK (Турецкий статистический институт) / Режим доступа: https://www.tuik.gov.tr

[405] Там же

[406] Эрдоган в письме Путину извинился перед ним по-русски [Электронный ресурс] // РБК. 09.08.2016. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/57a9b79b9a79474ff7ff7f9c?xtor=AL-%5Binternal_traffic%5D--%5Brss.rbc.ru%5D-%5Btop_stories%5D (дата обращения: 17.04.2022).

[407] Yatırım İstatistikleri [Статистика инвестиций] [Электронный ресурс] // Sanayi ve Ticaret Bakanlığı – Режим доступа: https://sanayi.gov.tr/istatistikler/yatirim-istatistikleri/mi0803011615 (дата обращения: 19.01.2022).

Таблица 6. Торговля Турции с региональными странами (2019–долл. США)[408]

Страна	Торговый баланс	Экспорт Турции в страну	Импорт Турции из страны	Место Турции в экспорте страны [409]	Место Турции в импорте страны
Казахстан	8.576.803.64	900.150.18	1.403.956.39	7	8
Узбекистан	2.729.230.13	1.232.128.54	1.140.193.21	6	6
Азербайджан	1.455.060.24	1.788.471.96	411.021.56	2	3
Кыргызстан	1.237.592.54	442.052.47	77.243.71	5	5
Таджикистан	916.139.21	156.606.14	198.072.32	1	5
Армения	836.262.71	19.18	2.665.26	N/A	1
Грузия	433.164.55	1.578.067.50	272.350.34	1	1
Туркменистан	391.735.00	744.706.00	344.773.88	3	1

Религиозная и этническая общность со странами региона часто подчеркивается и даже послужила основой для создания институциональной структуры дипломатии Анкары в Центральной Азии и на Кавказе[410]. Причем, Грузия является наиболее интегрированной с Анкарой страной в постсоветской географии. Для объяснения глубокой интеграции между двумя соседями можно привести такие примеры: 1) граждане двух стран могут находиться в другой стране в течение 90 дней даже без заграничного паспорта только по удостоверению личности[411]; 2) аэропорт Батуми является общим для двух стран, и турецкие граждане могут использовать его как внутренний аэропорт без прохождения международных таможенных процедур[412]; 3) все трубопроводы углеводородов в Турцию из региона проходят через Грузию; 4) Турция является ведущей страной-экспортером на грузинском рынке[413]; 5) Турция является ведущим инвестором в

[408] Turkey trade balance, exports and imports by country 2019 / World Integrated Trade Solution/ – Режим доступа: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/TUR/Year/2019/TradeFlow/EXPIMP/Partner/by-country (дата обращения: 05.09.2022)

[409] Observatory of Economic Complexity – Режим доступа: https://www.oec.world

[410] Köstem S. When Can Idea Entrepreneurs Influence Foreign Policy? Explaining the rise of the “Turkic World” in Turkish Foreign Policy // Foreign Policy Analysis, 2016. Pp. 1-19.

[411] Gürcistan’a Seyahat Edecek Türk Vatandaşlarının Dikkatine [Вниманию граждан Турции, которые отправятся в Грузию] [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Turkey– Режим доступа: https://www.mfa.gov.tr/gurcistan-seyahat-edecek-turk-vatandaslarinin-dikkatine.tr.mfa. (дата обращения: 13.10.2021).

[412] Batum Havalimanı İç Hat Oldu [Аэропорт Батума стал внутренним аэропортом] [Электронный ресурс] // CNN Türk –29.05.2007. –Режим доступа: https://www.cnnturk.com/2007/ekonomi/genel/05/29/batum.havalimani.ic.hat.oldu/353976.0/index.html. дата обращения: 19.12.2021).

[413] Türkiye Cumhuriyeti Ticaret Bakanlığı – Gürcistan Ülke Profili/ – Режим доступа: https://ticaret.gov.tr/data/5ef464c013b8767a58021859/Gürcistan%20Ülke%20Profili-Kasım%202021.pdf.

Грузии благодаря значительной экономической деятельности турецких компаний, ведущих бизнес в этой стране[414].

Самым главным препятствием для экономического выхода Анкары в Евразию является ее географическое положение. Даже спустя тридцать лет после возникновения новых региональных республик логистика остается проблемой. Существует три возможных маршрута выхода Турции на рынок Центральной Азии. Прямой наземный маршрут через Иран проблематичен из-за споров с Тегераном о ценах[415] и правах на транзитные грузовики[416]. Эти трудности подтолкнули Анкару к поиску альтернативных маршрутов, таких как грузовые суда из Туркменистана через Азербайджан[417]. Существует довольно либеральное двустороннее партнерство с Грузией для выхода в Азербайджан, что компенсирует закрытую границу с Арменией. Однако морская инфраструктура на Каспийском море еще недостаточна. Чтобы ускорить появление надежной альтернативы, Анкара настаивает на реализации проекта «Средний коридор», который будет связан с китайской инициативой «Один пояс - один путь»[418]. В рамках этого проекта казахстанский порт Актау в 2021 г. отправил первые коммерческие грузы в Турцию через Каспийское море[419]. Создание такой альтернативы имеет решающее значение для Турции, чтобы в будущем договориться с Ираном и Россией о ценах на транзит. Еще одной важной темой стал так называемый «Зангезурский» коридор, который соединит Нахичевань с самим Азербайджаном. В азербайджано-армянское соглашение о прекращении огня в 2020 г. была включена статья об этом

---

[414] Юрдакал О. Инвестиционная политика Турции в Грузии после распада СССР // Российский внешнеэкономический вестник, 2021. №7, с 126-134, с 130.

[415] Turkey and Iran agree on transit truck fee / Anadolu Agency/ 17.11.2014. – Режим доступа: https://www.aa.com.tr/en/economy/turkey-and-iran-agree-on-transit-truck-fee/100649 (дата обращения: 05.09.2022)

[416] Yezdani İ. Iran will not sell fuel to Turkish trucks upon Turkey's new plan, says Iranian envoy // Hurriyet Daily News/. 29 October 2014, – Режим доступа: https://www.hurriyetdailynews.com/iran-will-not-sell-fuel-to-turkish-trucks-upon-turkeys-new-plan-says-iranian-envoy--73592 (дата обращения: 05.09.2022)

[417] Gul G.S. Türkmenistan'a TIR'lar artık İran'dan değil, Hazar'dan gidiyor // Dünya. https://www.dunya.com/gundem/turkmenistana-tirlar-artik-irandan-degil-hazardan-gidiyor-haberi-269418 (дата обращения: 05.09.2022)

[418] Turkey's Multilateral Transportation Policy / Ministry of Foreign Affairs of Turkey. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.tr/turkey_s-multilateral-transportation-policy.en.mfa. (дата обращения: 05.09.2022)

[419] Бутырина Н. Порт Актау – вектор отправки грузов // Каспийский Вестник. – Режим доступа: http://casp-geo.ru/port-aktau-vektor-otpravki-gruzov-turtsiya/?mc_cid=9baa454575. (дата обращения: 05.09.2022)

коридоре[420]. Хотя после заключения соглашения не было никаких подвижек в реализации проекта, недавний диалог между Арменией и Турцией мог бы способствовать решению этого вопроса. С 2021 г. два соседа проводят встречи через специальных представителей, однако до сих пор не видно никакого прогресса в отношениях[421]. Между Турцией и Арменией уже существует незначительная двусторонняя торговля[422]. Естественно, оттепель в двусторонних отношениях положительно скажется на этой торговле.

Турция уже давно объявила своей целью развития превращение в «энергетический хаб»[423]. Для этого необходимо иметь разнообразные и устойчивые углеводородные ресурсы от разных продавцов. Поэтому выход к запасам Центральной Азии и Азербайджана имеет для Анкары решающее значение. Первым шагом на пути к этой цели стало строительство нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, которое было завершено в 2005 г. За ним последовал газопровод Баку-Тбилиси-Эрзурум, который соединил азербайджанский газ с турецким рынком. Эти проекты привлекательны для западных партнеров с точки зрения геополитических выгод, например, министр энергетики США участвовал в церемонии начала строительства нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан[424]. Турция пытается использовать этот интерес для улучшения своих отношений с европейскими игроками, особенно для своего стремления к членству в ЕС и получения инвестиций в дорогостоящие проекты[425]. Когда возник газовый спор между ЕС и Россией, Турция еще раз подчеркнула важность этих маршрутов как альтернативы для Европы[426].

---

[420] Statement by President of the Republic of Azerbaijan, Prime minister of the Republic of Armenia and President of the Russian Federation / Сайт Президента РФ. 09.11.2022. – Режим доступа: http://en.kremlin.ru/events/president/news/64384 (дата обращения: 05.09.2022)

[421] Армения и Турция сблизились до Москвы [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 14.01.2022. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5170334. (дата обращения: 23.02.2022).

[422] Геворгян А.Г., Енокян А.В., Мелконян Л.А. Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века // Вестник гуманитарного образования, 2020. №3(19), с 73.

[423] Ягья В.С., Колесникова М.А. «Три кита» турецкой политики в Африка // Сравнителькая Политика, 2018. №1. С 46.

[424] Жильцов С. Энергетическая Политика Турции в Каспийском регионе // Геоэкономика энергетики, 2021. №2(14), с. 36.

[425] Balta E. From Geopolitical Competition to Strategic Partnership: Turkey and Russia after the Cold War. // Uluslararası İlişkiler, 2019. Vol 16 no 63, p. 83.

[426] Raszewski S. Dichotomy of Energy Policies in the Caspian в Security. in Shared Neighbourhoods ed. by Piet R., Simia L. –London: Palgrave-MacMillan, 2016 p.170.

После завершения интеграции азербайджанского месторождения Шахдениз в инфраструктуру Турции, в 2020 г. европейские страны впервые в истории получили азербайджанский газ через Турцию[427]. В отличие от предыдущих соглашений с Ираном и Россией, в которых был пункт о целевом потреблении, газовая сделка Анкары с Баку не имеет ограничения на внутреннее использование и поэтому позволяет Турции продавать его другим потребителям[428]. В этом контексте он служит цели Анкары стать энергетическим хабом. Используя эту возможность, Азербайджан значительно увеличил объем газа, который он продает Турции, и стал втором главном экспортером в Турцию[429]. Однако азербайджанских газовых ресурсов недостаточно для того, чтобы удовлетворить турецкий рынок и затем изменить статус-кво для европейских рынков. Для этого необходимо интегрировать центральноазиатские источники. В этом контексте соглашение между Азербайджаном и Туркменистаном о прекращении спора по газовому бассейну Кяпаз/Сердар с целью создания совместного предприятия Достлуг (*дружба на тюркских языках*) вызвало положительные отзывы в Анкаре[430]. Возможный туркмено-азербайджанский трубопровод послужит моделью для подключения Турции к казахстанским ресурсам[431]. Турецкие официальные лица неоднократно выражали свою заинтересованность в подключении ресурсов Центральной Азии через такие проекты[432].

---

[427] Erkul N. TAP opens commercial gas flow from Azerbaijan to Europe [Электронный ресурс] // Anadolu Agency – 31.12.2020. – Режим доступа: https://www.aa.com.tr/en/energy/natural-gas/tap-opens-commercial-gas-flow-from-azerbaijan-to-europe/31469. (дата обращения: 19.03.2022).

[428] Rzayeva G. Gas Supply Changes in Turkey/ The Oxford Institute for Energy Studies. – https://www.oxfordenergy.org/publications/gas-supply-changes-turkey/. (дата обращения: 05.09.2022)

[429] Doğal Gaz Bulundu: Karadeniz'deki gaz keşfi Türkiye'yi Nasıl Etkiler? [Обнаружен природный газ: Как новый источник природного газа повлияет на Турцию?] [Электронный ресурс] // BBC Türkçe – 22.08.2020. – Режим доступа: https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-53868045. (дата обращения: 16.11.2021).

[430] Jalilov O. Turkey expresses readiness to deliver gas from Turkmenistan to Europe [Электронный ресурс] // Caspian News. 27.02.2021 – Режим доступа: https://caspiannews.com/news-detail/turkey-expresses-readiness-to-deliver-gas-from-turkmenistan-to-europe-2021-2-27-0/ (дата обращения: 13.02.2022).

[431] Indeo F. Settling the Caspian Issue and Realizing the Trans-Caspian Energy Corridor [Электронный ресурс] // The Diplomat. 07.10.2018 – Режим доступа: https://thediplomat.com/2018/07/settling-the-caspian-issue-and-realizing-the-trans-caspian-energy-corridor/ . (дата обращения: 29.01.2022).

[432] Жильцов С. Энергетическая Политика Турции в Каспийском регионе // Геоэкономика энергетики, 2021. №2(14), с. 41.

3.3.2.3. Общественно-политический аспект отношений

TIKA (Турецкое агентство по сотрудничеству и координации) было создано как основной инструмент политики Турции в Центральной Азии и на Кавказе в 1992 г.[433] Его основными функциями было оказание финансовой, культурной, образовательной и бюрократической помощи тюркским республикам[434]. В 1990-е гг. Агентство играло ключевую роль в качестве инструмента турецкой «мягкой силы». География деятельности агентства расширилась после 2000-х гг., появились новые офисы в Африке, на Балканах, Ближнем Востоке и Восточной Азии. По мнению турецкого политолога П. Ипек историю TIKA можно разделить на три периода: 1992–2001 гг. - фокусирование на тюркских государствах в Центральной Азии и на Южном Кавказе; 2001-2004 гг. - когда Анкара направляла значительную часть своей внешней помощи в Комитет содействия развитию ОЭСР; с 2004 г. по сегодняшний день - значительное расширение масштабов, географии и представительства организации[435]. Структурные изменения, проведенные администрацией Эрдогана, повысили значимость организации, в то время как доля постсоветских государств в предоставляемой помощи уменьшилась за счет новых сфер интересов[436].

Анкара уделяла большое внимание образованию как инструменту мягкой силы для улучшения отношений со странами Центральной Азии и Кавказа. В этом контексте была организована программа «Турецкие стипендии», которая оплачивала учебу многих студентов из региона[437]. Более того, в регионе были созданы два турецких университета. Университет Манас в Кыргызстане сегодня принимает более 6000 студентов[438]. 12.000 студентов учатся в турецко-казахском университете имени Ахмеда Ясауи[439]. Университеты полностью интегрированы в

---

[433] Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции. // Сравнительная Политика, 2017. №1. С 70.
[434] Иванова И. Турция в Центральной Азии: партнер или соперник? // Азия и Африка сегодня, 2019. №7, с. 39.
[435] İpek P. Ideas and Change in Foreign Policy Instruments: Soft Power and the Case of the Turkish International Cooperation and Development Agency / Foreign Policy Analysis, 2015. Vol. 11, p 179.
[436] TIKA / Режим доступа: https://www.tika.gov.tr (дата обращения: 05.09.2022)
[437] Karymbaeva Z. Türkiye'nin Büyük Öğrenci Projesi Orta Asya Cumhuriyetleri. – İstanbul:UDEF, 2018.
[438] Kyrgyz-Turkısh Manas Unıversıty / Режим доступа: https://www.manas.edu.kg/en/about_manas/ktmu_at_a_glance (дата обращения: 05.09.2022)
[439] Ahmet Yesevi Üniversitesi / Режим доступа: https://www.ayu.edu.tr/universitemiz (дата обращения: 05.09.2022)

турецкую систему высшего образования, поэтому выпускники не испытывают трудностей при участии на турецком рынке труда. Еще одним учреждением, которое служит Анкаре в качестве инструмента мягкой силы, является Центр Юнуса Эмре[440]. Основанная в 2007 г., эта организация служит культурным центром для обучения турецкому языку и культуре в зарубежных странах. Министерство образования Турции и Фонд Маариф также имеют начальные и средние школы в некоторых странах региона. Общие данные по турецким образовательным организациям обобщены в таблице.

Таблица 6. Образовательные организации Турции в ЦА и ЮК.

Страна	Институт им. Юнуса Эмре	Школы Фонда Маарифа[441]	Школы Министерства Образовании Турции[442]	Турецкий ВУЗ
Казахстан	+	-	-	Ун. им. Ходжа А. Ясауи
Узбекистан	-	-	3	-
Таджикистан	-	-	3	-
Туркменистан	-	-	3	-
Кыргызстан	-	4	6	Университет Манас
Армения	-	-	-	-
Азербайджан	+	-	3	-
Грузия	+	4	3	-

Одним из важных культурных мероприятий Анкары стало создание в 1993 г. ТЮРКСОЙ (Международная организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства) в рамках ЮНЕСКО для содействия процессу создания общей идентичности с региональными субъектами. В ТЮРКСОЙ также входят некоторые субъекты Российской Федерации в качестве наблюдательных членов: Республика Алтай, Башкортостан, Хакасия, Якутия, Татарстан и Тыва[443].

[440] Шамарина О.А. Грузия в контексте турецкой политики «мягкой силы» на рубеже веков // Изв. Сарат. ун-та. Сер. История. Международные отношения, 2020. Т.20 вып. 2, с. 233.
[441] Dünyada Türkiye Maarif Vakfı (Турецкий фонд Маариф в мире) / Türkiye Maarif Vakfı. – Режим доступа: https://turkiyemaarif.org/page/2018-DUNYADA-MAARIF-16 (дата обращения: 05.09.2022)
[442] T.C. Millî Eğitim Bakanlığı / Режим доступа: http://yyegm.meb.gov.tr/www/yurt-disi-okullarimiz/icerik/366 (дата обращения: 05.09.2022)
[443] Международная организация ТЮРКСОЙ / Режим доступа: https://www.turksoy.org/ (дата обращения: 05.09.2022)

Организация фокусируется на культурной деятельности, национальном фольклоре и социальных мероприятиях.

В рамках культурной деятельности Турция в 2009 г. создала правительственный телеканал TRT Avaz[444]. Другим культурным инструментом стала организация «Turkvision», ежегодного музыкального конкурса между тюркскими странами[445]. Турецкие СМИ также весьма популярны в Центральной Азии и на Кавказе[446]. Особенно популярны в регионе телевизионные сериалы, которые делают страну более привлекательной для молодого поколения не только в странах со схожими языками или культурой, но даже в Грузии[447].

Анкара также поддерживает мобильность граждан региональных стран. Сегодня граждане Грузии и Азербайджана могут находиться в Турции в течение трех месяцев при наличии удостоверения личности. Остальные страны, кроме Армении, пользуются преимуществами безвизового пребывания в течение 90 дней. Из региональных стран только Туркменистан требует визы от турецких граждан. Повышение мобильности уже заметно на турецком рынке труда. Примерно 25 процентов регулярной миграции в Турцию приходится на страны Центральной Азии и Кавказа[448]. Кроме того, многие сезонные рабочие пользуются безвизовым режимом на короткие сроки. Например, грузинские сельскохозяйственные рабочие имеют большое значение в турецком производстве чая[449].

3.3.4. Выводы к главе

Центральная Азия и Южный Кавказ являются важнейшей частью внешней политики Турции. С 1991 г. Анкара создавала институциональную основу своих отношений в регионе, начиная с амбициозного, но слабо организованного этапа

---

[444] Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная Политика, 2017. №1. С 71.

[445] Москаленко В.А. «Мягкая сила» Турции в интеграционных процессах в Центральной Азии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество, 2021. №4-1, с 131.

[446] Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции. / Сравнительная Политика, 2017. №1. С 60.

[447] Шамарина О.А. Грузия в контексте турецкой политики «мягкой силы» на рубеже веков / Изв. Сарат. ун-та. Сер. История. Международные отношения, 2020. Т.20 вып. 2, с. 234.

[448] TUİK (Турецкий статистический институт) / Режим доступа: https://www.tuik.gov.tr

[449] Sağıroğlu A. Z. Türkiye'nin değişen göç karakteri. / A.Z. Sağıroğlu // Sosyoloji Divanı. –2015. –No3. –Vol.6. –p. 11.

1990-х гг. до сегодняшнего реалистичного и прагматичного подхода. Регион является ярким примером самоидентификации Турции в мировой политике. На первом этапе, в начале 1990-х гг., региональная политика Анкары формировалась вокруг идеи образцовой страны для младших братьев, которые будут брать пример с Турции, следуя по пути вестернизации. После этого регион стал лишь одной из потенциальных сфер влияния для создания стратегической глубины турецкой внешней политики. На современном этапе модель отношений Турции в регионе выражает следующие идеи:

1) Анкара должна действовать как независимый игрок в мировой политике и использовать региональные возможности как потенциал для своего политического, экономического и культурного развития;

2) Существует разрыв между идеалами и реальностью, поэтому необходимо учитывать противоречивые интересы с великими державами (например, США и Китаем, но особенно с Россией);

3) Анкара должна устранить долгосрочные конфликты и споры, чтобы изменить региональный статус-кво и создать более благоприятную ситуацию для успешного развития отношений с региональными государствами;

4) Необходимо создать больше альтернативных маршрутов для связи Турции с другими странами Евразии. В рамках этих принципов Анкара пытается использовать возникающие в регионе возможности, не вызывая жесткой реакции со стороны региональных и мировых держав, чтобы постепенно получить больший выигрыш в долгосрочной перспективе.

Глава 4. Политика Ирана в центральной Азии и на Южном Кавказе

После исламской революции 1979 г. Тегеран столкнулся с международным давлением, вызванным его конфронтацией с Западом. Эта конфронтация обусловила активную дипломатию Ирана на Ближнем Востоке. Однако подобная активность не наблюдалась в Центральной Азии и в Закавказье со времен распада Советского Союза и до современного этапа. Хотя Иран быстро установил связи с новыми республиками, дипломатическое, экономическое или общественное взаимодействие далеко от имеющегося потенциала. После изложения истории внешней политики Ирана после революции и ее влияния на регион Центральной Азии и Южного Кавказа, в этой главе рассматриваются три концепции, определяющие самоидентификацию Ирана: Революция, Исламская Республика и Сопротивление. Затем рассматривается организационная структура региональной политики ИРИ. Объясняются направления внешних отношений: безопасность, экономика и общественные отношения, чтобы пролить свет на региональную стратегию Тегерана.

4.1. Внешняя политика Исламской Республики

История различных империй и правивших династий обеспечила иранскому обществу традицию рациональной и сбалансированной дипломатии[450]. Однако основные составляющие современной политической системы были заложены после Исламской революции. До этого времени Иран при правлении шаха Мохаммада Реза Пехлеви проводил напористую внешнюю политику, направленную на региональное лидерство и сохранение союза с США. В тот период Тегеран был одним из крупнейших импортеров американского оружия[451]. Шах подчеркивал персидский национализм как национальную идентичность, чтобы объединить народ[452]. Яркими примерами этого были пышные празднования

[450] Халифа-Заде, Махир Иран и Борьба за влияние на южном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ, 2011.
[451] Jonathan N.G. Exporting Imperialism: Arms, Iran, and the Military-Industrial Complex, 1969–1979 // Diplomatic History, 2002. Volume 46, Issue 2, Pp. 320–348.
[452] Богачева А. Исламская Республика Иран: итоги и долгого пути. / Ближний Восток: Политика и идентичность. Коллективная монография / Под ред. И. Д. Звягельской / ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 336 с. С. 101.

2500-летия персидской монархии или 50-летия династии Пехлеви[453]. В этот период религия не была определяющим фактором во внешней политике, а самоидентификация основывалась на создании персидской нации.

Для укрепления своего правления и ускорения развития страны Мохаммад Реза-шах инициировал программу «Белой революции», которая включала реформирование экономической и социальной системы. Однако растущее неравенство среди граждан и светский характер «Белой революции» вызвали негативную реакцию народа. Националистический дискурс был недостаточен, чтобы противостоять сильному религиозному истеблишменту, который выступал против светского характера этих преобразований в Иране. В результате в 1963 г. начались движения протеста против шахской «революции» с участием различных социальных групп. Рухолла Мусави Хомейни был одной из ведущих фигур этого движения и был выслан из Ирана после этих событий. Основной причиной противостояния мулл Белой революции был страх потерять центральную роль религии в Иране[454].

После протестов 1963 г. шах усилил контроль над оппозицией с помощью организаций безопасности таких, как САВАК (Организация информации и безопасности страны). Однако этого было недостаточно, чтобы заставить замолчать оппозицию, в которую входили религиозные авторитеты, националисты, коммунисты и многие другие политические группы. Помимо тайных сетей оппозиции в Иране, многие оппозиционные персонажи, выступали против шахского правления своими публикациями и речами из-за рубежа. В конце 1978 г. протесты возникли вновь, и на этот раз аппарата безопасности шаха оказалось недостаточно для подавления движения. 9 января 1979 г. Мохаммад Реза Шах покинул страну, а 1 февраля имам Р.М. Хомейни вернулся в Тегеран из Парижа, где он находился в изгнании 16 лет.

---

[453] Noori V. Status-Seeking and Iranian Foreign Policy: The Speeches of the President at the United Nations // Iranian Review of Foreign Affairs, 2012. Vol. 3. No. 1, p 133.

[454] Baghat G., Ehteshami A. Defending Iran: From Revolutionary Guards to Ballistic Missiles. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 16.

Хотя революция была успешной благодаря широкой коалиции исламистов, националистов, социалистов, национальных меньшинств и многих других политических групп, в конечном итоге она приняла исламистскую форму[455]. В результате возникла Исламская Республика, основанная на идее «Велайат-э Факих» - политической системе, в центре которой находится религиозный авторитет. По мнению лидера революции исламская республика не должна была ограничиваться границами национального государства, а должна была охватить всех мусульман. Следовательно, Р.М. Хомейни выражал желание экспортировать созданный в Иране режим по всему мусульманскому миру (*умма*).

Р.М. Хомейни также заявил, что мир разделен на угнетателей (мостакберин) и угнетенных (мостазафин), и иранское правительство обязано поддерживать угнетенных по всему миру. Эта идея была связана с лозунгом «ни Восток, ни Запад», означающим отказ от поддержки какой-либо стороны между двумя лагерями холодной войны[456].

Однако вскоре после революции два значительных события повлияли на внешнюю политику режима и заставили его отказаться от идеалистического подхода, проповедуемого лозунгами Хомейни – война с Ираком в 1980-1988 гг. и кризис с захватом американского посольства в Тегеране. При политической и финансовой поддержке монархий Персидского залива, которые боялись идеи Хомейни об экспорте исламской революции, Ирак при правлении С. Хусейна объявил войну Ирану в 1980 г. В это время исламский режим опасался государственного переворота со стороны армии, и многие офицеры были арестованы[457]. В этих условиях Ирак добился некоторых успехов в начале войны. Однако революционный Иран вскоре мобилизовал народ и остановил иракскую армию. Патовая ситуация войны продолжалась 8 лет и привела к гибели около миллиона человек. Кроме того, экономика обеих стран была разрушена, миллионы людей были вынуждены мигрировать, а инфраструктура разрушилась.

---

[455] Keddie N.R. Modern Iran – Roots and Results of Revolution. – New Haven&London: Routledge, 2006.
[456] Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. – М.: Аспект Пресс, 2018. с. 67.
[457] Karsh E. The Iran-Iraq War 1980-1988. – Oxford: Osprey Publishing, 2002. p. 29.

Еще одним важным моментом стал кризис, связанный с захватом посольства США, который продолжался 444 дня и привел к полному краху отношений Ирана с Западом[458]. Когда бывший шах М.Р. Пехлеви улетел в США, некоторые последователи курса имама Хомейни захватили американское посольство в Тегеране и потребовали от американцев отправить шаха в Иран. Националистический и светский премьер-министр М. Базарган, который сотрудничал с Р.М. Хомейни, ушел в отставку из-за кризиса и был заменен левым революционером М.-Х. Мусави, что способствовало укреплению исламского режима. США ввели сильные экономические санкции, чтобы усилить давление на Тегеран. Заложнический кризис был разрешен после прихода к власти в США Р. Рейгана в 1981 г., однако отношения так и не восстановились, и недоверие между США и Ираном сохраняется до сих пор.

Ирано-иракская война и заложнический кризис заставили исламский режим строить свою внешнюю политику в соответствии с реальностью, а не с революционной утопией[459]. Ярким примером этого является то, что Р.М. Хомейни принял личное решение различать «сатаны» между собой и отдал приоритет вражде к американцам и Израилю больше, чем к Советскому Союзу[460]. Это решение можно интерпретировать как ранний признак прагматизма ИРИ.

После окончания войны с Ираком режим отдал приоритет внутренней политике и притормозил идеи об экспорте революции. Когда умер Р.М. Хомейни, Верховным лидером стал президент Али Хаменеи. Президентом стал прагматичный политик Али Акбар Хашеми Рафсанджани. Его политика была направлена на то, чтобы вывести Иран из революционной эйфории в рационализм для восстановления экономики через международное сотрудничество[461]. Х. Рафсанджани не хотел, чтобы идеология была препятствием на пути развития страны, и объяснил свой подход словами: «Мы не можем строить плотины

[458] Milani M. Hostage Crisis. in Encyclopaedie Iranica XII/5, 2012.pp. 522- 535..
[459] Bayar T. Multiple Dualities: Seeking the Patterns in Iran’s Foreign Policy // All Azimuth, 2019. Vol. 8. No. 1, p 38.
[460] Дружиловский С.Б. Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции // Вестник МГИМО, 2010. № , с. 4.
[461] Razoux P. The Iran-Iraq War. – Cambridge:Harvard University Press, 2015.

лозунгами»[462]. Во время президентства Х. Рафсанджани распался СССР, и Иран быстро установил дипломатические отношения с новыми постсоветскими республиками.

Иран был одной из моделей, которой могли следовать вновь созданные региональные республики после распада Союза, Кремль также рассматривал Иран как противовес влиянию США и Турции в Центральной Азии и на Кавказе[463]. Однако светский характер новых региональных республик вызвал подозрения в отношении внешнеполитических намерений исламского режима. Кроме того, страны Центральной Азии и Южного Кавказа не хотели, чтобы на них негативно повлияла конфронтация Ирана с США. Тем не менее, Иран пытался укрепить свои отношения с странами региона. Вместе с Пакистаном и Турцией Иран поддержал расширение Организации экономического сотрудничества в результате присоединения к ней республик Центральной Азии[464]. Кроме того, Тегеран сыграл ключевую роль в урегулировании гражданской войны в Таджикистане.

На Южном Кавказе националистический дискурс в Азербайджане вызывал беспокойство Тегерана из-за значительного азербайджанского меньшинства Ирана. Когда началась война между Азербайджаном и Арменией в 1991 г., Тегеран действовал прагматично и занимал сбалансированную позицию между враждующими сторонами. Это был один из примеров трансформации революционных идей в сторону прагматизма во внешней политике, поскольку первые диктовали бы режиму прямую поддержку азербайджанской стороны, как шиитского государства против христианской Армении.

В области экономических отношений Иран пытался начать региональное партнерство в энергетическом секторе. Наиболее значимым проектом было подключение природного газа Туркменистана к Турции через Иран. Однако эта инициатива столкнулась с американской оппозицией, и туркменская

---

[462] Ramazani K. R. Reflections on Iran’s Foreign Policy: Spiritual Pragmatism // Iranian Review of Foreign Affairs, 2010. Vol. 1 No.1, p 59.

[463] Иран и участие центральноазиатских государств в ЭКО / Институт Ближнего Востока. 07.05.2008. – Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=7129. (дата обращения: 05.09.2022)

[464] Flanagan S. The Turkey-Russia-Iran Nexus: Eurasian Power Dynamics // Washington Quarterly, 2013. P. 165.

администрация отказалась от этого проекта[465]. Тем не менее, в 1996 г. Иран подписал с Анкарой долгосрочный договор о продаже природного газа и одновременно начал покупать туркменский газ, таким образом, косвенно подключив ресурсы Центральной Азии к мировым рынкам, как и предполагалось. Тегеран также стремился к партнерству с Баку, предложив Национальной нефтяной компании Ирана (NIOC) 25-процентную долю в международном консорциуме по запасам азербайджанской нефти в 1995 г., однако Азербайджан был вынужден отозвать сделку из-за американского давления[466]. Негативная реакция Ирана на это решение подтолкнула Азербайджан предложить NIOC партнерство в другом проекте, не предполагающем американских инвестиций, Баку-Тбилиси-Джейхан, с 10-процентной долей[467]. По-прежнему иранское партнерство в этом проекте продолжается[468].

После Рафсанджани, реформатор Мохаммад Хатами был избран президентом Ирана в 1997 г. Чтобы открыть Иран миру, он предложил проект «Диалога цивилизаций». Название проекта было возражением против популярной концепции американского политолога С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Международное сообщество высоко оценило идеи М. Хатами[469]. Его администрация добилась установления некоторого сближения с рядом западных стран. Кроме того, многие символические события, такие как визит американской сборной по борьбе в Иран или отмена фетвы против Салмана Рушди, позволили представить страну как более дружественного игрока в международной политике[470].

Однако позитивные изменения в дипломатии продолжались недолго. Во-первых, революционный истеблишмент в Иране счел политику М. Хатами в отношении «Великого Сатаны» излишне мягкой[471]. Во-вторых, после

---

[465] Atai F., Azizi H. The Energy Factor in Iran-Turkmenistan Relations // Iranian Studies, 2021.Vol 45 No 6.
[466] Souleimanov E., Ditrych O. Iran and Azerbaijan: A Contested Neighborhood // Middle East Policy, 14: 101-116. P. 104.
[467] Там же, p. 106.
[468] Atai F., Azizi H. The Energy Factor in Iran-Turkmenistan Relations // Iranian Studies, 2021. Vol 45. No 6.
[469] [چرا استقبال جهانی از نظریه گفتگوی تمدن ها ادامه نیافت؟] (Почему не продолжилось глобальное признание теории диалога цивилизаций?) [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://www.bbc.com/persian/interactivity/guest/story/2004/09/040927_shr_dialogue (дата обращения: 28.01.2022).
[470] Osiewicz P. Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran. – Routledge, 2021. – p. 68.
[471] Bayar T. Multiple Dualities: Seeking the Patterns in Iran's Foreign Policy // All Azimuth, 2019. Vol. 8. No. 1, p 43.

террористических актов 11 сентября 2001 г. и объявления президентом Дж. Бушем-младшим «оси зла», к которой был отнесен и Иран, внешняя политика США стала более жесткой[472]. Республиканская администрация США причислила Иран к «государствам-изгоям» наряду с Северной Кореей и Ираком[473]. В-третьих, оппозиционная организация «Моджахедин-э Халк» опубликовала документы о ядерном проекте Тегерана в Натанзе[474]. Хотя президент Хатами пригласил инспекторов МАГАТЭ на объекты, чтобы смягчить ситуацию, их отчеты, подтверждающие иранские аргументы, не стали убедительными для США и стран ЕС[475].

Присутствие США в Центральной Азии во время операции в Афганистане также беспокоило Тегеран, поскольку создавало риск появления еще одного фронта в потенциальной американской атаке на Иран. Поэтому Иран возражал против использования американской армией баз Карши-Ханабад и Манас в Центральной Азии. Тем не менее, власть талибов в Афганистане беспокоила Иран, и между Тегераном и Вашингтоном даже существовала некоторая координация действий против этой организации.

После реформатора М. Хатами в 2005 г. началось президентство консерватора и популиста Махмуда Ахмадинежада. Его администрация придерживалась конфронтационной дипломатии с Западом, которая выражалась в антиамериканизме и антисионизме. Его дипломатия включала продвижение ядерного проекта, жесткую конфронтацию с Западом, и попытки улучшить отношения с незападными игроками[476].

Дипломатия М. Ахмединежада также включала «поворот на Восток», чтобы выйти из международной изоляции и давления. Это включало Центральную Азию как регион для установления связей с Китаем. В этом контексте Шанхайская

---

[472] Baghat G., Ehteshami A. Defending Iran: From Revolutionary Guards to Ballistic Missiles. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 288. P. 32.
[473] Fathollah-Nejad A. Iran in an Emerging New World Order. – Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. p. 5.
[474] Haji-Yousefi A.M. Iran's Foreign Policy during Ahmedinejad: From Confrontation to Accomodation // Alternatives: Turkish Journal of International Relations, 2010. Vol. 9. No. 2, p 7.
[475] Ramazani K.R. Reflections on Iran's Foreign Policy: Spiritual Pragmatism // Iranian Review of Foreign Affairs, 2010. Vol. 1 No.1, p 63.
[476] Noori V. Status-Seeking and Iranian Foreign Policy: The Speeches of the President at the United Nations. // Iranian Review of Foreign Affairs, 2012. Vol. 3. No. 1, p 128.

организация сотрудничества рассматривалась как возможность для усиления позиций Ирана в регионе. Однако статус наблюдателя для Ирана не превратился в полноправное членство. Тегеран также создал «Организацию персоязычных стран» совместно с Афганистаном и Таджикистаном. Как культурный форум, проект был нацелен на усиление влияния Ирана через общий язык[477].

На Южном Кавказе главной проблемой была напряженность в отношениях с Азербайджаном[478]. Хотя президент Азербайджана И. Алиев не придерживался ирредентистской политики в отношении Ирана, страны пережили серьезные кризисы. Для Баку главной угрозой было стремление Тегерана повлиять на шиитские религиозные группы в Азербайджане[479]. Напряженность возникла, когда азербайджанский народ протестовал против политики ИРИ перед посольством в Баку, в результате чего Иран отозвал своего посла в Тегеран в 2012 г.

После Ахмадинежада Хасан Рухани проявил себя как умеренный политик с обещаниями смягчить международное давление на Иран через достижение соглашения на ядерных переговорах. Он уже был известен как прагматичный и умеренный политик благодаря своим предыдущим обязанностям, включая должность переговорщика на переговорах по ядерному спору с мировыми игроками[480]. Администрация Х. Рухани хотела переориентировать иранскую дипломатию на менее жесткую конфронтационную позицию[481]. В 2015 г. Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) был принят всеми сторонами и получил одобрение международного сообщества. В процессе переговоров президенты США и Ирана впервые после революции 1979 г. провели телефонный разговор.

---

[477] [سازمان فرهنگی، هنری کشورهای فارسی‌زبان تشکیل شد] (Постоянное членство Ирана в Шанхае; Необходимость ускорить процесс утверждения) (Образовалась культурно-художественная организация персоязычных стран.) [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://www.mehrnews.com/news/2049409/سازمان-فرهنگی-هنری-کشورهای-فارسی-زبان-تشکیل-شد (дата обращения: 16.04.2022).

[478] Агазаде М.М. Азербайджано-иранские отношения: Предпосылки, основные направления и особенности / М.М. Агазаде. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 160 с. С.52

[479] Ismayilov M. Islamic Radicalism that never was: Islamic discourse as an extension of the elite's quest for legitimation. Azerbaijan in focus // Journal of Eurasian Studies, 2019. Vol. 10(2) 183–196.

[480] Przeczek S. Iran's Foreign Policy under President Rouhani: Pledges versus Reality // Ortadogu Analiz, 2013. Vol. 5. No 57, p 69.

[481] Osiewicz P. Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran. –Routledge, 2021. p. 52.

На фоне ядерных переговоров, надежд на западные инвестиции и неспокойной ситуации на Ближнем Востоке Центральная Азия и Южный Кавказ имели для Ирана второстепенное значение. В то же время Тегеран пошел на компромисс при подписании Конвенции о статусе Каспийского моря, согласившись на 13% долю вместо заявленных ранее 20%[482], также администрация пыталась улучшить отношения с Баку без ущерба для хороших отношений с Ереваном. Для достижения этой цели между президентом и министром иностранных дел Джавадом Зарифом были распределены полномочия. Рухани был заметен в отношениях с Азербайджаном, а Зариф был более заметен в отношениях с Арменией[483].

Надежды после ядерной сделки 2015 г. исчезли, когда администрация США Дональда Трампа восстановила санкции против Ирана в 2018 г. и начала проводить политику «максимального давления» на Иран[484]. В этих условиях реформаторы в иранской политике стали терять свои позиции. Ибрахим Раиси участвовал в президентских выборах 2021 г. как единственный значимый кандидат. В отличие от внешней политики Х. Рухани, внешняя политика И. Раиси не ориентирована на взаимодействие с западными державами для выхода из изоляции[485]. В этом контексте администрация быстро подала важные признаки того, что она собирается больше сосредоточиться на развитии отношений с незападными игроками чтобы создать лучшую позицию для Ирана.

Современный подход направлен на укрепление сотрудничества в Евразии. Это включает в себя стремление Тегерана к полноправному членству в Шанхайской организации сотрудничества. Вскоре после того, как И. Раиси стал президентом, он совершил визит в Таджикистан с дипломатической целью урегулировать проблемы с этой персоязычной страной и убедить ее поддержать

---

[482] Как поделить море. Рассказываем про документ, призванный положить конец спорам на Каспии [Электронный ресурс] // ТАСС. 01.10.2019. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/6949435. (дата обращения: 28.01.2022).

[483] Akbarzadeh S., Conduit D. Iran in the World: President Rouhani's Foreign Policy. – New York: Palgrave Macmillan, 2016. p. 66.

[484] Шумилин А. И. США-ИРАН: между "максимальным давлением" и "героической гибкостью" / А. И. Шумилин // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64. – № 7. – С. 69-79.

[485] Dareini A.A. Iran's Foreign Policy under Raisi // AlJazeera Center for Studies, 2021. P. 3

членство Ирана в ШОС[486]. Попытка нового президента была успешной, и уже в августе 2021 г. иранские официальные лица объявили, что политические препятствия для вступления Тегерана в ШОС исчезли[487].

Еще одним важным аспектом иранской дипломатии в Евразии является сотрудничество с Евразийским экономическим союзом. Тегеран уже заключил преференциальное торговое соглашение с этой организацией. Это соглашение от 2019 г. обеспечило положительную динамику в двусторонней торговле, однако она была ограниченной. Иран настаивает на заключении более всеобъемлющего торгового соглашения с ЕАЭС, которое включало бы общую зону свободной торговли.

Подводя итог, можно сказать, что в современной иранской дипломатии существует сильное противоречие между реальностями и идеями. Иранский политолог К.Р. Рамазани определяет дипломатию Тегерана как «духовный прагматизм», указывая на одновременное влияние противоречивых элементов религиозной идеологии с реалистическим и прагматическим подходом[488]. По мнению Ф. Атрисангари, на современную внешнюю политику Тегерана влияют четыре способа самоидентификации: 1) националистический взгляд, сосредоточенный на иранской идентичности; 2) религиозный взгляд, сосредоточенный на шиитской идеологии ислама; 3) «тьермондизм», который находит свою основу в лозунге Р.М. Хомейни «Ни Запад, ни Восток»; 4) господство норм и ценностей ислама в международной политике[489].

Для обоснования вышеупомянутого противоречия Министерство иностранных дел Ирана различает долгосрочные и краткосрочные интересы Ирана, и если первые преследуют религиозные принципы, то вторые сосредоточены на

---

[486] Motamedi M. What Iran's membership of Shanghai Cooperation Organization means. // Al Jazeera, 2021.

[487] [عضویت دائم ایران در شانگهای؛ لزوم تسریع در فرآیندهای تصویب] [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://www.irna.ir/news/84626820/عضویت-دائم-ایران-در-شانگهای-لزوم-تسریع-در-فرآیندهای-تصویب. (дата обращения: 19.04.2022).

[488] Ramazani K. R. Reflections on Iran's Foreign Policy: Spiritual Pragmatism // Iranian Review of Foreign Affairs, 2010. Vol. 1 No.1, p 54.

[489] Атрисангари Ф. Внешняя Политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы // Вестник РУДН. Серия: Политология, 2020. Том 22. №1, с. 35.

национальных интересах, обусловленных реальной политикой[490]. П. Осевич утверждает, что политика поддержки Ираном суннитского Хамаса в Палестине или христианской Армении является примером прагматизма режима и приоритета реальной политики[491]. М. Камрава, с другой стороны, утверждает, что революционные идеи и лозунги не играют существенной роли во внешней политике Тегерана, а являются лишь инструментами для деятельности правительства[492].

4.2. Основные концепции во внешней политики Ирана

4.2.1. Революция

Являясь основополагающим элементом Исламской Республики Иран, революция остается ключевым фактором в иранской политике даже спустя сорок лет. Иранское общество никогда не было далеко от идеи массовых протестов и революций, а религиозный истеблишмент был движущей силой этих событий. С.Б. Дружиловский упоминает Табатабаи и Бехбехани в конституционной революции 1905-1911 гг., Кашани в протестах за национализацию нефти в 1953 г., Боруджерди в событиях 1963 г. и Хомейни в революции 1979 г. как примеры значительной роли религиозного истеблишмента в массовых мобилизациях в истории Ирана[493]. Кроме того, к этому можно добавить роль аятоллы Ширази в табачных бунтах 1890 г.[494]

Исламские революционные идеи выразились в структуре правительства и законах, регулирующих его деятельность. Конституция начинается с краткого описания революции и упоминания о важности продвижения революционных идеалов. По мнению Р.М. Хомейни иранская революция была лишь начальным

---

[490] Przeczek S. Iran’s Foreign Policy under President Rouhani: Pledges versus Reality // Ortadogu Analiz. 2013.–Vol. 5. No 57. p 65.

[491] Osiewicz P. Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran. – Routledge, 2021. p. 44.

[492] Kamrava M. Iranian Foreign and Security Policies in the Persian Gulf. / International Politics of the Persian Gulf ed by M. Kamrava – Syracuse: Syracuse University Press, 2011. p. 184.

[493] Дружиловский С.Б. Социальные протестные выступления в Исламской Республике Иран // Вестник МГИМО, 2015. с. 217.

[494] Раванди-Фадаи Л. М. Роль религиозного наставничества в современной истории Ирана и региона / Л. М. Раванди-Фадаи // Труды Института востоковедения РАН. – 2017. – № 5. – С. 437-445. С. 443.

этапом более масштабной борьбы против «сил неравенства и угнетения» во всем мире, и в соответствии с этой идеей религия не признавала границ[495].

В связи с поиском социального и политического равенства, Р.М. Хомейни утверждает, что главное разделение между людьми мира происходит между жестокими угнетателями и жертвами их власти[496]. Эта идея нашла свое выражение в конституции, предписывающей, что иранское правительство должно быть на стороне угнетенных в любом случае, чтобы поддержать их. Идея «быть защитником» угнетенных является одной из основных опор режима для того, чтобы: 1) направить революционный потенциал вовне, на «иностранное зло»; 2) оправдать международную политику правительства.

Во время революции демонстранты на улицах выступали с лозунгом «Смерть Америке, смерть СССР и смерть Израилю», и эти лозунги в большей или меньшей степени повлияли на внешнюю политику Исламской республики[497]. Затем Р.М. Хомейни называл СССР «меньшим сатаной» по сравнению с «большим сатаной» - США[498].

Другим ключевым понятием революции является «жертвы вестернизации» (*гарбзадеги*), которое определяет людей, потерявших свою идентичность и ставших простыми инструментами западных держав[499]. Самоидентификация вновь созданного исламского режима позиционировала себя против «опьяненных западными ценностями людей» во внутренней политике[500]. Эта концепция до сих пор используется режимом против людей, которые хотят изменить политическую систему в стране. Известный иранский социолог Х. Баширийе утверждает, что два конкурирующих подхода реформизма и консерватизма в Иране являются основной

---

[495] Takeyh R. Guardians of the Revolution - Iran and the World in the Age of the Ayatollahs. / R. Takeyh // New York: Oxford University Press. –2009. –p. 26.

[496] Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. – М.: Аспект Пресс, 2018. с. 11.

[497] Дружиловский С.Б. Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции / С.Б. Дружиловский // Вестник МГИМО. 2010. №10., с. 3.

[498] Osiewicz P. Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran. – Routledge, 2021. p. 48.

[499] Bayar T. Multiple Dualities: Seeking the Patterns in Iran’s Foreign Policy / T. Bayar // All Azimuth. 2019. Vol. 8. No. 1. P. 45.

[500] Кожанов Н. Иран: в поисках своего места в международных отношениях. В Ближний Восток: Политика и идентичность. Коллективная монография / Под ред. И.Д. Звягельской / ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020, с. 236.

причиной неоднократно возникавших массовых движений в Тегеране[501]. А. Богачева подчеркивает негативные последствия политики идентичности и утверждает, что конкурирующие идентичности вызывают отсутствие солидарности среди иранцев и данная сложность вряд ли будет решена в будущем[502].

4.2.2. Исламская Республика

Новая государственная структура после 1979 г. сформировалась в рамках идей революции 1979 г., религиозных взглядов шиитской ветви ислама и институтов, построенных вокруг нее[503]. Р.М. Хомейни взял шиитскую традицию «Марджа-ат Таклид» (образец для подражания) и преобразовал ее в «Велайат-э Факих». В шиитском исламе верующие должны иметь «человека для подражания», религиозного деятеля, чтобы следовать его наставлениям в духовных вопросах. Однако эти марджи не имели иерархии между собой и действовали независимо друг от друга в разных местах. Кроме того, этот статус указывал на религиозный авторитет, а не политическую позицию.

После революции Р.М. Хомейни реализовал свою давнюю идею о создании должности «валайат-э факих» для контроля над политикой страны в соответствии с религиозными правилами. Он стал первым верховным лидером страны после создания этой должности и носил этот титул до своей смерти в 1989 г. С 1979 г. Иран управляется в рамках, установленных Хомейни правил. Валайат-э Факих является центральным элементом исламского режима, а остальные институты формируются вокруг него[504]. Помимо Верховного лидера, существуют механизмы: 1) предварительного допуска кандидатов на выборах для проверки их религиозной благонадежности; 2) наблюдательный совет в меджлисе, половина которого состоит из религиозных экспертов, проверяющих соответствие законов исламу; 3)

---

[501] Bashiriyeh H. Cleavages in Iranian Politics since 1979. / H. Bashiriyeh // Politics and Culture in Contemporary Iran: Challenging the Status Quo; ed. by A. Milani. Lynne Rienner Publishers. 2015. p. 50.

[502] Богачева, А. Исламская Республика Иран: итог долгого пути. Ближний Восток: Политика и идентичность. Коллективная монография / Под ред. И.Д. Звягельской / ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020, с.94-111.

[503] Bayar T. Multiple Dualities: Seeking the Patterns in Iran’s Foreign Policy / T. Bayar // All Azimuth. 2019. Vol. 8. No. 1. p 38.

[504] Osiewicz P. Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran. – Routledge, 2021. p. 47.

полиция нравов, проверяющая ежедневное выполнение религиозных правил; 4) организация по делам культуры и исламским вопросам при Министерстве культуры Ирана, проверяющий фильмы, книги и публикации на соответствие религиозным правилам.

4.2.3. Сопротивление

Иранская политическая традиция исключительно подчеркивает свое неприятие диктата иностранных держав. Это обусловлено длительным правлением чужеземных династий на протяжении истории и иностранным вмешательством в современную эпоху[505]. Идея сопротивления иностранным державам четко выражена в конституции статьями, запрещающими правительству разрешать другим странам создавать военные базы на иранской земле, иметь контроль над национальными ресурсами или контролировать иранскую экономику[506].

Идея сопротивления иностранным захватчикам также используется Исламской Республикой в качестве политического инструмента. Например, когда международное давление поставило страну в сложную ситуацию, Р.М. Хомейни оправдывал выбранный им путь, заявляя: «Мы должны быть исключены, чтобы стать действительно независимыми»[507]. Благодаря такому подходу «сопротивление» стало ассоциироваться с конфронтационной внешней политикой Ирана. В этом контексте, даже спустя сорок лет антиамериканизм является смыслом существования Режима[508]. Известный иранский социолог Х. Дабаши объясняет шиитскую веру как культуру протеста[509]. Идея о сопротивлении направила этот импульс вовне.

Сегодня одним из наиболее часто используемых внешнеполитических понятий в тегеранском нарративе является «Ось сопротивления». Этот термин

---

[505] Дружиловский С.Б. Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции / С.Б. Дружиловский // Вестник МГИМО. –2010. С. 2.

[506] Constitution of the Islamic Republic of Iran. / World Bank. Режим доступа: https://publicofficialsfinancialdisclosure.worldbank.org/sites/fdl/files/assets/law-library-files/Iran_Constitution_en.pdf (дата обращения: 05.09.2022)

[507] Ramazani K. R. Reflections on Iran’s Foreign Policy: Spiritual Pragmatism / K.R. Ramazani // Iranian Review of Foreign Affairs. 2010. Vol. 1 No.1. p. 57.

[508] Sariolghalam M. Prospects for Change in Iranian Foreign Policy // Carnegie. 20.02.2018. – Режим доступа: https://carnegieendowment.org/2018/02/20/prospects-for-change-in-iranian-foreign-policy-pub-75569 (дата обращения: 19.01.2022).

[509] Dabashi H. Iran: The Rebirth of a Nation. / H. Dabashi. – Palgrave Macmillan, 2016. P. 124.

возник как реакция на речь Дж. Буша-младшего об «Оси зла»[510]. Сочетание прагматического подхода Ирана и идеологии Исламской революции обеспечило стратегию «Оси сопротивления» на Ближнем Востоке, которая выражается в поддержке, в том числе военной, Тегераном Сирии, Ирака, Йемена, палестинской ХАМАС и Ливана. В Центральной Азии и на Кавказе, однако, «сопротивление» выражается в основном в антиамериканизме и не трансформируется в силовую политику, как на Ближнем Востоке. Тем не менее, Верховный лидер определял евразийскую политику Ирана как стратегию ухода от «коварства Запада»[511].

4.3. Векторы внешней политики Исламской Республики Иран в Центральной Азии и на Южном Кавказе

Чтобы объяснить значение Центральной Азии и Южного Кавказа для Исламской Республики Иран, бывший посол Ирана в Москве и известный политолог М. Санаи упоминает географическое положение Ирана, связывающее регион с Персидским заливом, огромные природные ресурсы и культурные связи с регионом, обусловленные общей историей[512]. Основными целями Тегерана в Центральной Азии и на Южном Кавказе являются: 1) защита статус-кво, чтобы у геополитических соперников не было другого вектора для давления; 2) не пересекать линии интересов Москвы, чтобы обеспечить выравнивание в глобальной политике; 3) найти экономический и дипломатический выход из международной изоляции, которая душит Иран со времен революции. По мнению иранского политолога М.Дж. Джавади-Арджманда, эта региональная политика является совокупным результатом трех факторов: 1) американское давление; 2) влияние Москвы на Тегеран; 3) неудача в конкуренции с Турцией [513].

---

[510] Bayar T. Multiple Dualities: Seeking the Patterns in Iran's Foreign Policy / T. Bayar // All Azimuth. –2019 Vol. 8. No. 1, p 47.

[511] Mousavi H., Naeni A. Iran and Russia Pivot to the East: Was it US Pressure? // Middle East Policy, 2019. p. 110.

[512] Санаи М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. – М. Иранская библиотека, 2020. С. 80.

[513] Javadi-Arjmand M.J. Iran and Turkey in the South Caucasus: Competition and Cooperation // Journal of Iran and Central Asia Studies, 2018. No. 1, pp. 27.

4.3.1. Организационная структура региональной политики Ирана

4.3.1.1. Официальные институты внешней политики Ирана

Сегодня государственными органами, связанными с внешней политикой Ирана, являются Верховный лидер, президент, парламент (меджлис), министерство иностранных дел, Высший совет национальной безопасности, Высший совет культурной революции, КСИР и некоторые неправительственные организации, такие как исламские фонды (*Бонйады*).

Как уже упоминалось, внешняя политика Исламской Республики формируется и направляется Верховным лидером. Эта монополия власти в руках Верховного лидера и политического истеблишмента вокруг него создает персоналистскую политическую систему в иранской внешней политике[514].

Хотя у президента также есть значительные полномочия, существуют и определенные ограничения: 1) религиозный лидер назначает членов Наблюдательного совета, которые могут помешать возможным кандидатам участвовать в выборах (как это произошло в 2021 г., когда ни один реформатор или умеренный деятель не смог принять участие в президентской гонке); 2) ключевые министерства, такие как министерство обороны напрямую назначаются лидером; 3) силовые организации, такие как КСИР, напрямую подчиняются лидеру.

Корпус стражей исламской революции играет важную роль в иранской дипломатии. По заявлению бывшего министра иностранных дел Дж. Зарифа, корпус более влиятелен, чем Министерство иностранных дел, особенно на Ближнем Востоке[515].

Исламские фонды также являются инструментами внешней политики ИРИ. Созданные на конфискованные богатства семьи шаха, эти фонды контролируют значительную часть экономики Ирана. Они также ведут культурную и социальную

---

[514] Дружиловский С.Б. Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции // Вестник МГИМО, 2010. с. 4.

[515] Iran’s Foreign Minister, in Leaked Tape, Says Revolutionary Guards Set Policies. [Электронный ресурс] // New York Times. 25.04.2021. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2021/04/25/world/middleeast/iran-suleimani-zarif.html (дата обращения: 13.03.2022).

деятельность за рубежом и используются Тегераном как инструменты «мягкой силы», напрямую регулируемые офисом Верховного лидера.

4.3.1.2. Организация экономического сотрудничества

После исламской революции новый режим отказался от Организации центрального договора (*CENTO*), поскольку она основывалась на американизме во внешней политике. Вместо этого три члена организации преобразовали ее в Организацию экономического сотрудничества и оставили за рамками политический и военный аспекты этого института. После распада Советского Союза Организация с энтузиазмом включила в свою структуру новые центрально-азиатские республики и Азербайджан. Деятельность ОЭС включают в себя: 1) торговлю и инвестиции; 2) логистику; 3) телекоммуникацию; 4) энергетическую инфраструктуру; 5) охрану окружающей среды; 6) сельское хозяйство; 7) промышленность; 8) туризм; 9) развитие человеческого капитала; 10) развитие дипломатических отношений[516].

В 1990-х и начале 2000-х г. Тегеран хотел использовать эту организацию в качестве платформы для выражения своей антизападной позиции. Однако другие члены не были заинтересованы в этом и настаивали на том, чтобы не политизировать организацию и сосредоточиться на экономическом сотрудничестве[517]. Хотя эта организация менее активна, чем раньше, страны Центральной Азии координируют свои действия с Ираном через нее, особенно по вопросам логистики и торговых возможностей, таких как получение выгоды от проекта иранского порта Чехбехар.[518].

4.3.1.3. Шанхайская организация сотрудничества

Членство в ШОС уже давно является целью для Тегерана. Подход Шанхайской организации сотрудничества к членству Ирана можно объяснить нежеланием членов организации превращать ее лишь в платформу для

---

[516] Санаи М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. – М. Иранская библиотека, 2020. С. 201.

[517] Месамед В.И. Иран и участие центральноазиатских государств в ЭКО [Электронный ресурс] // ИИМЕС – 07.05.2008. – Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=7129 (дата обращения: 15.05.2022).

[518] Iran, Uzbekistan to make use of Chabahar potential [Электронный ресурс] // Tehran Times. 23.05.2022. – Режим доступа: https://www.tehrantimes.com/news/472918/Iran-Uzbekistan-to-make-use-of-Chabahar-potential (дата обращения: 28.05.2022).

антиамериканизма[519]. К. Белал утверждает, что, особенно Китай не хотел членства Ирана во время его конфронтации с Западом, чтобы сохранить импульс экономического сотрудничества[520].

Иран стал наблюдателем в 2006 г. и стремился к полноправному членству. В 2011 г. организация заявила, что новые члены не должны находиться под санкциями ООН. Это требование было специально введено с учетом ситуации в Тегеране. После заключения СВПД в 2015 г. ИРИ вновь выступила за его принятие, но на этот раз столкнулась с возражениями Таджикистана, вызванными двусторонними проблемами между двумя персоязычными странами[521].

Однако с улучшением ирано-таджикских отношений ситуация изменилась. Лидеры Шанхайской организации сотрудничества собрались в Душанбе в сентябре 2021 г. и решили принять Тегеран в качестве полноправного члена[522]. По данным иранских СМИ, процесс полноправного членства планируется завершить в 2023 г.[523] Причина того, что процесс затянулся, заключается в технических нюансах: иранский парламент должен ратифицировать предыдущие документы, согласованные Шанхайской организацией сотрудничества[524].

4.3.2. Основные направления иранской политики в регионе

4.3.2.1. Безопасность

После проведения конфронтационной внешней политики на Ближнем Востоке, приоритетом Ирана в Центральной Азии и на Южном Кавказе является предотвращение другого вектора безопасности, который поставил бы Иран между двух огней. Это включает в себя: 1) предотвращение вмешательства нерегиональных игроков в Каспийское море; 2) противодействие военному участию США в странах Центральной Азии; 3) противодействие тесным военным

---

[519] Mousavi H., Naeni A. Iran and Russia Pivot to the East: Was it US Pressure? // Middle East Policy, 2019. p. 109.
[520] Belal K. China-Iran Relations: Prospects and Complexities // Policy Perspectives, 2020. Vol. 17. No. 2, p 57.
[521] Monshipouri M., Heiran-Nia J. China's Iran Strategy: What is at stake? // Middle East Policy, 2020. No 4, p. 165.
[522] Иран стал полноправным членом ШОС [Электронный ресурс] // Интерфакс. 17.09.2021. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/world/791914. (дата обращения: 04.01.2022).
[523] [امکان عضویت کامل ایران در سازمان شانگهای در سال] (Возможность полноправного членства Ирана в Шанхайской организации в 2023 г.)۲۰۲۳ [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://www.irna.ir/news/84755337/-امکان-عضویت-کامل-ایران-در-سازمان-شانگهای-در-سال-۲%DB%B0۲۳. (дата обращения: 18.04.2022).
[524] [عضویت دائم ایران در شانگهای؛ لزوم تسریع در فرآیندهای تصویب] [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://www.irna.ir/news/84626820/عضویت-دائم-ایران-در-شانگهای-لزوم-تسریع-در-فرآیندهای-تصویب. (дата обращения: 19.04.2022).

отношениям Азербайджана с Израилем и США; 4) партнерство против терроризма и радикализма.

Утверждаются, что иранская дипломатия в Центральной Азии и на Кавказе сначала была нацелена на экспорт исламской революции, а после неудачи в этом направлении стала более прагматичной[525]. Однако, когда в 1991 г. в регионе появились новые независимые республики, внешняя политика Ирана уже оставила идею экспорта революции и находилась под президентством Рафсанджани, сосредоточился на экономическом сотрудничестве и развитии с этим странами. Иранская политическая модель так и не стала очаровательной для республик Центральной Азии и Кавказа, поэтому «экспорт режима» изначально не был реалистичной целью для этого региона[526].

Восприятие Тегераном угрозы со стороны своих соперников - США, Израиля и стран Персидского залива - фокусирует его безопасность на южном и западном фронтах. Следовательно, новый вектор, будь то с севера через влияние Израиля в Азербайджане или с востока через американские военные базы в Центральной Азии, вызывали огромную озабоченность Исламской Республики. В этом контексте решение о закрытии базы Харши-Ханабад в Узбекистане и базы Манас в Кыргызстане было встречено Тегераном с одобрением.

Озабоченность Тегерана радикализмом, Талибаном и присутствием США в регионе разделяла Москва. Более того, антиамериканизм сближает их в других геополитических вопросах, особенно в Сирии. Эти факторы делают Россию партнером, которого Иран не может потерять, и именно по этой причине региональная политика Исламской Республики осторожна, чтобы не провоцировать Москву, особенно в вопросах безопасности. Схожие взгляды Ирана и России на их споры с Западом подталкивают Тегеран оставаться в «тени Москвы» в Евразии[527]. Военное сотрудничество Москвы с Тегераном с 1991 г. было

---

[525] Osiewicz P. Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran. – New York:Routledge, 2021. p. 117.

[526] Гарбузарова Е.Г. Инструменты «мягкой силы» Ирана в Кыргызстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т.22. № 1. С. 26.

[527] Атрисангари Ф. Внешняя Политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы //Вестник РУДН. Серия: Политология, 2020. Том 22. №1, с. 38.

жизненно важным для иранской армии, поскольку оно включает в себя системы ПВО, танки, ракетную технику, самолеты и многие другие виды военного назначения[528].

Таджикистан – единственная постсоветская республика, которая имеет значительное сотрудничество в сфере безопасности с ИРИ[529]. Сотрудничество включает в себя общие военные учения, обучение таджикских офицеров в иранских учебных заведениях и помощь в оснащении. Когда ирано-таджикские отношения ухудшились, это партнерство также сократилось. Однако во время президентства И. Раиси две персоязычные страны вновь продвинули свои отношения. В 2022 г. две страны подписали соглашение о совместном производстве иранских беспилотников в Таджикистане[530].

На кавказской шахматной доске Иран пытается сбалансировать альянс Азербайджана и Турции с поддержкой Армении, чтобы не оказаться заблокированным двумя тюркскими государствами. Поддержка Тегераном Еревана в 1992 г. вывела Армению из экономической блокады и укрепила ее позиции[531]. Приоритетом Тегерана была защита статус-кво, установившегося после первой Карабахской войны. Однако война 2020 г. негативно изменила ситуацию для Ирана из-за усиления влияния Турции и Азербайджана на Южном Кавказе[532]. Иран довольно резко высказался против операции Азербайджана, влияния Израиля в азербайджанской армии и националистического дискурса в Баку. Тегеран считает неприемлемыми тесные отношения Баку с США, НАТО и Израилем. Военное партнерство Баку с Израилем, особенно противокорабельные ракеты, которые поставят Иран в трудное положение, вызывают большую озабоченность Тегерана[533].

---

[528] Rezaei F. Iran’s Foreign Policy After the Nuclear Agreement. – Cham: Palgrave Macmillan, 2019. p. 55.

[529] Месамед В.И. Особенности ирано-таджикистанского сотрудничества [Электронный ресурс] // ИИМЕС – 10.11.2010– Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=11658 (дата обращения: 28.04.2022).

[530] Иран запустил производство беспилотнков в Таджикистане [Электронный ресурс] // Газета.ру. 19.05.2022. – Режим доступа: https://m.gazeta.ru/army/news/2022/05/19/17769650.shtml (дата обращения: 28.05.2022).

[531] Атрисангари Ф. Внешняя Политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы //Вестник РУДН. Серия: Политология, 2020. Том 22. №1, с. 37.

[532] Коновалов И. Кавказская шахматная доска. – М.: Издатель Воробьев, 2021. с.217.

[533] Javadi-Arjmand M.J. Iran and Turkey in the South Caucasus: Competition and Cooperation // Journal of Iran and Central Asia Studies, 2018. No. 1, pp. 17.

Опасения Ирана по поводу уравновешивания Азербайджана вызвали противоречивую позицию по отношению к его исламской внешней политике, которая диктовала бы поддержку шиитской стороны в войне. Отношения с Арменией были настолько прочными, что после инцидента со сбитым иранским военным самолетом в 1994 г., армянская делегация заключила еще одну торговую сделку во время своего визита в Тегеран для официальных извинений[534]. Однако реакция азербайджанской общины Ирана на открытую поддержку армянской стороны вызывала опасение. Это подтолкнуло Тегеран к официальному заявлению о «равноудаленности» от конфликтующих сторон[535]. Кроме того, азербайджанские эксперты утверждают, что Иран не хочет, чтобы Баку укрепился настолько, чтобы выступать в качестве региональной державы на Кавказе, которая могла бы угрожать Тегерану[536]. Сближение Ирана с Арменией, чтобы уравновесить Азербайджан, вызвало негативную реакцию Баку[537]. Тем не менее, значение Ирана настолько велико для Еревана, что в Стратегии национальной безопасности Армении 2007 г. международные санкции против Тегерана упоминаются как угроза армянским интересам[538].

Баку, с своей стороны, пытается укрепить свои позиции при поддержке Анкары. Когда в 2001 г. азербайджано-иранские отношения были напряженными и обе стороны резко критиковали друг друга, Турция направила истребители на авиашоу, чтобы продемонстрировать солидарность с Азербайджаном[539]. Вызовы вновь возникли в 2021 г., когда министр иностранных дел Ирана Дж. Зариф резко осудил президента Турции Р.Т. Эрдогана за чтение стихотворения, в котором упоминается, что Азербайджан разделен рекой Аракс, из-за предполагаемого подтекста к земле азербайджанского населения Ирана. Когда президент

---

[534] Akbarzadeh S., Conduit D. Iran in the World: President Rouhani's Foreign Policy. – New York: Palgrave Macmillan, 2016. p. 62.

[535] Офлаз Б. Геополитические стратегии региональных держав на южном Кавказе // Политология, 2013. С.149.

[536] Халифа-Заде М. Иран и Борьба за влияние на южном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ, 2011.

[537] Егиков А.А. Внешняя Политика Исламской Республики Иран в урегулировании Нагорно-Карабахского Конфликта // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки, 2020. №4-2, с. 30.

[538] Андреева Е.С. Интересы Ирана на Южном Кавказе сквозь призму отношений Тегерана с Арменией // Проблемы национальной стратегии, 2019. №1(52), с 110.

[539] Javadi-Arjmand M.J. Iran and Turkey in the South Caucasus: Competition and Cooperation // Journal of Iran and Central Asia Studies, 2018. No. 1, pp. 18.

Азербайджана И. Алиев посещал места, граничащие с Ираном, были опубликованы его фотографии через объективы снайперов Корпуса стражей революции, которые вызвали негативную реакцию турецких и азербайджанских СМИ[540]. Иранская армия и КСИР мобилизовали силы и провели учения вблизи границы с Азербайджаном после возникшей напряженности[541].

Иран неоднократно заявлял о готовности вмешаться, если увидит угрозу своим северным границам с Арменией. Тегеран подчеркнул, что будет выступать против любого плана, предусматривающего обмен территориями, который приведет к блокаде для него[542]. В связи с этим ИРИ продемонстрировала военную активность вблизи северных регионов во время напряженности в начале 2021 г.[543] Азербайджан в ответ подписал декларацию о союзе с Турцией в Шуше. Во время напряженности турецкие военные также разместили истребители на авиабазе вблизи Баку в качестве сдерживающего фактора против Тегерана.

Что касается отношений с Тбилиси, Иран отказался признать Южную Осетию и Абхазию, несмотря на тесные отношения с Россией, и заявил о своей поддержке территориальной целостности Грузии. Однако отношения Тбилиси и Тегерана носят сложный характер. Например, в 2013 г. Грузия в одностороннем порядке отменила безвизовый режим с Ираном. Даже после подписания СВПД и восстановления безвизового режима экономические отношения не достигли прежнего уровня[544]. Тем не менее, Иран рассматривает эту страну как ворота в Черноморский регион и старается поддерживать с ней хорошие отношения. В отличие от отношений с Азербайджаном или Арменией, отношения Ирана с Грузией не являются значительными[545]. Основной причиной этого является

---

[540] Iranian sniper posts provocative photo taking aim at Azerbaijani President Aliyev / Daily Sabah. 19.11.2020. – Режим доступа: https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/iranian-sniper-posts-provocative-photo-taking-aim-at-azerbaijani-president-aliyev (дата обращения: 05.09.2022)

[541] Motamedi M. Iran Looking for “big jump” in Russia relations with Moscow talks, 2021.

[542] Javadi-Arjmand M.J. Iran and Turkey in the South Caucasus: Competition and Cooperation // Journal of Iran and Central Asia Studies, 2018. No. 1, pp. 18.

[543] Iran army holds drill near Azerbaijan border amid tensions / Al Jazeera. 2021.10.01. – Режим доступа: https://www.aljazeera.com/news/2021/10/1/iran-army-holds-drill-near-azerbaijan-border-amid-tensions (дата обращения: 05.09.2022)

[544] Атрисангари Ф. Внешняя Политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы // Вестник РУДН. Серия: Политология, 2020. Том 22. №1, с. 40.

[545] Офлаз Б. Геополитические стратегии региональных держав на южном Кавказе // Политология, 2013. С.148.

несовместимость прозападной ориентации Тбилиси с конфронтационной позицией Тегерана.

4.3.2.2. Экономика

Появление новых стран в регионе в 1991 г. создало новые возможности для Ирана. Но ограничения, вызванные санкциями и дипломатическим давлением США на страны региона, подорвали региональное экономическое сотрудничество Тегерана[546]. Так называемые «вторичные санкции» США оказывают давление не только на Тегеран, но и на всех партнеров, ведущих с ним бизнес[547]. Поэтому подписание СВПД создало большие надежды на возобновление международного экономического партнерства для ИРИ в 2015 г. Президент Рухани говорил о потенциале Ирана как страны, которая через пару десятилетий войдет в десятку крупнейших экономик мира[548].

Долгое время Иран отстаивал позицию, что все прибрежные государства Каспийского моря должны иметь равные доли в 20% на природные ресурсы[549]. Вопрос о статусе Каспийского моря был еще одним препятствием для экономической деятельности Ирана в регионе. При заключении Конвенции о статусе Каспийского моря в 2018 г. Иран не смог убедить других участников провести границы на своих условиях. Тем не менее, соглашение запретило деятельность любого не прибрежного государства в Каспийском море и устранило препятствия для регионального сотрудничества по использованию каспийских ресурсов.

Конвенция не устраняет автоматически разногласия между прибрежными странами и требует от них двустороннего согласования линий делимитации[550]. Когда Азербайджан и Туркменистан заключили такую сделку, возник риск появления Транскаспийского трубопровода, который будет препятствовать

---

[546] Osiewicz P. Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran. – New York:Routledge, 2021. p. 119.

[547] Chaziza M. The Impact of US sanctions on Iran's engagement and integration in the Belt and Road Initiative // Digest of Middle East Studies, 2020. No 29, p 168.

[548] Akbarzadeh S., Conduit D. Iran in the World: President Rouhani's Foreign Policy. – New York: Palgrave Macmillan, 2016. p. 5.

[549] Джаббари Насир Х. Р. Иран и Израиль во Внешней политике России: Ограничения на пути сотрудничества // Сравнительная Политика. 2020. т.11. №. 1. с. 54.

[550] Конвенция о правовом статусе Каспийского моря [Электронный ресурс] // Кремль. 12.08.2018. – Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/5328 (дата обращения: 09.01.2022).

экономическим интересам Ирана[551]. Чтобы преодолеть этот риск, Тегеран может разыграть две карты: во-первых, Иран предложил заключить своп-сделку по передаче туркменского газа Азербайджану. Эта сделка была достигнута в 2021 г. на встрече Организации экономического сотрудничества, а также решила проблему с Ашхабадом по поводу газового долга Ирана в 1.8 млрд долларов США[552]. Второй козырь Тегерана в энергетической конкуренции на Каспии — это аргумент о том, что туркмено-азербайджанский трубопровод угрожает окружающей среде Каспия. Статья 14 Конвенции разрешает подписантам строить трубопроводы на основе двусторонних соглашений, однако четвертый пункт требует согласия всех сторон в случае экологического риска[553]. Тегеран может попытаться использовать этот вариант в качестве инструмента для препятствования туркмено-азербайджанскому энергетическому сотрудничеству.

Иран также рассматривается в качестве моста для государств Центральной Азии и Кавказа для выхода на мировые рынки[554]. В этом контексте Иран уделяет большое внимание проекту Южного коридора, который соединит региональные рынки с Индийским океаном через иранские порты. Администрация Х. Рухани добилась включения Азербайджана в этот проект[555]. Для такого амбициозного проекта крайне важны международные инвестиции, особенно со стороны Китая. Пекин уже предложил проект, который соединит Китай с Ираном через страны Центральной Азии[556]. При китайском партнерстве Исламская Республика планирует построить три маршрута высокоскоростных поездов к восточной границе с Туркменистаном, к границе с Азербайджаном и на юг Ирана для

---

[551] Притчин С. Каспийский переговорный полумарафон завершен / РСМД. 13.08.2018. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kaspiyskiy-peregovornyy-polumarofon-zavershen/ (дата обращения: 05.09.2022)

[552] Syed Zafar Mehdi. Iran, Azerbaijan, Turkmenistan sign gas swap deal / Anadolu Agency. 29.11.2021. – Режим доступа: https://www.aa.com.tr/en/world/iran-azerbaijan-turkmenistan-sign-gas-swap-deal/2433201 (дата обращения: 05.09.2022)

[553] Конвенция о правовом статусе Каспийского моря / Сайт Президента РФ. 12.08.2018. – Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/5328 (дата обращения: 05.09.2022)

[554] Джаббари-Насир Х. Р. Иран и Израиль во Внешней политике России: Ограничения на пути сотрудничества // Сравнительная Политика, 2020. т.11. №. 1. с. 56.

[555] Атрисангари Ф. Внешняя Политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы // Вестник РУДН. Серия: Политология, 2020. Том 22. №1, с. 38.

[556] Monshipouri M., Heiran-Nia J. China’s Iran Strategy: What is at stake? // Middle East Policy, 2020. No 4, p. 158.

соединения с портами на побережье Персидского залива[557]. Кроме того, Иран добивается привлечения Индии, чтобы стать для этой страны воротами на рынки Центральной Азии и Кавказа через проект порта Чехбехар[558].

На Южном Кавказе самые тесные отношения у Ирана сложились с Арменией, так как она играет роль балансирующего игрока против Турции и Азербайджана. ИРИ и Армения подписали соглашение о создании пограничной зоны свободной торговли[559]. Два соседа пытаются усилить свое влияние через инвестиции и инфраструктурные партнерства, включая коридор Север-Юг, нефтепровод и строительство гидроэлектростанции[560]. Ереван рассматривает Тегеран как противовес Анкаре на Южном Кавказе и поэтому отказывается вводить экономические санкции против Ирана[561]. Несмотря на позитивную дипломатию, двусторонние экономические отношения с Арменией по-прежнему занимают незначительное место во внешней торговле Ирана.

В 2019 г. Иран подписал временное соглашение о зоне свободной торговли с Евразийским экономическим союзом, которое включало около 500 товаров и помогало региональной торговле обеих сторон даже в условиях санкций[562]. Для расширения региональной торговли Иран подписал преференциальное торговое соглашение с Евразийским экономическим союзом в 2011 г. Положительные результаты видны даже в условиях ограничений, наложенных санкциями. Поэтому обе стороны стремятся расширить соглашение на большее количество товаров, секторов и создать общую зону свободной торговли. Помимо диалога с ЕАЭС Иран также пытается продвинуть двустороннее экономическое сотрудничество с

---

[557] Chaziza M. The Impact of US sanctions on Iran’s engagement and integration in the Belt and Road Initiative // Digest of Middle East Studies, 2020. No 29, p 171.
[558] Osiewicz P. Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran. – New York: Routledge, 2021. p. 112.
[559] Javadi-Arjmand M.J. Iran and Turkey in the South Caucasus: Competition and Cooperation // Journal of Iran and Central Asia Studies, 2018. No. 1, pp. 26.
[560] Атрисангари Ф. Внешняя Политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы // Вестник РУДН. Серия: Политология, 2020. Том 22. №1, с. 40.
[561] Javadi-Arjmand M.J. Iran and Turkey in the South Caucasus: Competition and Cooperation // Journal of Iran and Central Asia Studies, 2018. No. 1, pp. 19.
[562] Андреева Е.С. Интересы Ирана на Южном Кавказе сквозь призму отношений Тегерана с Арменией // Проблемы национальной стратегии, 2019. №1(52), с 111.

Россией через продление «Договора об основах взаимных отношений и принципах сотрудничества между Ираном и Россией», который был подписан в 2001 г.[563]

Таблица 7. Торговля Ирана с региональными странами в 2018 г. (долл. США)[564]

	Экспорт ИРИ	% от всего экспорта	Импорт	% от всего импорта
Азербайджан	410.530.000	0.42	20.585.000	0.05
Туркменистан	399.804.000	0.41	9.299.000	0.02
Грузия	161.523.000	0.17	68.904.000	0.17
Армения	158.990.000	0.16	22.281.000	0.05
Узбекистан	140.949.000	0.15	49.998.000	0.11
Казахстан	131.402.000	0.14	87.068.000	0.21
Таджикистан	78.314.000	0.08	26.096.000	0.06
Кыргызстан	33.738.000	0.03	11.374.000	0.03

Как видно из таб. 7, торговля ИРИ с региональными странами не является значительной как по объему, так и по доле в международной торговле Ирана. Поскольку самым большим препятствием для региональных экономических отношений Ирана являются санкции, Тегеран пытается преодолеть это препятствие с помощью создания новых денежных инструментов. Ведутся переговоры о создании альтернативного финансового механизма с Россией, который позволил бы региональной торговле работать независимо от западных санкций[565]. Такое развитие событий внесет значительный вклад в экономику Ирана и усилит его влияние в Центральной Азии и на Южном Кавказе.

4.3.2.3. Общественно-политический аспект отношений

Иран имеет давние исторические, культурные и религиозные связи с регионом Центральной Азии и Южного Кавказа. Однако радикальные идеи, повлиявшие на внешнюю политику ИРИ, заставляли новоявленные республики

[563] Bijan A. 20-year Cooperation Treaty between Iran and Russia // РСМД. 22.07.2021. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://russiancouncil.ru/en/blogs/abijan/20year-cooperation-treaty-between-iran-and-russia-bilateral-strategic-/ (дата обращения: 05.09.2022)

[564] Iran, Islamic Rep. Exports by country 2018 / World Integrated Trade Solution. – Режим доступа: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/IRN/Year/2018/TradeFlow/Export/Partner/by-country (дата обращения: 05.09.2022)

[565] Russia’s cooperation with Iran is protected against sanctions by US guarantees / TASS. 15.03.2022. [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://tass.com/politics/1422407 (дата обращения: 28.01.2022).

колебаться в развитии отношений с Ираном. Поэтому, выбрав более прагматичный подход к отношениям со странами региона, Тегеран больше сосредоточился на инструментах мягкой силы для усиления в них своего влияния. Также иранский политолог Х.Р. Джаббари-Насир подчеркивает значение Москвы для Тегерана как союзника в решении геополитических вопросов и источника высоких технологий, проводя малозаметную стратегию в регионе[566].

Наиболее важным социальным аспектом региональных отношений является азербайджанское меньшинство в Иране и его отношение к Баку. После обретения Азербайджаном независимости националистический нарратив А. Эльчибея был воспринят Тегераном как угроза[567]. С другой стороны, Баку беспокоит положение азербайджанцев в Иране и религиозное влияние Тегерана. В 2012 г. многие азербайджанцы собрались перед посольством Ирана в Азербайджане и выразили протест иранским властям за их критику в адрес музыкального мероприятия «Евровидение - 2012» в Баку[568]. В ответ Тегеран отозвал своего посла. Баку также обвиняет Иран в поддержке антиправительственных шиитских/исламистских групп[569]. Данная напряженность мешает двум соседям улучшить двустороннее взаимодействие.

Общественные отношения с Арменией развиваются позитивно. Туризм активно развивается с обеих сторон. Армянская община в Иране также вносит свой вклад в позитивные двусторонние отношения[570]. Религиозные различия не являются каким-либо отвлекающим фактором между Ираном и Арменией, поскольку существует активное культурное взаимодействие через армянскую общину Ирана[571].

---

[566] Джаббари-Насир Х. Р. Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана // Известия Сар. у-та, 2019. т.19. вып. 1. с. 108.

[567] Bayar T. Multiple Dualities: Seeking the Patterns in Iran's Foreign Policy / T. Bayar // All Azimuth. –2019 Vol. 8. No. 1, p 44.

[568] Iran pulls Azeri ambassador over song festival / Times of Israel. 23.05.2012. – Режим доступа: https://www.timesofisrael.com/iran-pulls-azeri-ambassador/ (дата обращения: 05.09.2022)

[569] Ismayilov M. Islamic Radicalism that never was: Islamic discourse as an extension of the elite's quest for legitimation. Azerbaijan in focus // Journal of Eurasian Studies, 2019. Vol. 10(2) 183–196

[570] Атрисангари Ф. Внешняя политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы // Вестник РУДН. Серия: Политология, 2020. Том 22. №1, с. 42.

[571] Javadi-Arjmand M.J. Iran and Turkey in the South Caucasus: Competition and Cooperation // Journal of Iran and Central Asia Studies, 2018. No. 1, pp. 25.

Языковое сходство с Таджикистаном рассматривается как возможность оказать большее влияние в этой стране. В этом контексте, при участии Афганистана, в 2008 г. была создана Организация персоязычных стран. Однако организация не стала эффективной из-за ухудшения ирано-таджикских отношений, когда Душанбе обвинил Тегеран в поддержке таджикских оппозиционных групп, а также из-за влияния США на афганское правительство в тот период. Таджикистан даже закрыл существующие иранские культурные и образовательные центры на своей территории[572].

Культурные представительства ИРИ являются важнейшим инструментом культурной деятельности в Центральной Азии и на Кавказе[573]. Данные учреждения сотрудничают с посольствами, но напрямую контролируются офисом Верховного лидера, а не Министерством иностранных дел[574]. Они организуют курсы персидского языка и культурные мероприятия для повышения интереса людей к Ирану. В рамках инициативы президента М. Хатами «Диалог цивилизаций» Тегеран открыл языковой центр в Бишкекском гуманитарном университете[575]. В Узбекистане ИРИ попыталась подготовить местных иранистов путем предоставления высшего образования в иранских университетах, однако эта деятельность была скептически воспринята Ташкентом как угроза распространения проиранистской идеологии среди таджикской общины[576]. Даже самые мягкие и прозрачные действия ИРИ часто вызывают подозрение у региональных акторов из-за характера исламского режима в Иране.

---

[572] Джаббари-Насир Х. Р. Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана // Известия Сар. у-та, 2019. т.19. вып. 1. с. 109.

[573] Гарбузарова Е.Г. Инструменты «мягкой силы» Ирана в Кыргызстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т.22. № 1. С. 27.

[574] Дружиловский С.Б. Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции // Вестник МГИМО, 2010. с. 4.

[575] Гарбузарова Е.Г. Инструменты «мягкой силы» Ирана в Кыргызстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2020. Т.22. № 1. С. 23.

[576] Джаббари Насир Х. Р. Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана // Известия Сар. у-та. 2019. т.19. вып. 1. с. 109.

4.4. Выводы к главе

Сегодня самоидентификация Исламской Республики Иран во внешней политике основывается на идее Сопротивления против иностранных держав, которые хотят лишить иранский народ революционных ценностей. Поэтому восприятие угрозы со стороны геополитических соперников для выживания режима является приоритетным. Центральная Азия и Южный Кавказ рассматриваются Тегераном как относительно безопасный фронт, поэтому главной целью является предотвращение любого тектонического сдвига, который изменил бы статус-кво и стал бы новым центром давления на Иран. Тегеран также осознает свои ограничения в этом регионе. Региональные республики с подозрением относятся к исламистскому характеру режима и не хотят подпасть под давление Запада из-за ведения бизнеса с Ираном. Кроме того, ИРИ рассчитывает на поддержку Москвы в своей борьбе против американского давления, и соперничество с Россией в Центральной Азии и на Южном Кавказе не стоило бы потери существующего взаимодействия. Поэтому иранская стратегия в постсоветской географии сосредоточена на сохранении существующей региональной политической ситуации, противодействии вмешательству внерегиональных держав, поиске возможностей для выхода из международной изоляции через экономическое партнерство и развитие культурного взаимодействия с соседними странами.

Глава 5. Анализ современных взаимоотношений между Россией, Турцией и Ираном в Центральной Азии и на Южном Кавказе

Данная глава состоит из двух разделов. Во-первых, модели политики Российской Федерации, Турецкой Республики и Исламской Республики Иран обобщаются по аспектам безопасности, экономики и общества. Модели политики сравниваются, чтобы пролить свет на вопрос о влиянии самоидентификации на региональную политику в ТМО. Затем рассматриваются отношения между тремя акторами и обсуждается будущее трехстороннего взаимодействия.

5.1 Сравнение российской, турецкой и иранской региональной дипломатии

5.1.1 Стратегии безопасности

Политика России в Центральной Азии и на Южном Кавказе формируется вокруг ее самоидентификации как великой державы в многополярном мировом порядке. Это требует неоспоримой роли Москвы в своем ближнем зарубежье. Военная стратегия **Российской Федерации** в Центральной Азии и на Южном Кавказе основана на этих положениях:

1) Вмешательство нерегиональных игроков, особенно попытки смены режима, вызванные массовыми протестами, неприемлемы для России из-за опасности распространения эффекта насилия на весь регион. Москва рассматривает такие события как часть западного интервенционизма и готова принять необходимые меры для их предотвращения;

2) Аналогично первому пункту, военное участие НАТО в регионе является неприемлемым для Москвы. Это включает американские базы в странах региона, деятельность не прибрежных государств в Каспийском море или перспектива членства в НАТО какой-то страны региона (например, для Грузии);

3) По мировоззрению Москвы, в многополярном мировом порядке не будет гегемонии одной или двух великих держав, а множество региональных центров силы. В такой системе, Россия считает необходимым усилить доминирование вокруг своих границ, особенно в Центральной Азии и на Кавказе;

4) Потенциал стран региона недостаточен для обеспечения безопасности от таких угроз, как радикализм, терроризм, наркотрафик и др. Однако эти риски напрямую затрагивают и Россию, поэтому сотрудничество по этим вопросам крайне важно.

Эти четыре пункта определяют стратегию региональной безопасности России следующим образом:

1) В ядре должен быть зонтик безопасности России без каких-либо других региональных или глобальных держав, которые оспаривали бы ее роль. Москва добивается этого путем двусторонних альянсов (например, с Арменией) или в рамках Организации Договора о коллективной безопасности. Российский зонтик безопасности — это не только защита от внешних угроз, но и защита режимов от цветных революций;

2) Для решения региональных проблем терроризма, радикализма и сепаратизма, требующих более широкого сотрудничества, деятельность в рамках Шанхайской организации сотрудничества имеет решающее значение. Однако более глубокая интеграция в эту организацию путем передачи части своего суверенитета противоречит интересам России. Вместо этого вес акторов должен быть сбалансирован за счет новых членов, даже ценой снижения эффективности организации. Эту стратегию можно увидеть на примере членства Индии, которое уравновешивает Китай, или членства Пакистана, которое уравновешивает Индию. Влияние России на страны Центральной Азии и Кавказа, с другой стороны, укрепляет роль Москвы в этом институте.

Стратегия региональной безопасности **Турции** включает в себя усиление ее роли как независимого актора в мировой политике через сотрудничество со странами Центральной Азии и Южного Кавказа. Используя свои долгосрочные связи с западными институтами и недавнюю координацию с Россией, Анкара стремится играть роль моста, не только в географическом смысле, но и в качестве политического связующего элемента между различными лагерями. Однако для этого необходимо поддерживать открытую связь с великими державами и не вступать с ними в открытую конфронтацию. Поэтому Анкара придерживается

сбалансированной и умеренной политической повестки дня в регионе вместо амбициозного курса, который вызвал бы негативную реакцию со стороны Москвы:

1) В отличие от предыдущих этапов, когда Турецкая Республика придерживалась исключительно прозападного подхода, ее самоидентификация основывается на концепции «независимого актора», который не замыкается в рамках каких-либо альянсов. Это требует прямых и прочных отношений с игроками по всему миру;

2) Связь с Центральной Азией имеет жизненное значение. Однако отсутствие удобного наземного маршрута для прямого контакта со странами региона является препятствием для укрепления отношений;

3) Дипломатическая поддержка стран Центральной Азии и Южного Кавказа могла бы быть полезной для международной активности Турции, такой как инициатива «Мир больше пяти».

В этих условиях Турция придерживается следующей стратегии:

1) Инструменты жесткой силы используются осторожно, чтобы не спровоцировать реакцию великих держав. Однако любая возможность усилить позиции Турции в регионе должна быть реализована, как это произошло в азербайджано-армянской войне 2020 г.;

2) Географические ограничения требуют от Турции держать все возможные ворота открытыми. Это включает в себе сохранения хороших отношений с Грузией, смягчения отношений с Арменией, продвижения перевозок через Каспийское море и позитивных отношений с Ираном и Россией;

3) Культурная близость со странами региона вокруг «тюркской» идентичности обеспечивает Турции значительную основу для установления прочных отношений. Эта близость также может устранить ограничения, вызванные географическим отдалением от Центральноазиатского региона.

Для **ИРИ** основные проблемы безопасности вызваны его противостоянием с США и Израилем, поэтому Центральная Азия и Южный Кавказ имеют второстепенное значение. Однако для Тегерана в регионе существует множество серьезных вызовов:

1) Существует риск еще более сильного давления со стороны Запада. Это может даже перерасти в полномасштабную войну. В таком сценарии безопасность границ на севере и востоке имеет огромное значение для Тегерана;

2) Иран уже окружен союзниками США на Ближнем Востоке и в Персидском заливе. Появление аналогичного игрока на Кавказе или в Центральной Азии поставило бы Иран между двух огней;

3) Политика «максимального давления» США приводит к международной изоляции Тегерана, которая должна быть преодолена путем дипломатии с незападными игроками;

4) Поддержка Ирана Россией жизненно важна, и альтернативный вариант (т.е. соперничество с РФ) создал бы серьезную угрозу для ИРИ;

5) На Кавказе и в Центральной Азии нет серьезных оснований для создания прочных альянсов или прокси-организации для Ирана, как это происходит на Ближнем Востоке. Напротив, любое амбициозное действие Ирана вызывает негативную реакцию со стороны светских республик на постсоветском пространстве.

В рамках этих пределов Исламская Республика создает свою региональную модель, следуя следующим пунктам:

1) Региональный статус-кво должен быть сохранен. Это включает в себя статус Каспия, баланс между Арменией и Азербайджаном или стабильность режимов в Центральной Азии;

2) Через призму мировоззрения Тегерана любые выгоды от конкуренции с Россией в постсоветской географии менее важны, чем значение российской поддержки Ирана в других регионах, особенно на Ближнем Востоке. Поэтому считается более логичным следовать лидерству Москвы в региональных вопросах;

3) В связи с предыдущим пунктом, антиамериканский нарратив на региональных площадках рассматривается как выгодный для Тегерана способ выхода из изоляции;

4) Нет необходимости проводить агрессивную политику в регионе, которая бы настроила региональных игроков против Ирана и подтолкнула их к объединению с Западом.

Различное понимание мирового порядка обусловило три разных подхода для России, Турции и Ирана. Расположение, относительная важность региона по сравнению с другими вопросами внешней политики, общая идентичность с региональными странами и материальные возможности привели к тому, что Россия рассматривает регион как «ядро» для своих интересов, в то время как Турция воспринимает регион как потенциальную зону влияния. Для Ирана стабильность в регионе важнее, чем потенциальные выгоды от любого изменения статус-кво.

5.1.2 Экономические модели

Экономическая стратегия **Москвы** построена на мировоззрении, которое включает в себя:

1) Опасности финансового давления Запада на Россию, которое может привести к разрушительной экономической изоляции;

2) Растущее значение азиатских экономик, которые будут служить рынком для российских товаров и источником продукции, которую Россия не может получить из Европы или США;

3) Зона влияния в Центральной Азии и на Южном Кавказе, которая уже имеет определенную степень экономической интеграции с Российской Федерацией.

В рамках этих трех пунктов Россия стремится создать региональную систему, которая будет укреплять позицию Москвы в мировой экономике. Эта стратегия включает в себя:

1) В качестве основного инструмента выступает рыночная интеграция с бывшими советскими республиками в рамках Евразийского экономического союза. Экономики стран-участниц глубоко интегрированы с Россией. Это ставит региональную взаимозависимость на более структурированную и прочную основу. Однако ключевые страны региона, такие как Азербайджан или Узбекистан, все еще неохотно сотрудничают с союзом. Кроме того, отсутствие прямого выхода на Армению осложняет ситуацию;

2) Экономическая стратегия также требует от Москвы участия в региональных инфраструктурных и энергетических проектах, чтобы сохранить свою значимость. В этом контексте Москва пытается предоставить выгодные условия таким странам, как Казахстан или Азербайджан, чтобы они поставляли свои углеводородные ресурсы на мировые рынки через Россию, а не в обход нее. Тем не менее, страны Центральной Азии и Южного Кавказа пытаются диверсифицировать своих потребителей, чтобы уменьшить свою зависимость от Российской Федерации.

Со своей стороны экономическая стратегия **Анкары**, обусловлена ее восприятием возможностей региона:

1) Регион может предоставить Турции природные ресурсы для достижения цели стать региональным энергетическим центром;

2) центральноазиатские и закавказские рынки являются значительными для турецких экспортеров;

3) Азиатские инфраструктурные проекты, особенно китайская инициатива Пояса и Пути, представляют большой экономический потенциал для турецкой экономики.

Справедливо предположить, что экономические причины являются приоритетными для региональной политики Турции на Южном Кавказе и в Центральной Азии, в отличие от стратегии России, которая больше сосредоточена на геополитических рисках. Региональная стратегия Анкары, ориентированная на экономику, включает следующие пункты:

1) Сотрудничество с Азербайджаном и Грузией по региональным трубопроводным проектам должно быть углублено и расширено за счет возможного партнерства с Казахстаном и Туркменистаном через Каспийское море;

2) Необходимо увеличить количество альтернативных маршрутов для выхода в регионы Центральной и Восточной Азии. Это включает инфраструктурные проекты, такие как железная дорога Баку-Тбилиси-Карс, продвижение к появляющимся геополитическим возможностям, таким как идея

Зангезурского коридора через Армению или Каспийского морского пути через Азербайджан и Грузию;

3) В связи с предыдущим пунктом координация в рамках межправительственных организаций имеет решающее значение. В 1990-е г. для этих целей достаточно активно работали Организация экономического сотрудничества (ЭКО) и Черноморское экономическое сотрудничество, однако постепенно они утратили свое значение. Сегодня Турция пытается решить проблемы региональных перевозок в рамках Организации тюркских государств.

Иранская экономическая политика в Центральной Азии и на Южном Кавказе продолжается в условиях жесткого внешнего давления, которое началось после исламской революции 1979 г. и усилилось после введения международных санкций в связи с ядерной программой.

1) Санкции не позволяют ИРИ раскрыть свой реальный экономический потенциал. Поэтому любое экономическое взаимодействие с региональными акторами необходимо для сопротивления Тегерана давлению США;

2) Расположение Ирана выгодно для соединения Центральной Азии и Закавказья с мировыми рынками. В этом контексте маршрут Север-Юг, строительство порта Чехбехара с Индией или китайские инвестиции в иранскую инфраструктуру имеют решающее значение;

3) Зависимость иранской экономики от экспорта углеводородов не считается исключительно важным для развития страны. Постсоветский регион может служить как рынком сбыта для иранских предпринимателей, так и источником логистических доходов для таких гигантов мировой экономики, как Китай и Индия.

Поэтому иранская экономическая стратегия в Центральной Азии и на Южном Кавказе сосредоточена на:

1) Создание проектов, которые привлекут китайские или индийские инвестиции в Иран для выхода на региональные рынки. Это также позволяет Тегерану укреплять свои экономические связи со странами региона и, следовательно, уменьшать последствия давления Запада;

2) Нахождение эффективного сотрудничества с Россией или ЕАЭС, чтобы избавиться от последствий санкций. Москва и Тегеран разделяют одни и те же опасения по поводу режимов санкций, и эта общая проблема может создать общее решение, которое способствовало бы оживлению международной торговли между незападными игроками;

3) Поощрение иранских компаний к работе на постсоветском пространстве имеет решающее значение для содействия развитию ненефтяной экономики. В дополнение к этому, партнерство в крупных проектах (таких как строительство гидроэлектростанции в Таджикистане) выгодно для иранской промышленности;

4) Режим санкций продолжается так долго, что нереалистично предполагать, что они исчезнут. Более того, как показывает решение Д. Трампа о повторном введении санкций, у ИРИ никогда не будет гарантии свободной деятельности в рамках международной экономики. Поэтому со странами региона следует создать альтернативные торговые механизмы, такие как бартерная торговля или SWAP-поставка. В этом контексте Иран покупает природный газ у Туркменистана и продает аналогичное количество Турции. Это можно рассматривать как непрямую форму SWAP. Есть также случаи бартерной торговли, при которой Иран поставляет нефть странам Центральной Азии в обмен на товары. Но обе формы торговли еще слишком слабо развиты, чтобы компенсировали убытки, вызванные санкциями.

Таблица 8. Сравнение региональных экономических стратегий акторов.

	Самоидентификация	Ограничения	Цель
Российская Федерация	Экономический центр региона	Схожие типы экономик (нефтедобывающие и т.д.); санкции Запада; китайская конкуренция	Полномасштабная интеграция рынка со странами региона
Турецкая Республика	Развивающаяся экономика, которая могла бы извлечь выгоду из потенциала региона	Географическая удаленность; Низкая транспортная инфраструктура	Стать глобальным энергетическим и логистическим центром
Исламская Республика Иран	Потенциальные «ворота» для выхода региона на мировые рынки	Санкционный режим	Развитие иранской экономики с соединением региона с миром.

Из таб. 8 видно, что приоритетом России является сохранение ее доминирующей роли в регионе. Поэтому даже такие якобы дорогостоящие действия, как помощь и списание долгов странам региона, не считаются для Москвы убытками, поскольку приоритет здесь скорее политический, чем экономический. Для Анкары все наоборот: регион — это, прежде всего, источник газа и нефти, который может укрепить позиции Турции в энергетическом секторе, значительный рынок для турецкого экспорта и хорошая возможность для прямых иностранных инвестиций. Для Тегерана регион также содержит огромный экономический потенциал, и Иран стремится к укреплению региональной торговли в рамках введенных против него ограничений.

5.1.3 Общественный аспект

Россия считает следующие социальные аспекты важными, когда проводит свою региональную политику в регионе центральной Азии и южного Кавказа

1) Существует опасность доминирования западных ценностей, противоречащих остальному миру, и в многополярном мире региональные альтернативы должны стать сильнее, чтобы противостоять этой тенденции;

2) Исторические связи со странами Центральной Азии и Южного Кавказа должны быть сохранены. Многовековая общая история Российской империи и

СССР создала прочные общественные связи между народами. Однако существует риск того, что эти связи могут ослабнуть;

3) Существует риск ухудшения положения этнических русских. Как видно из кризиса на Украине, Россия готова принять меры по обеспечению прав и благополучия россиян за рубежом.

В связи с этими три пункта стратегии Москвы таковы:

1) Поддержка антигегемонистских идей в авторитетных региональных организациях, таких как ШОС, чтобы противостоять распространению западной системы ценностей;

2) Сохранение культурных и общественных связей со странами региона, возникших в результате длительного периода общей истории;

3) Защита прав этнических русских в регионе посредством двусторонних связей.

На социальный аспект **турецкой** региональной политики влияют следующие моменты:

1) Прежде всего, турецкая общественность требует, чтобы правительство продолжало более глубокое взаимодействие с тюркскими странами Центральной Азии и Южного Кавказа. Националистические идеи сильны как в проправительственных, так и в оппозиционных политических блоках в Турции;

2) Несмотря на культурную близость, постсоветские страны долгое время жили при совершенно разных политических структурах Советского Союза и Российской империи;

3) Наблюдается постоянно усиливающаяся тенденция миграции в Турцию из региона, особенно среди молодого поколения;

Внешняя политика Турции направлена на развитие общественных отношений посредством следующих стратегий:

1) Культурные связи должны укрепляться под воздействием «мягкой силы». Это включает партнерство в сфере образования: турецкие университеты и школы (такие как Университет Манас), а также стипендии для студентов из стран региона;

2) Необходимо предпринять шаги, чтобы удовлетворить турецкую общественность, которая хочет улучшения отношений с тюркскими странами. Проправительственная Партия националистического движения и оппозиционная Хорошая Партия (*İYİ Parti*) играют ключевую роль на выборах в Турции. В них обоих присутствуют националистические черты, и это включает в себя также стремление к более продвинутым отношениям с тюркскими республиками;

3) Необходимо подчеркнуть общность с государствами региона, не повторяя подход турецкого «старшего брата» 1990-х гг., который был негативно воспринят правительствами и народами в тюркских республиках. Несмотря на благие намерения, в 1990-е гг. этот подход воспринимался странами региона как снисходительный. Центральноазиатские и южнокавказские акторы ожидают, что к ним будут относиться как к равным партнерам, в данном случае просто как к братьям - без прилагательного «младший».

Исламская Республика Иран обладает большим потенциалом инструментов «мягкой силы», которые она может использовать для влияния на Центральную Азию и Южный Кавказ. Однако, существует общее подозрение в отношении деятельности Ирана, особенно в Таджикистане и Азербайджане, которые считают ее проявлением проиранской внутренней угрозы. Поэтому, видя недостаток имеющихся возможностей, Тегеран сосредоточился на проведении политики, направленной на то, чтобы не провоцировать негативную реакцию со стороны стран региона. Это обусловлено следующими причинами:

1) Идея экспорта исламского режима давно ушла в прошлое, но региональные правительства все еще боятся ее. В целом, это обусловлено эволюцией внешней политики Ирана после имама Хомейни;

2) Многоэтническая и многоконфессиональная структура региональных стран заставляет их опасаться, что населяющие их персоязычные или шиитские общины попадут под влияние Ирана. Это является серьезным препятствием для того, чтобы Иран мог действовать свободно, не провоцируя реакцию региональных правительств;

3) Хотя существуют сообщества с похожими языками или религиозными подходами, иранский режим проигрывает в конкуренции с Россией, Турцией, Китаем и западными странами. Сегодня новые поколения стран региона ищут работу в России, смотрят турецкие сериалы или изучают китайский язык. Чтобы сделать Иран значимым в этой региональной «культурной гонке», необходимо усилить общественный динамизм, чтобы представить страну более привлекательной в глазах народов региона.

Чтобы преодолеть эти трудности, Иран пытается усилить свое культурное влияние в странах региона путем:

1) Образовательная деятельность через культурные центры. Культурные представители Верховного лидера в каждой стране организуют курсы персидского языка, программы по персидской литературе или мероприятия по развитию интереса к иранской культуре среди местного населения;

2) Укрепление связей с местными персоязычными или шиитскими общинами. Однако такая деятельность ограничивается правительствами стран Центральной Азии и Южного Кавказа из-за опасений религиозной экспансии иранского режима;

3) Деятельность религиозных фондов (бонйады). Эти фонды являются некоммерческими организациям и контролируют значительную часть иранской экономики, и их деятельность также связана с попыткой найти инвестиционные возможности в соседних странах.

Таблица 9. Сравнение социальных аспектов региональной политики игроков.

	Самоидентификация	Сильные стороны	Ограничения	Основные Инструменты
Российская Федерация	Евразийский мир	Исторические связи; География; Общий язык	Снижение роли России; конкурирующие игроки, такие как Китай или Турция	Россотрудничество, Русский Мир
Турецкая Республика	Тюркское братство	сильные инструменты «мягкой силы», сотрудничество в области образования и культуры	Отсутствие финансовых ресурсов для достижения поставленных целей	ТИКА, ТЮРКСОЙ
Исламская Республика Иран	Персоязычная и религиозное содружество	Географическая близость; влияние на религиозные шиитские общины	Общие сомнения в отношении региональных правительств к Ирану	Культурные Центры, Бонйады

В данном исследовании рассматривалось возникновение и эволюция самоидентификации как основополагающего фактора внешней политики и ее выражение в конкретном регионе интересов. Как показали три приведенных случая, идеологические и материальные условия создают мировоззрение актора, в котором он видит конкретную роль для себя. Однако это не обязательно создает надежный и универсальный ориентир для лиц, принимающих решения. В каждом конкретном случае и для каждого региона эта самоидентификация получает новую интерпретацию. Сначала актор решает вопрос о важности региона через призму сконструированной идентичности. Из примеров данного исследования следует, что для Москвы регион Центральной Азии и Кавказа представляет огромный интерес, поскольку он считается ядром «евразийской» идентичности, в центре которой Россия видит себя. Однако для Ирана этот регион имеет второстепенное значение, поскольку конституирующие идеи «сопротивления» и «революционности» сосредоточены на ближневосточном регионе. Для Турции, в свою очередь, восприятие развивалось одновременно с самоидентификацией Анкары. От идеи выступать в роли «старшего брата» для стран региона Турция теперь перешла к

развитию равноправного сотрудничества с республиками Центральной Азии и Южного Кавказа для повышения своей роли как независимого актора мировой политики в отличие от предыдущего периода, когда она следовала проевропейскому курсу.

За исключением ограниченного сотрудничества между Россией и Ираном, этим трем моделям не хватает взаимодействия или координации. В результате они часто оказываются противоборствующими сторонами. Сотрудничество между игроками является одним из ключевых концертов конструктивистской теории, которая подчеркивает, как идеи и интересы играют преобразующую функцию для государств, чтобы изменить их восприятие друг друга и создать общие социальные нормы[577]. Несмотря на все структурные или материальные ограничения, акторы могут создавать «коллективные идентичности и интересы» посредством «интерсубъективного взаимодействия» в социальном мире[578].

Следовательно, социальная структура должна быть отправной точкой при анализе отношений[579]. Было бы неполным анализом считать государства просто «рациональными эгоистами», которые пытаются максимизировать власть только в материальном плане. Напротив, нематериальные факторы также формируют идентичность государств, которая постоянно меняется в результате их взаимодействия с социальным миром и другими акторами[580]. Это касается и наших трех примеров в данном исследовании. Три объясняемые модели не действуют независимо друг от друга. Напротив, как утверждает конструктивистская теория, их восприятие региона и самоидентификация постоянно перестраиваются под влиянием действий других акторов. Чтобы объяснить, как Москва, Анкара и Тегеран влияют друг на друга, в следующем разделе сначала будут рассмотрены двусторонние отношения. Затем будет рассмотрена возможность сотрудничества между региональной политикой России, Турции и Ирана.

---

[577] Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // American Political Science Review, 1994. 88(2), p. 387.
[578] Там же, p. 384.
[579] Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization, 1998. 52(4), pp. 887–917.
[580] Fierke K.M. Constructivisim. in Dunne T. (ed). International Relations Theories. Oxford: Oxford University Press, 2013. pp. 187-205.

5.2. Взаимоотношения между региональной политикой России, Турции и Ирана

В данном разделе предпринята попытка выявить, как эти три региональные модели взаимодействуют друг с другом. Для этого вначале поочередно обобщаются двусторонние отношения между Москвой, Анкарой и Тегераном. Затем рассматривается потенциал трехсторонних отношений на примере Астанинского мирного процесса. Затем обсуждается будущее треугольника Россия-Турция-Иран.

5.2.1. Российско-турецкие отношения

Сотрудничество между игроками является одним из ключевых способов конструктивистской теории, которая подчеркивает, как идеи и интересы играют преобразующую функцию для государств, чтобы изменить их восприятие друг друга и создать общие социальные нормы После периода конкуренции после распада Советского Союза, два игрока изменили свои подходы к установлению нового стратегического партнерства и начали концентрироваться на положительных аспектах своих отношений в 2000-х гг.[581] Эта позитивная тенденция продолжалась до ноября 2015 г., когда турецкие ВВС сбили российский СУ-24. Этот инцидент показал хрупкость двустороннего сотрудничества[582]. Тем не менее, в течение следующего года двум странам удалось залечить раны в отношениях. Стратегическое сотрудничество во многих областях, таких как газопровод «Турецкий поток», быстро возобновилось[583].

После самолетного кризиса оба игрока координируют свою политику безопасности, чтобы избежать подобных кризисов[584]. За шесть лет, прошедших после потрясений 2015 г., Россия и Турция добились расширения партнерства в военной (закупка систем ПВО С-400), энергетической (проекты «Турецкий поток» и «Аккую») и дипломатической (Астанинский мирный процесс) сферах. Однако

---

[581] Rüma İ., Çelikpala M. Russian and Turkish Foreign Policy Activism in the Syrian Theater // Uluslararasi Iliskiler, 2019. 16(2), pp. 69.
[582] Çelikpala M. Rekabet ve İşbirliği İkileminde Yönünü Arayan Türk-Rus İlişkileri // Bilig, 2015. (72), pp. 117-144.
[583] Erşen E., Çelikpala M. Turkey and the changing energy geopolitics of Eurasi // Energy Policy, 2019. 128, pp. 588,
[584] Mamedov R. Lukyanov G. Russia and Turkey: Approaches to Regional Security in the Middle East // Perceptions: Journal of International Affairs, 2018. pp. 51-71.

Россия и Турция сохраняют разные взгляды на многие международные вопросы, включая Сирию, Украину или Ливию. Этот контраст между сотрудничеством на высоком уровне и геополитическими спорами является основным затруднением в российско-турецких отношениях.

В современных отношениях между Анкарой и Москвой прямые переговоры между президентами Путиным и Эрдоганом представляются основным механизмом, который движет сотрудничеством. Общение между лидерами оказало большее влияние, чем любой другой институциональный канал[585]. Ярким примером этого является то, что, несмотря на несколько механизмов, созданных для урегулирования конфликта в Сирии, акторы смогли деэскалировать проблему Идлиба только в сентябре 2021 г. после визита Эрдогана в Сочи. Независимо от того, насколько эффективны коммуникации между лидерами, зависимость от их личных инициатив отражает хрупкость двустороннего сотрудничества.

Для снижения риска, вызванного слабой координацией действий, были созданы некоторые новые механизмы координации. В рамках общего патрулирования на севере Сирии вооруженные силы обеих стран регулярно взаимодействуют. Основная функция этих патрулей — предотвратить любую эскалацию между Москвой и Анкарой путем поддержания связи[586]. В том же ключе российско-турецкий наблюдательный пункт был создан в Азербайджане[587]. Помимо повседневных задач и функций этих каналов, они будут служить позитивным процессом для улучшения восприятия акторами друг друга. Если эти механизмы переживут возникающие споры, а общение на военном уровне продолжится, то инциденты, подобные авиационному кризису 2015 г., станут менее вероятными благодаря коллективному восприятию и идеям, которые появятся в результате общения.

---

[585] Ersen E., Kostem S. Turkey's Interest in Closer Relations with Russia: Global, Regional and Domestic Dynamics // SİYASAL: Journal of Political Sciences, 2020. 29(2), 240

[586] rfeh H. Who is benefiting from Russian-Turkish patrols in northwest Syria? / Al Monitor. 27.08.2020. – Режим доступа: https://www.al-onitor.com/originals/2020/08/syria-idlib-russia-turkey-patrols-attacks-security-chaos.html. (дата обращения: 05.09.2022)

[587] Kucera J. Russia, Turkey Open Joint Military Center in Azerbaijan / The Moscow Times. 03.02.2021. – Режим доступа: https://www.themoscowtimes.com/2021/02/03/russia-turkey-open-joint-military-center-in-azerbaijan-a72818. (дата обращения: 05.09.2022)

Таблица 10. Экономические показатели российско-турецких отношений (2021 г. – долл. США) [588]

Экспорт в Турцию	Импорт из Турции	Доля в эксп. РФ	Доля в имп. РФ	Доля в экс. Турции	Доля в имп. Турции
28.959.361.179	5.774.703.000	5.9%	1.94%	2.56%	10.6%

Еще одним важным аспектом российско-турецких отношений является взаимодействие между обществами. Российский туризм в Турцию представляет собой важный коммуникативный канал на общественном уровне, поскольку он обеспечивает среду, в которой миллионы россиян и турок ежегодно общаются, ведут совместный бизнес и, как результат, вносят вклад в общую идентичность[589].

Однако это взаимодействие еще требует углубления; безвизовый режим для граждан Турции был отменен после самолетного кризиса и до сих пор не восстановлен. Рейсы между Турцией и Россией также неоднократно прерывались из-за глобальной пандемии Ковид-19. Эти «гражданские» аспекты двусторонних отношений имеют большое значение, как это произошло, когда известный турецкий бизнесмен Дж. Чаглар сыграл ключевую роль в сближении сторон после кризиса 2015 г.[590] Более тесное взаимодействие между игроками также укрепит подобные гражданские инициативы в будущем для разрешения споров. Однако самым серьезным препятствием на пути к улучшению коммуникативной среды является отсутствие институционализации в двусторонних отношениях.

5.2.2. Российско-иранские отношения

С 1991 г. Российская Федерация и Исламская Республика Иран поддерживают добрососедские отношения, что обусловлено общим восприятием угроз в геополитике и общими интересами по их минимизации. Хотя одним из главных лозунгов Исламской революции был «смерть Америке и смерть СССР», руководство Ирана вскоре пришло к выводу о необходимости поддерживать

[588] TÜİK https://www.tuik.gov.tr (дата обращения: 05.09.2022)
[589] Öniş Z., Yılmaz Ş. Turkey and Russia in a shifting global order: cooperation, conflict and asymmetric interdependence in a turbulent region // Third World Quarterly, 2016. 37(1), pp. 71-95,
[590] СМИ рассказали о позволившей помирить Эрдогана и Путина тайной дипломатии / РБК. 09.08.2016. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/09/08/2016/57a9accc9a794701f213b0ac. (дата обращения: 05.09.2022)

добрые связи с Москвой. После распада Советского Союза тогдашний президент Х. Рафсанджани положительно отозвался о России. С тех пор обе страны сотрудничают во многих международных вопросах. Особенно сближает их давление Запада. Поскольку обе страны страдают от экономических санкций Запада, они сотрудничают в поиске решения, чтобы спасти продолжение международной торговли от давления[591].

Впрочем, ось Москва-Тегеран также имеет свои ограничения. Обе страны являются экспортерами нефти и природного газа, что делает их конкурентами на мировых энергетических рынках. Кроме того, ИРИ отстаивает позицию равной доли каждого прибрежного государства в ресурсах Каспийского моря. Это геополитическое взаимодействие также далеко от союзничества. Например, в 2010 г. Москва поддержала дополнительные санкции ООН против Тегерана[592]. В связи с этим тогдашний президент РФ Д. Медведев отменил сделку по продаже ИРИ ПВО С-300[593]. Иран, с другой стороны, защищал территориальную целостность Грузии в 2008 г. и не признал Крым частью России.

С 2011 г. сирийская гражданская война стала самой важной и продвинутой темой российско-иранского партнерства. Обе страны поддерживают президентство Башара Асада и выступают против оппозиции. Поддержка России и Ирана является главным условием выживания режима Асада[594]. Тем не менее, есть некоторые темы, по которым Москва и Тегеран расходятся во мнениях, в основном это касается их разных подходов к отношениям с Израилем к проиранским силам в Сирии. Если антисионизм является одним из основополагающих элементов политики Ирана, то Россия старается поддерживать хорошие отношения с Тель-Авивом и не хочет потерять Израиль или Иран, приняв чью-либо сторону в их споре.

---

[591] Мосбиржа проводит консультации с биржевой инфраструктурой Ирана / ТАСС. 19.04.2022. – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/14414709 (дата обращения: 05.09.2022)

[592] Security Council Imposes Additional Sanctions on Iran, Voting 12 in Favour to 2 Against, with 1 Abstention / Сайт ООН. 09.06.2010. – Режим доступа: https://www.un.org/press/en/2010/sc9948.doc.htm (дата обращения: 05.09.2022)

[593] Притчин С.А. Россия на Каспии: поиски оптимальной стратегии – М.: Аспект Пресс, 2018. с. 94.

[594] Бобров А.К. Концептуальные основы внешней политики России: Научное издание / М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. с.170.

Таблица 11. Экономические показатели российско-иранских отношений (2018 г. – долл. США) [595]

Экспорт в Иран	Импорт из Ирана	Доля в эксп. России	Доля в имп. России	Доля в экс. Ирана	Доля в имп. Ирана
1.206.000.000	539.000.000	0.3%	0.25%	0.49%	2.79%

5.2.3. Турецко-иранские отношения

С 1979 г. Анкара и Тегеран поддерживают сбалансированное, но ограниченное взаимодействие. Хотя взаимодополняющие экономики нефтедобывающего Ирана и ориентированной на туризм и экспорт Турции толкают обе страны друг к другу, идеологические и политические различия порождают недоверие. Однако преимущества хороших отношений обычно перевешивают это недоверие. Хорошим примером может служить то, что в 2010 г. Анкара инициировала резолюцию по ядерной программе Тегерана, чтобы помочь Ирану избавиться от санкций[596]. Хотя Турция является членом НАТО, она строго осудила убийства США высокопоставленных иранских чиновников или повторное введение санкций после 2018 г.[597]

Исследования показывают, что турецкая экономика значительно выиграет от снятия санкций, и это – главная причина, по которой Анкара выступает против политики «максимального давления» США[598]. Иран также стремится к участию в региональных энергетических проектах с Турцией, чтобы соединить ресурсы Центральной Азии с Европой. Однако они до настоящего времени не могут быть реализованы из-за противодействия США, за исключением ирано-турецкого газового контракта на 30 лет[599].

Сложившееся равновесие между двумя странами испытало серьезную конфронтацию после войны между Азербайджаном и Арменией в 2020 г.

---

[595] Федеральная служба государственной статистики / Режим доступа: https://rosstat.gov.ru

[596] Turkey, Brazil seal deal on Iran nuclear fuel swap / Reuters. 17.05.2010. – Режим доступа: https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-deal-idUSTRE64F29P20100516 (дата обращения: 05.09.2022)

[597] Turkey condemns killing of Iranian nuclear scientist / Anadolu Agency. 29.11.2020. – Режим доступа: https://www.aa.com.tr/en/middle-east/turkey-condemns-killing-of-iranian-nuclear-scientist/2059329 (дата обращения: 05.09.2022)

[598] Ay S. Removal of Iran Sanctions: Is It Opportunity or Threat for Turkey? // Bilig, No. 89, Spring, 2019.

[599] Atai F., Azizi H. The Energy Factor in Iran-Turkmenistan Relations // Iranian Studies, Vol. 45, No. 6, 2021.

Последствия войны усилили позиции Анкары в регионе. Иран решительно выступил против планов создания коридора, который соединил бы Турцию и Азербайджан. Националистический нарратив в Баку также беспокоил Тегеран из-за значительного азербайджанского меньшинства в Иране.

Таблица 12. Экономические показатели российско-турецких отношений (2021 г. – долл. США) [600]

Экспорт в Иран	Импорт из Ирана	Доля в эксп. Турции	Доля в имп. Турции	Доля в экс. Ирана	Доля в имп. Ирана
2.770.849	2.823.680	1.24%	1.04%	10.8%	8.46%

Поэтому справедливо утверждать, что двусторонние отношения между Турцией и Ираном носят двойственный характер, который, с одной стороны, имеет огромный потенциал для партнерства, а с другой - серьезные конфликты интересов. По словам турецкого эксперта С. Челика, отношения двух соседей похожи на «маятник, который качается между ограниченным сотрудничеством и контролируемым соперничеством»[601].

5.2.4. Трехсторонние отношения и перспективы углубления взаимодействия

В течение долгого времени даже невозможно было говорить о трехсторонних отношениях между Россией, Ираном и Турцией, поскольку у этих игроков не была не одной платформы для сближения их интересов или разрешения их конфликтов вместе. Как видно из таблицы, нет даже ни одной международной организации, в которой все три актора являются полноправными членами. С началом гражданской войны в Сирии и вовлечением всех трех стран в эту проблему в 2017 г. появился неожиданный механизм, когда президенты России, Ирана и Турции встретились в Астане. Переговоры были направлены на поиск точек соприкосновения между

[600] TÜİK https://www.tuik.gov.tr (дата обращения: 05.09.2022)

[601] Celik S. The End of a Détente: Turkish-Iranian Relations after the Iranian Presidential Elections [Электронный ресурс] // FES. 10.06.2020. – Режим доступа: https://www.fes.de/en/referat-naher-mittlerer-osten-und-nordafrika/iran-elections/artikelseite-iranelections/das-ende-der-entspannung-die-tuerkisch-iranischen-beziehungen-nach-den-iranischen-praesidentschaftswahlen (дата обращения: 19.02.2022).

разногласиями сторон и привели к некоторому уровню деэскалации, особенно в Идлибском регионе Сирии.

Таблица 13. Статус членства России, Турции и Ирана в международных организациях

	Россия	**Турция**	**Иран**
ШОС	+	Партнер по диалогу	Наблюдательный партнер*
Организация Экономического Сотрудничества	-	+	+
Организация черноморского экономического сотрудничества	+	+	-
Организация исламского сотрудничества	Наблюдатель	+	+
ЕЭС	+	-	-
Совет Европы	Членство сократилось в 2022 г.	+	-
ОЭСР	+	+	
ОДКБ	+	-	-
НАТО	-	+	-
СНГ	+	-	-

*полномочное членство ИРИ одобрила ШОС в 2021 и процесс ожидается совершить в 2023 г.

Однако надежда на создание треугольника Москва-Анкара-Тегеран, появившаяся во время Астанинского процесса, постепенно угасла. Пока что Турция стремится решать вопросы только с Россией и пытается вытолкнуть Иран из этого равновесия, вместо того чтобы продвигать трехсторонний механизм. Самым ярким примером этого стала карабахская война, когда призывы Ирана стать посредником в конфликте были в основном проигнорированы. В то же время Россия признала роль Турции как актора на Южном Кавказе, создав общий

военный наблюдательный пункт[602]. Анкара отстаивает свои интересы в регионе, тесно сотрудничая с Россией и одновременно уменьшая влияние Ирана[603].

Поэтому не хватает институционализации в любой комбинации двусторонних отношений (РФ-РТ, РФ-ИРИ, РТ-ИРИ) или в трехстороннем взаимодействии между Россией, Турцией и Ираном. Поэтому странам может быть выгодно использовать Астанинский процесс в качестве модели для создания платформы для структурирования взаимного взаимодействия. Это может быть достигнуто путем включения недостающих членов в существующие организации, например, добавление России в ОЭС (или Ирана в ОЧЭС), или путем создания нового института, специально направленного на укрепление оси Москва-Анкара-Тегеран.

5.4. Выводы к главе

В данной главе представлен сравнительный анализ региональной политики России, Турции и Ирана в Центральной Азии и на Южном Кавказе. В первом разделе были сопоставлены аспекты безопасности, экономики и общества трех стран региона. Обобщены три модели, которые они создали после 1991 г. Автор утверждает, что Российская Федерация отдала приоритет своим геополитическим проблемам. Это связано с ее представлениями о формирующемся многополярном мире и позиции Москвы в нем. Для Турции геоэкономические выгоды от региона находятся в центре внимания в связи с ее самоидентификацией как независимого игрока, который использует свое местоположение как инструмент для повышения своей значимости в мировой политике. Исламская Республика Иран, со своей стороны, считает себя в вечном сопротивлении давлению Запада и видит основные угрозы со стороны акторов из других регионов. Поэтому для Тегерана приоритетом в Центральной Азии и на Южном Кавказе является предотвращение любого

---

[602] Trenin D. “Moscow’s new rules,” [Электронный ресурс] // Carnegie Center Moscow, 12.11.2020 – Режим доступа: https://carnegiemoscow.org/commentary/83208, (дата обращения: 26.01.2022)

[603] Ciddi S. Opportunities for the United States in the Turkish-Iranian Rivalry / Newlines. 16.03.2021. – Режим доступа: https://newlinesinstitute.org/turkey/opportunities-for-the-united-states-in-the-turkish-iranian-rivalry. (дата обращения: 05.09.2022)

развития событий, которые могли бы представлять дополнительные риски для ИРИ.

Во втором разделе главы рассматривается взаимодействие между этими тремя моделями. Три двусторонние оси между Россией, Турцией и Ираном показывают, что между этими акторами существует колеблющееся взаимодействие. С одной стороны, они видят друг в друге важных партнеров, которых необходимо поддерживать. С другой стороны, их интересы слишком часто противоречат друг другу, что требует соблюдения баланса. Автор обсуждает возможный трехсторонний механизм, который бы институционально объединил Москву, Анкару и Тегеран для обсуждения разногласий и сближения интересов, и подчеркивает тот факт, что такой организации до сих пор не существует.

Заключение

Роль идентичности в международной политике обсуждается с момента появления конструктивистского подхода. В этом контексте материальных факторов, таких как военная мощь или ВВП того или иного актора, недостаточно для объяснения его внешнеполитического поведения. Потому что правительства сначала определяют себя (самоидентификация), затем определяют окружающий мир в соответствии с этой идентификацией (их мировоззрение), и только потом определяют свои интересы. Результатом этого процесса является их отношение к регионам мира и другим акторам, конкурирующим или сотрудничающим с ними.

В данном исследовании рассматриваются примеры Российской Федерации, Турецкой Республики и Исламской Республики Иран в отношении их политики в Центральной Азии и на Южном Кавказе. Через сравнительный анализ «самых разных случаев» (most different cases analysis) эта диссертация показала тесную взаимосвязь между мировоззрением акторов и их региональной политикой. Она также показала динамический характер региональной политики в том смысле, что страны адаптируют свои региональные стратегии одновременно с изменением своей идентичности.

Российская Федерация прошла через фундаментальные испытания после распада Советского Союза в 1991 г. Превращение из одного из центров биполярного мира в члена «европейской цивилизации» привело к тому, что до второй половины 1990-х гг. постсоветскому пространству уделялось все меньше внимания. Этот этап завершился, когда элиты в Москве переоценили свои расчеты в связи с разочарованием в западных партнерах, укреплением страны после катастрофических условий начала 1990-х гг. и появлением многополярного мира, вызванного упадком гегемонии США и подъемом держав за пределами Запада.

На первом этапе внешней политики России Центральная Азия и Южный Кавказ не были в центре внимания. В этот период даже существовал подход, при котором регион рассматривался как обуза для Москвы. Приоритет интеграции с западным миром был движущей силой этого подхода. Однако России приходилось

иметь дело с возникающими конфликтами в регионе, включая азербайджано-армянский конфликт, проблемы Абхазии и Южной Осетии с Грузией и гражданскую войну в Таджикистане. В Москве становилось очевидным, что системные проблемы региона не могут быть решены в рамках европейских механизмов безопасности. Тем не менее, за исключением вопросов безопасности, взаимодействие с новыми республиками не было приоритетным. Идеи экономической интеграции еще не возникли, напротив, страны Центральной Азии и Южного Кавказа были вытеснены из уже существующей рублевой зоны.

Разногласия России с западными странами проявились после кризиса на Балканах и интервенции НАТО в бывшую Югославию. Общественность также негативно реагировала на европейскую внешнюю политику. Поэтому во второй половине 1990-х гг. Москва изменила свой курс в сторону более сбалансированной дипломатии, сделав акцент на отношениях с евразийскими игроками, такими как Индия, Китай и Иран. Символом этой новой политики стал Е. Примаков, занимавший пост министра иностранных дел, а затем премьер-министра.

«Эффект Примакова» в российской внешней политике проявился в ближнем зарубежье как укрепление связей с новыми республиками, стремление к экономической интеграции и соперничество с нерегиональными акторами за то, чтобы не потерять выгодное положение. Однако Россия по-прежнему страдала от финансовых трудностей, и эта попытка не принесла краткосрочных результатов до 2000 г.

В 2000-х гг. в России наблюдался значительный рост благодаря позитивной ситуации в экономике и высоким ценам на нефть. Это усилило самоидентификацию России в качестве одного из центров многополярного мира. Подход к западным игрокам, с другой стороны, имел свои взлеты и падения. Россия открыто поддержала инициативу США по «глобальной войне с терроризмом» и даже предложила логистическую поддержку американской армии в ее операции в Афганистане. Однако этот положительный настрой сменился разочарованием, когда Вашингтон в одностороннем порядке принял решение о вторжении в Ирак в 2003 г.

Поэтому характерными чертами российской внешней политики в Центральной Азии и на Южном Кавказе после 2000-х гг. стали: 1) больше финансовых ресурсов для действий; 2) новые риски, вызванные присутствием США в регионе; 3) новые угрозы, с которыми необходимо бороться, особенно терроризм и радикализм; 4) новые акторы для сотрудничества, особенно Китай. В этих условиях Россия укрепила военные связи с новыми республиками в рамках Организации Договора о коллективной безопасности, добивалась большей экономической интеграции через торговые соглашения и сотрудничала с Китаем, создав Шанхайскую организацию сотрудничества.

«Евразианизация» российской внешней политики пошла еще дальше после мирового финансового кризиса 2007-8 гг. Кризис продемонстрировал как слабости либерального миропорядка, так и сильные стороны развивающихся держав. Однако до украинского кризиса 2014 г. отношения с европейскими акторами сохранялись. Этот последний момент перелома укрепил «евразийскую» самоидентификацию Москвы и ее объединяющую функцию для России в многополярном мире. Последний этап этого процесса проявился с обострением ситуации на Украине и давлением Запада на Москву после этого в 2022 г.

Анализ показывает, что современная самоидентификация Российской Федерации — это евразийский, самодостаточный и независимый центр силы, имеющий собственную зону влияния. В этом мировоззрении Центральная Азия и Южный Кавказ представляют жизненно важные интересы для Москвы, поэтому соперничество с нерегиональным актором в этом регионе неприемлемо. На другом уровне существуют новые незападные экономики, с которыми может быть выгодно вести бизнес. И на третьем уровне, на Западе все более усиливается тенденция к унилатеральному подрыву принципа невмешательства и суверенитета. Эти три уровня воспринимаемых угроз и возможностей подтолкнули Москву к созданию трехслойной политики в Центральной Азии и на Южном Кавказе. В центре находятся жизненно важные интересы, и не должно быть никакого нерегионального влияния, способного конкурировать с Москвой. Этот уровень выражается в глубоких и узких интеграционных проектах, таких как Евразийский

экономический союз и Организация Договора о коллективной безопасности. На втором уровне - более широкое евразийское партнерство, ярчайшим примером которого является проект «Большая Евразия», направленный на объединение ЕАЭС с китайскими инвестиционными и инфраструктурными проектами. И на третьем уровне - антигегемонистский дискурс через слабо интегрированные механизмы, такие как БРИКС или ШОС. Москва достаточно тщательно проводит границы между этими уровнями. Например, не позволяет ни одному актору присоединиться к проектам на первом уровне, в то же время добиваясь увеличения числа членов ШОС, чтобы усилить свой нарратив.

Подводя итог, автор диссертации утверждает, что политика России в Центральной Азии и на Южном Кавказе формируется на основе ее мировоззрения, которое рассматривает регион как ядро российских интересов. Поэтому неоспоримая роль и место Москвы в регионе считаются более важными, чем любые политические или экономические выгоды.

Второй пример исследования, Турецкая Республика, также уделяет значительное внимание региону с 1991 г. Самоидентификация Анкары в международной политике эволюционировала от части европейской системы к более независимому актору, стремящемуся к достижению собственных интересов. Сразу после распада Советского Союза турецкие руководители проводили политику, направленную на повышение ценности Турции в глазах западных партнеров. Такой подход был вызван окончанием холодной войны, в которой Анкара рассматривалась как передовая линия борьбы между двумя лагерями биполярного мирового порядка.

Поэтому в 1990-е гг. Турция начала «наступление очарования» в Центральной Азии и на Южном Кавказе, подчеркивая этническую и религиозную общность с новыми республиками. Одновременно Анкара стремилась к интеграции в Европейский Союз и пыталась представить свое потенциальное влияние в постсоветской географии как преимущество для Запада. Это включало инфраструктурные и энергетические проекты, которые связали бы этот новый регион с Европой через Турцию. Однако географические препятствия не позволили

Турции выполнить эту задачу. Любой проект, который проходил через иранский маршрут, постоянно блокировался американцами. Отношения с Арменией испортились из-за войны с Азербайджаном, а Грузия также боролась со своими проблемами в Абхазии и Южной Осетии. В этот период Турция также испытывала политические и финансовые трудности, а институциональная структура не была готова к реализации амбициозных инициатив в Центральной Азии и на Южном Кавказе. Тем не менее, этот начальный этап обеспечил Анкаре институциональную основу ее евразийской политики, которая продолжается и по сегодняшний день.

С приходом к власти Партии справедливости и развития в 2002 г. Турция начала придерживаться более активной дипломатии. Рамки этого нового подхода были разработаны политологом А. Давутоглу и были направлены на увеличение влияния Турции во всем мире путем создания «стратегической глубины». Эта цель преследовалась посредством активной дипломатии, экономического сотрудничества и культурного взаимодействия.

Хотя экономические и политические отношения со странами Центральной Азии и Южного Кавказа были значительно укреплены благодаря политике ПСР, подход «стратегической глубины» имел много столпов, включая Балканы, Ближний Восток, Африку и Латинскую Америку. Поэтому отношения с тюркскими странами не были первостепенными в турецкой внешней политике. Нарратив «старшего брата» по отношению к новым республикам прекратился, а взаимодействие с ними было поставлено на прочную институциональную основу. Результат такого прагматичного подхода был выгоден как для Анкары, так и для тюркских республик.

Подход «стратегической глубины» в контексте концепции «ноль проблем с соседями» потерял свое значение с появлением народных движений в арабском мире после 2011 г. Инструменты «мягкой силы» уступили свое место более прямому участию в местных событиях в таких странах, как Ливия, Египет и Сирия. Следствием этого стало ухудшение отношений с рядом ближневосточных стран. Период кризисов с 2011 г. достиг своего пика после попытки государственного

переворота 15 июля 2016 г. После этого Турция провела переоценку своей внешней политики, а инициатива стратегической глубины стала частью истории.

В то же время отношения Турции с партнерами из Центральной Азии и Южного Кавказа сохранили положительную тенденцию. Однако российские санкции после «самолетного кризиса» негативно сказались на отношениях Турции с теми странами, которые глубоко интегрированы с Российской Федерацией. Бурные времена завершились сближением Анкары и России весной 2016 г. Роль Казахстана и Азербайджана в этом процессе показала еще один положительный аспект региональной политики Турции. Поскольку санкции наносили ущерб и их экономике, они подтолкнули Анкару и Москву к решению этого вопроса.

Вышеупомянутые кризисы во внешней политике Турции заставили создателя «Стратегической глубины» А. Давутоглу уйти в отставку с поста премьер-министра. Вскоре после этого события 15 июля 2016 г. произошла попытка государственного переворота, которая была заблокирована людьми на улице и силами безопасности. После этого Партия справедливости и развития изменила внешнюю политику в сторону более прагматичного, менее авантюристического курса. Этот новый подход избегает прямых конфликтов с великими державами (как это произошло в 2015 г.) и стремится балансировать между Западом и Россией. При этом использует появляющиеся возможности для усиления своего влияния в соседних регионах.

С 2016 г. Турция проводила военные операции на севере Сирии, создала базы в Ливии, Сомали и Катаре, экспортировала военное оборудование (особенно беспилотники) на новые рынки и сыграла значительную роль, поддержав Азербайджан в войне в 2020 г. В то же время продвигалось сотрудничество с Россией, иногда ценой ухудшения отношений с США (как это произошло в кризисе С-400/F-35). Это показывает, что Турция диверсифицировала свои интересы от интересов западных игроков и самостоятельно стремится максимизировать свое влияние.

Автор считает, что движущей силой политики Турции в Центральной Азии и Южном Кавказе является усиление ее роли как влиятельной державы путем: 1)

подключения региональных энергетических ресурсов к мировым рынкам через Турцию; 2) прямого доступа к региональным рынкам через инфраструктурные проекты; 3) поддержки республик на международной арене, чтобы выступить в качестве глобального актора. Для достижения этих целей Анкара соблюдает тонкий баланс между максимизацией своих интересов и учетом реакции любого другого влиятельного игрока, особенно России. В этой задаче ухудшающаяся ситуация в турецкой экономике и географическая отдаленность от стран региона представляются самыми большими ограничениями, в то время как сильные культурные связи являются наиболее заметным преимуществом для Анкары.

Для Исламской Республики Иран давление со стороны США является самым большим препятствием в его внешней политике со времен революции 1979 г. Вскоре после установления революционного режима Тегеран в течение восьми лет воевал с Ираком и одновременно противостоял санкциям Вашингтона. До 1990-х гг. Иран идеологически дистанцировался от Советского Союза, но отказался от экспорта исламской революции в направлении его среднеазиатских и закавказских территорий.

В 1990-е гг. Тегеран сосредоточился на консолидации исламистского режима в Иране путем укрепления внутренней экономической и политической ситуации через международное сотрудничество. Этого подхода придерживались занявшие высшие государственные посты политики-реформаторы А.А. Рафсанджани и С.А. Хатами. Появление постсоветских республик приветствовалось, и Тегеран начал экономическое и культурное взаимодействие с ними. Однако это также создавало риск того, что США будут стремиться усилить свое влияние в регионе для усиления давления на ИРИ с севера и востока. Операция НАТО в Афганистане и военные базы в Узбекистане и Кыргызстане указывали на такую возможность. В регионе Южного Кавказа националистические настроения в Азербайджане были еще одной проблемой для Тегерана, учитывая значительное азербайджанское меньшинство в северо-западном Иране.

В начале 2000-х гг. ядерная программа Ирана стала крупнейшей внешнеполитической темой для иранской дипломатии. Санкции ООН усилили

международную изоляцию ИРИ. В это время попытки Ирана заручиться поддержкой республик Центральной Азии в антигегемонистском дискурсе в рамках Организации экономического сотрудничества были отвергнуты. Региональные игроки не хотели столкнуться с негативной реакцией западных стран, а также с подозрением относились к политической системе Ирана. Эти ограничения подтолкнули Иран к проведению более мягкой и менее активной политики в Евразии в отличие от его ближневосточной стратегии. Конфронтация Ирана с Западом углубилась во время президентства популистского политика М. Ахмединежада. Чтобы преодолеть изоляцию, его администрация обратилась на Восток и добивалась членства в Шанхайской организации сотрудничества, а также пыталась улучшить отношения с некоторыми республиками Центральной Азии с помощью таких мер, как создание организации персоязычных стран. Тем не менее, единственным положительным результатом стало получение Ираном статуса наблюдателя в ШОС. Организация персоязычных стран не принесли никаких конкретных результатов. В период его президентства отношения с Таджикистаном и Азербайджаном также столкнулись с серьезными проблемами. Неудачи во внешней политике сказались и на отношениях с Москвой, когда Российская Федерация присоединилась к эмбарго на поставки оружия Ирану и аннулировала договор о продаже Ирану систем ПВО С-300.

В этих условиях новый президент Х. Рухани предстал как рациональный игрок, который найдет выход из международной изоляции. Он добивался консенсуса на ядерных переговорах и выполнил эту задачу в 2015 г., подписав Совместный всеобъемлющий план действий. Это вселило надежды на то, что Иран откроется для мировых рынков благодаря снятию санкций. Х. Рухани также попытался снять проблемы в отношениях с республиками Центральной Азии и Южного Кавказа. Так, в отношениях с Баку, дипломатическая напряженность уступила место подходу, ориентированному на взаимную выгоду. Примечательным аспектом этого развития стал успех иранской администрации в достижении этого без ущерба для позитивных отношений с Арменией.

Позитивная тенденция, связанная с подписанием СВПД, прервалась после того, как американский президент Д. Трамп начал проводить политику «максимального давления». Она включала в себя одностороннюю отмену СВПД, объявление Корпуса стражей исламской революции террористической организацией и убийство высокопоставленных иранцев.

Администрация сосредоточилась на том, чтобы заставить США вернуться к соглашению. Это было поддержано другими сторонами, подписавшими СВПД, включая ЕС, Россию и Китай. Однако администрация Д. Трампа не сделала ни шагу назад в отношении дополнительных условий к «ядерной сделке», и переговоры не смогли продвинуться вперед. Ухудшение ситуации в иранской экономике вызвало протесты, и офис Верховного лидера дистанцировался от текущих переговоров. Эта ситуация завершилась избранием И. Раиси – кандидата от иранского консервативного политического истеблишмента.

Внешнеполитический подход администрации И. Раиси сосредоточен на укреплении связей Ирана с незападными игроками, чтобы уменьшить влияние санкций на иранскую экономику. В отличие от позиции Х. Рухани, новый президент не ставит в приоритет переговоры о возобновлении СВПД. В то же время Иран убедил Таджикистан снять свое вето на членство ИРИ в ШОС. Иран также пытается укрепить свои связи с евразийскими державами - Россией, Китаем и Индией. Это включает в себя проекты коридора Север-Юг, Нового шелкового пути и порта Чехебар, все они направлены на соединение стран Южного Кавказа и Центральной Азии с мировыми рынками через иранскую территорию.

Одним из важных событий в политике Ирана на постсоветском пространстве являются последствия азербайджано-армянской войны 2020 г., которые нарушили статус-кво на Южном Кавказе. Рост националистических настроений среди азербайджанского меньшинства в Иране, усиление позиций Турции на Кавказе и тесные военные связи Баку с Израилем вызвали беспокойство в Тегеране и привели к напряженности в азербайджано-иранских отношениях. Поскольку Иран пытается защитить статус-кво на Южном Кавказе, риск появления новой точки давления является неприемлемым в глазах иранских руководителей.

Исследование показало, что Россия, Турция и Иран формируют свою региональную стратегию в соответствии со своим мировоззрением и самоидентификацией в этом мире. Это динамичный процесс, который меняется со временем, и современная тенденция указывает на то, что важность региона в глазах всех трех акторов возрастает. Попытка России создать свой собственный центр силы в многополярном мировом порядке вступила в необратимую стадию с конфронтацией с Западом после украинского кризиса 2022 г. Новая стратегия Турции действовать самостоятельно позволяет ей иметь больше возможностей для маневрирования в Центральной Азии и на Южном Кавказе, что видно по растущему военному (оружейные сделки с Азербайджаном и Казахстаном), дипломатическому (создание Организации турецких стран) и экономическому (проекты Каспийского газового маршрута и Среднего коридора) сотрудничеству с региональными акторами. Многолетний подход Ирана к защите регионального статус-кво уже устарел, и Тегеран хочет сбалансировать свою внешнюю политику в сторону большего внимания к евразийской шахматной доске.

В данном исследовании также были изучены двусторонние отношения между тремя участниками региона и показано, что взаимозависимость между ними слишком высока, чтобы подвергать ее риску ради любой возможной индивидуальной выгоды от региона. Показатели их двусторонней торговли несопоставимы с их торговлей со странами региона. Более того, у них есть другие области, требующие координации в других регионах, например, в Сирии, Ираке или Ливии. Поэтому конкурирующих интересов в Центрально-Азиатском и Кавказском регионе недостаточно для этих акторов, чтобы поколебать сложившийся хрупкий баланс, который содержит множество взаимовыгодных дипломатических, экономических или военных вопросов.

Подводя итог российско-турецким отношениям, можно сказать, что два актора являются партнерами в таких мегапроектах, как «Турецкий поток» и «АЭС Аккую», начали военное партнерство с покупки Турцией системы ПВО С-400, установили общее военное патрулирование в Сирии и создали центр наблюдения в Азербайджане. Кроме того, Турция не присоединилась к западным санкциям

против России после кризиса на Украине в 2022 г. и вместо этого пытается играть конструктивную роль в сближении Москвы и Киева. Экономические отношения также сильны, в основном благодаря продаже Россией природного газа в Турцию, но также включают турецкий туризм, сельскохозяйственную продукцию и строительный сектор. Эта сложная сеть взаимодействий слишком деликатна и ценна как для Москвы, так и для Анкары, чтобы рисковать ради каких-либо конкурирующих интересов в Центральной Азии или на Южном Кавказе.

В российско-иранских отношениях есть общее недовольство мировым порядком, поддерживаемый США, и они оба находятся под серьезным давлением и санкциями со стороны коллективного Запада. Кроме того, у них схожая позиция в сирийской гражданской войне, выражающаяся в поддержке Башара Асада. В Каспийском море также обе страны отстаивают принцип недопущения в регион нерегиональных игроков. Хотя двусторонняя торговля между Россией и Ираном не так высока, как российско-турецкая или турецко-иранская (из-за схожего типа экономики России и Ирана, экспортирующих нефть и газ), она все же выше, чем их экономическое партнерство с большинством центральноазиатских и закавказских республик.

Турецко-иранские отношения, со своей стороны, характеризуются балансом между многими контрастирующими интересами и стремлением к сотрудничеству. Два соседа имеют значительный объем двусторонней торговли, включая энергетику, туризм и промышленную продукцию. Турция активно выступает за отмену санкций в отношении Ирана и пытается добиться от США специальных исключений, чтобы не присоединяться к ним. Однако у двух стран есть много конфликтных интересов. Например, напряженность между Турцией и Ираном возникла после азербайджано-армянской войны в 2020 г. Обе страны были достаточно осторожны, чтобы не позволить этому событию разрушить их партнерство, поскольку они считают выгоды от партнерства более ценными, чем результаты возможной конфронтации.

Трехстороннее сотрудничество между Москвой, Анкарой и Тегераном находится на довольно низком уровне. За исключением Астанинского мирного

процесса, эти страны не состоят одновременно ни в одной из международных организаций, хотя существует множество общих проблем или областей партнерства, которые ждут их совместных действий. Автор диссертации считает, что этот недостаток взаимодействия может быть решен путем расширения уже существующих механизмов или создания новой региональной организации, включающей Россию, Турцию и Иран.

Список использованной литературы

Официальные документы

На русском языке

1) Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. [Электронный ресурс] // Кремль. –10.02.2007. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 10.03.2022).

2) Договор между Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. [Электронный ресурс] // Электронный Фонд Нормативно-Технической И Нормативно-Правовой Информации – 21.05.1996 – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/1901125 (дата обращения: 18.01.2022).

3) Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 04.02.2022).

4) Договор о коллективной безопасности. [Электронный ресурс] // Электронный Фонд Нормативно-Технической И Нормативно-Правовой Информации –21.04.1999. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/1900489 (дата обращения: 03.02.2022).

5) Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза. [Электронный ресурс] // Электронный Фонд Нормативно-Технической И Нормативно-Правовой Информации –10.10.2000. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/902200992 (дата обращения: 19.01.2022).

6) Евразийский банк развития (ЕАБР) [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://eabr.org/press/news/mishustin-v-eaes-aktivno-realizuetsya-svoboda-dvizheniya-tovarov-uslug-rabochey-sily-i-kapitala (дата обращения: 11.12.2021).

7) Евразийский Экономический Союз - Общая информация. [Электронный ресурс] // – Режим доступа: http://www.eaeunion.org/?lang=ru#about-info (дата обращения: 28.01.2022).

8) Конвенция о правовом статусе Каспийского моря [Электронный ресурс] // Кремль. –12.08.2018. – Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/5328 . (дата обращения: 09.01.2022).

9) Оригинальный текст выступления н.а. назарбаева 29 марта 1994 г. в московском государственном университете. [Электронный ресурс] // ИА-Центр. – 29.03.1994. – Режим доступа: https://ia-centr.ru/publications/originalnyy-tekst-vystupleniya-n-a-nazarbaeva-29-marta-1994-g-v-moskovskom-gosudarstvennom-universit/ (дата обращения: 30.01.2022).

10) Соглашение о Таможенном союзе, 29 Января 1997 г. № 21-ФЗ [Электронный ресурс] // Электронный Фонд Нормативно-Технической И Нормативно-Правовой Информации – 29.01.1997. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/1900670 (дата обращения: 08.11.2021).

11) Указ Президента Российской Федерации от 05.02.2010 г. № 146 О Военной доктрине Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Кремль. – 05.02.2010. – Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/bank/30593/page/2 (дата обращения: 14.03.2022).

12) Указ Президента Российской Федерации от 05.02.2010 г. № 146 о Военной доктрине Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Кремль. – 05.02.2012. – Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/bank/30593/ (дата обращения: 07.03.2022).

13) Устав Организации договора коллективной безопасности. [Электронный ресурс] // Организация договора коллективной безопасности – 26.04.2012. – Режим доступа: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/#loaded (дата обращения: 15.02.2022).

14) Четыре свободы в ЕАЭС. [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия –02.02.2016. – Режим доступа:

http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/02-02-2016-inf.aspx (дата обращения: 18.04.2022).

15) Число иностранных студентов в России за три года выросло на 26 тысяч [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации. –18.01.2022. – Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=46158 (дата обращения: 15.01.2022).

На английском языке

16) Agreement On Foundation on Of EEC. [Электронный ресурс] // World Bank. – – Режим доступа: https://wits.worldbank.org/GPTAD/PDF/archive/EAEC.pdf (дата обращения: 28.01.2022).

17) Charter Of The Organızatıon Of The Black Sea Economıc Cooperatıon [Электронный ресурс] // Black Sea Economic Cooperation – Режим доступа: http://www.bsec-organization.org/UploadedDocuments/StatutoryDocumentsAgreements/CHARTERFourthEdition.pdf (дата обращения: 17.06.2021).

18) Constitution of the Islamic Republic of Iran. [Электронный ресурс] // World Bank – Режим доступа: https://publicofficialsfinancialdisclosure.worldbank.org/sites/fdl/files/assets/law-library-files/Iran_Constitution_en.pdf (дата обращения: 08.04.2022).

19) History of the Organization. [Электронный ресурс] //Economic Cooperation Organization – Режим доступа: http://www.eco.int/general_content/86055-History.html (дата обращения: 09.11.2021).

20) Joint Communique of the Second Trilateral Meeting of the Ministers of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan, Georgia and the Republic of Turkey, 28 March 2013, Batumi. [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Turkey – 28.03.2013. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.tr/joint-communique-of-the-second-trilateral-meeting-of-the-ministers-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-azerbaijan_-georgia-and.en.mfa (дата обращения: 17.09.2021).

21) KTMU at a Glance [Электронный ресурс] //Kyrgyz-Turkish Manas University – Режим доступа: https://www.manas.edu.kg/en/about_manas/ktmu_at_a_glance (дата обращения: 20.08.2021).

22) Nakhchivan Agreement on the Establishment of the Cooperation Council of Turkic Speaking States [Электронный ресурс] // TÜRKKON – Режим доступа: https://www.turkkon.org/assets/pdf/temel_belgeler/nakhchivan-agreement-on-the-establishment-of-the-copperation-council-of-turkic-speaking-states-1-en.pdf (дата обращения: 18.01.2022).

23) Our Members [Электронный ресурс] // TURKSOY– Режим доступа: https://www.turksoy.org/members/ (дата обращения: 21.11.2022).

24) Security Council Imposes Additional Sanctions on Iran, Voting 12 in Favour to 2 Against, with 1 Abstention [Электронный ресурс] // United Nations Security Council – 09.06.2010. -Режим доступа: https://www.un.org/press/en/2010/sc9948.doc.htm (дата обращения: 07.03.2022).

25) Statement by President of the Republic of Azerbaijan, Prime minister of the Republic of Armenia and President of the Russian Federation," 10 November, 2020 [Электронный ресурс] // Kremlin. –10.11.2020. – Режим доступа: http://en.kremlin.ru/events/president/news/64384 (дата обращения: 09.01.2021).

26) Trabzon Declaration Of The Ministers Of Foreign Affairs Of The Republic Of Azerbaijan, Georgia And The Republic Of Turkey, 08 June 2012, Trabzon [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Turkey –08.06.2012– Режим доступа: https://www.mfa.gov.tr/trabzon--declaration-of-the-ministers-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-azerbaijan_-georgia-and-the-republic-of-turkey_-08-june-2012_-trabzon.en.mfa. (дата обращения: 14.10.2021).

27) Turkey's Multilateral Transportation Policy [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Turkey. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.tr/turkey_s-multilateral-transportation-policy.en.mfa, (дата обращения: 12.06.2021).

На турецком языке

28) Dünyada Maarif Vakfı [Фонд Маариф в мире] [Электронный ресурс] // Maarif Vakfı – Режим доступа: https://turkiyemaarif.org/page/2018-DUNYADA-MAARIF-16 (дата обращения: 14.09.2021).

29) Gürcistan Ülke Profili [Справочная информация о Грузии] [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Ticaret Bakanlığı – Режим доступа: https://ticaret.gov.tr/data/5ef464c013b8767a58021859/Gürcistan%20Ülke%20Profili-Kasım%202021.pdf. (дата обращения: 17.09.2021).

30) Gürcistan'a Seyahat Edecek Türk Vatandaşlarının Dikkatine [Вниманию граждан Турции, которые отправятся в Грузию] [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Turkey– Режим доступа: https://www.mfa.gov.tr/gurcistan-seyahat-edecek-turk-vatandaslarinin-dikkatine.tr.mfa. (дата обращения: 13.10.2021).

31) Organizasyon Tarihçesi [История организации] [Электронный ресурс] // TÜRKKON – Режим доступа: https://www.turkkon.org/en/organizasyon-tarihcesi (дата обращения: 28.01.2022).

32) TIKA 2013 Faaliyet Raporu (Отчет о деятельности) [Электронный ресурс] // TIKA – Режим доступа: https://tika.gov.tr/yayinlar/faaliyet-raporlari/faaliyet-raporu-2013.pdf. (дата обращения: 12.09.2021).

33) Türkiye-AB Arasında 18 Mart'ta Varılan Mutabakata İlişkin Soru-Cevaplar [Вопросы и ответы по соглашению между Турцией и ЕС от 18 марта] [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Turkey– Режим доступа: https://www.mfa.gov.tr/turkiye-ab-arasinda-18-mart_ta-varilan-mutabakata-iliskin-soru-cevaplar.tr.mfa. (дата обращения: 06.11.2021).

34) Üniversitemiz Hakkında [О нашем университете] [Электронный ресурс] // Ahmet Yesevi Üniversitesi – Режим доступа: https://www.ayu.edu.tr/universitemiz (дата обращения: 14.09.2021).

35) Yatırım İstatistikleri [Статистика инвестиций] [Электронный ресурс] // Sanayi ve Ticaret Bakanlığı – Режим доступа: https://sanayi.gov.tr/istatistikler/yatirim-istatistikleri/mi0803011615 (дата обращения: 19.01.2022).

36) Yurt Dışı Okullarımız [Наши школы за рубежом] [Электронный ресурс] // Milli Eğitim Bakanlığı [Министерство образования] – Режим доступа: http://yyegm.meb.gov.tr/www/yurt-disi-okullarimiz/icerik/366 (дата обращения: 14.09.2021).

Научная литература

На русском языке

37) Аватков В.А. Внешнеполитический процесс в современной Турции/ Под ред. Д.В. Стрельцова. Внешнеполитический процесс на востоке. Москва: Аспект Пресс, 2018 –С. 349.

38) Аватков В.А. Внутренняя политика Турции 2002-2018. Москва: Юрайт, 2019. –С. 213

39) Аватков В.А., Рыженков А.С. «Правый поворот» в Турции в европейском контексте. // Вестник РУДН. –2019. 19(4), с 597-606.

40) Айар Б. Поворот Ирана на Восток: Оценка кавказской и центральноазиатской политики администрации Ибрахима Раиси / Б. Айар // Мировая Политика. – 2021. – № 4 – с. 44-51

41) Айар Б. Российская модель взаимоотношений в Евразии / Б. Айар // Вопросы Политологии. – 2021. – Т. 11. – № 12. – с. 3682-3688.

42) Айар Б. Роль идентичности во внешней политике Турции (на Южном Кавказе и в Центральной Азии) / Б. Айар // Научно-Аналитический Журнал Обозреватель – Observer. – 2021. – № 12 – с. 35-43

43) Агазаде М.М. Азербайджано-иранские отношения: Предпосылки, основные направления и особенности / М.М. Агазаде. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 160 с.

44) Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосный мир. // Сравнительная Политика –2014. –№1(4), с. 4-21.

45) Алексеева Т.А. Теория Международных Отношений как политическая философия и наука / Т.А. Алексеева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С.562.

46) Андреева Е.С. Интересы Ирана на Южном Кавказе сквозь призму отношений Тегерана с Арменией. // Проблемы национальной стратегии. –2019. – №1(52), с 110-122.

47) Арефьев П. А. Образовательная деятельность российских вузов за рубежом / П. А. Арефьев // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. – 2019. – № 4. – С. 463-471.

48) Атрисангари Ф. Внешняя Политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы. Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2020 Том 22. №1, с. 35.

49) Бабаджанов А.Я.. Анализ военных доктрин государств – участников ОДКБ / Вестник МГИМО-Универсмтета. – 2009. №3. – С. 60-66

50) Байков, А.А. Международные отношения в постсоветском ареале. / Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в 21 веке / Под ред. Т.А. Шаклейной, А.А. Байкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. 448 с.

51) Бобров, А.К. Концептуальные основы внешней политики России: Научное мздание / А.К. Бобров. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 224 с.

52) Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. – 2007. – Т.5. - № 1. – С.54 – 69.

53) Богатуров. А. Д. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы: Учеб. Пособие для студентов вузов. Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2018. –С. 560.

54) Богачева А. (2020) Исламская Республика Иран: итого долгого пути. Ближний Восток: Политика и идентичность. Коллективная монография / Под ред. И.Д. Звягельской / ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020, с.94-111.

55) Богачева А. Исламская Республика Иран: итоги и долгого пути. /. Ближний Восток: Политика и идентичность. Коллективная монография / Под ред. И. Д. Звягельской / ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 336 с.

56) Бордачев Т.В. Что Россия может дать Азии? // Вопросы географии. Сб.148. –с 71-75.

57) Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. Евразицская повестка сотрудничества // Вестник Международных Организаций. –2018. –Т. 13. –№ 3, с. 33-51.

58) Виноградов А.В. Россия в Евразии: между Китаем и Западом. Идентичность, идеология и геополитика. // Контуры глобальных трансформаций. – 2019. –Том 12. –№2, –с. 228-246.

59) Гарбузарова, Е.Г. Инструменты «мягкой силы» Ирана в Кыргызстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. –2020. – Т.22. –№ 1. –С. 22-31.

60) Гарбузарова, Е.Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах./ Е.Г. Гарбузарова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 192 с. С. 148.

61) Геворгян, А.Г., Енокян, А.В., Мелконян, Л.А. Политика Турции и интересы России в Закавказье в начале XXI века // Вестник гуманитарного образования. –2020. –№3(19), с 72-84.

62) Денисов И.Е., Сафранчук И.А. Четыре Проблемы Шос В Свете Вопроса О Расширении Организации // Вестник МГИМО-Университета. –2016 №3(48), –с 112-122.

63) Джаббари Насир Х. Р. Иран и Израил во Внешней политике России: Ограничения на пути сотрудничества // Сравнительная Политика. –2020. –т.11. –№. 1. –с. 44-65.

64) Джаббари-Насир Х. Р. Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана // Известия Сар. у-та. –2019. т.19. №1. –с. 106-112.

65) Дружиловский С.Б. Социальные протестные выступления в Исламской Республике Иран // Вестник МГИМО. –2015. –№4(43). –с. 216-221.

66) Дружиловский С.Б., Аватков В. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002-2012 гг.) // Обозреватель. –2013. –№6Ш. –с 73-89.

67) Дружиловский С.Б.. Армия в Турции. / Под ред. Д.В. Стредьцова. Армии на современном востоке. Москва: Аспект Пресс, 2018 – С. 380.

68) Дружиловский С.Б.. Внешнеполитический процесс в Республике Иран/ под ред. Д.В. Стрельцова. Внешнеполитический процесс на востоке. Москва: Аспект Пресс, 2018 – С. 350.

69) Дружиловский, С.Б. Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике. –2005. –№3(5), –с 48-61.

70) Дружиловский, С.Б. Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции // Вестник МГИМО. –2010. –№1(10) , –с.166-176.

71) Дынкин А. Телегина Е. Халова Г. Роль Евразийского Экономического Союза в формировании Большой Евразии // Мировая Экономика и Международные отношения –2018 –Т.62. –№.3. –с.5-24.

72) Егиков А.А. Внешняя Политика Исламской Республики Иран в урегулировании Нагорно-Карабахского Конфликта. // Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» Серия: гуманитарные науки. – 2020. –№4-2, –с. 29-31.

73) Еремеев Д. Е.. История Турецкой Республики: с 1918 года до наших дней // Москва: Квадрига, –2017. –С. 317.

74) Жильцов С. Энергетическая Политика Турции в Каспийском регионе // Геоэкономика энергетики. –2021. –№2(14). – с. 32-48.

75) Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийский регион: Политика, экономика, сотрудничество// Москва: Аспект Пресс, –2017.–С.303.

76) Иванова И. И. Турция в Центральной Азии: партнер или соперник? // Азия и Африка сегодня. –2019. –№7. –с. 39-47.

77) Иванова И. И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923-2016). Москва: Аспект Пресс, 2019 – С. 424.

78) Ирхин А.А. Американский план «Большой Ближний Восток» и турецкая концепция «Стратегической глубины» // Вестник Томского государственного университета –2018. –№432. –с 98-104.

79) Казанцев А. А. Международные сети джихадизма: центральная Азия, Кавказ, ближный восток и Афганистан // Москва: издательство «МГИМО-Университета, –2019 –С. 256.

80) Караганов С.А. Уход военного превосходства запада и геоэкономика // Полис. –2019. №6 –С 8-21

81) Кожанов Н. Иран: в поисках своего места в международных отношениях. В Ближний Восток: Политика и идентичность. Коллективная монография / Под ред. И.Д. Звягельской / ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Аспект Пресс». –2020, –с. 236.

82) Коновалов И. Кавказская шахматная доска. / М.: Издатель Воробьев, – 2021. –156 С.

83) Лебедева М.М.Мировая Политика – 4-е изд. // М.: КНОРУС, –2020. – С.256.

84) Лукин А.В. Новиков Д.П. От Большой Евровы к Большой Евразии что несет миру коренной геополитический сдвиг // Восток (oriens) –2019 –№5. –с. 57-69.

85) Лукин А.В. Россия и Китай в Большой Евразии // Полис –2020 –№5 С 46-59.

86) Максимова, С. Г. Постсоветские миграции населения стран СНГ и безопасность российских регионов: социологический анализ / С. Г. Максимова // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и техники : Сборник научных статей международной конференции: электронный ресурс, Барнаул, 13–16 ноября 2018 г. / Ответственный редактор: Родионов Е. Д.. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2018. – С. 2163-2173.

87) Межуев Б.В. Турция, Россия и Европа с позиции «цивилизационного реализма» // Полис. –2019. –№6. –с. 53-66.

88) Москаленко В.А. «Мягкая сила» Турции в интеграционных процессах в Центральной Азии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. –2021. –№4-1, –с. 128-132.

89) Мухаметов. Р.С. Внешняя политика России в ближнем зарубежье // Москва: Юрайт, –2018. –С. 108.

90) Офлаз, Б. Геополитические стратегии региональных держав на южном Кавказе // Политология. –2013. –с.146-151.

91) Примаков Е.М. Внешняя политика России: задачи и перспективы. / И.С. Иванов (под ред.) Внешняя Политика России 2000-2020 Том 1 // М.: Издательство «Аспект Пресс», –2012. –С. 220.

92) Притчин С.А. Россия на Каспии: Поиски оптимальной стратегии // Москва: Аспект Пресс. –2018. –С. 218.

93) Раванди-Фадаи Л. М. Роль религиозного наставничества в современной истории Ирана и региона / Л. М. Раванди-Фадаи // Труды Института востоковедения РАН. – 2017. – № 5. – С. 437-445.

94) Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. Движущие Силы Российского Поворота на Восток // Comparative Politics. –2020. –№11(1). –с. 111-125.

95) Санаи, М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы // М. Иранская библиотека. –2020. –С. 320.

96) Саркарова Н. А. Национальные Интересы И Национализм Вопросы теории и практики // Тамбов: Грамота, –2017. –№ 12. –С.170-174.

97) Сафранчук И. А. Российская политика в Центральной Азии: Стратегический контекст // Записка Аналитического центра Обсерво –2014. –№8. –С. 43-46.

98) Свистунова И.А. В поисках новой модели: отношения Турции и США в сфере безопасности. // Вестник МГИМО. –2016. –С.53-61.

99) Свистунова И.А. Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса // Вестник МГИМО. –2019. –№12(4). –с 130-144.

100) Скриба А.С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // Вестник Международных Организаций. –2016. –Т. 11. –№ 3. –с. 67-82.

101) Стрельцов Д.В., Лукин А.Л. Российско-японские отношения через призму теории. Реализм, конструктивизм и двухуровневые игры // Международные процессы. –2017. –№ 2. –С. 44-63.

102) Торкунов А.В. Стрельцов Д.В. Колдунова Е.В. Российский поворот на Восток: Достижения, проблемы и перспективы // Полис. –2020. –№5. –С.8-21.

103) Тренин. И.В. Россия и страны СНГ: «взросление» отношений / под общ. Ред. И.С. Иванова. Внешняя политика Росии: 2000-2020. Москва: Издательство «Аспект Пресс», –2018. –С. 219.

104) Халифа-Заде М. Иран и Борьба за влияние на южном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. –2011. –№14(1). –С 1-13.

105) Ханалиев Н.У. Треугольник «Россия-Турция-Иран» в контексте стратегии США на Ближнем Востоке. // Вестник РУДН. Серия: Политология. –2019. –№21(1). –С. 66-77.

106) Харкевич М. В. Государства-изгои как образ “другого” в мировой политике // Полис. Политические исследования. –2009. –№ 4. –99-110.

107) Цыганков, П.А., Тернавой, Л.О. (ред.) Международные Отношения: теории, конфликты, движения, организации / коллектив авторов: под редакции П.А. Цыганков, Л.О. Терновой. – 4-е изд., перероб и доб. – Москва: КНОРУС, – 2019. – с. 342.

108) Шаклеина Т.А., Байков А.А. (ед.) Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в 21 веке / Под ред. Т.А. Шаклейной, А.А. Байкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», –2017. 448 с.

109) Шамарина О.А. Грузия в контексте турецкой политики «мягкой силы» на рубеже веков // Изв. Сарат. ун-та. Сер. История. Международные отношения. – 2020. –№20(2). –С. 231-236.

110) Шлыков П.В. Дискуссии о справедливом миропорядке в Турции // Сравнительная политика. –2019. –№4. –С 34-51.

111) Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции. // Сравнительная Политика. –2017. –№1. –С. 58-76.

112) Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции. // Сравнительная Политика. –2017. –№1. –С.58-76.

113) Шумилин А. И. США-Иран: между “максимальным давлением” и “героической гибкостью” / А. И. Шумилин // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64. – № 7. – С. 69-79.

114) Юрдакал, О. Инвестиционная политика Турции в Грузии после распада СССР // Российский внешнеэкономический вестник. –2021. –№7. –С.126-134.

115) Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана // Москва: Аспект Пресс. –2018. – С 160.

116) Ягья, В.С., Колесникова, М.А. «Три кита» турецкой политики в Африка // Сравнительная Политика. –2018; –№1. –С 37-59.

На английском языке

117) Abrahamian E. A History of Modern Iran. // Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

118) Akbarzadeh S., Conduit, D. Iran in the World: President Rouhani’s Foreign Policy. New York: Palgrave Macmillan, 2016.

119) Aktürk Ş. Turkish–Russian Relations after the Cold War (1992–2002) // Turkish Studies -2006. -No 7(3). -pp.337-364.

120) Allison R. Protective integration and security policy coordination: comparing the SCO and SCTO // The Chinese Journal Of International Politics. –2018. – pp. 297-338.

121) Aras B. Turkish Policy Toward Central Asia // SETA Policy Brief -No:12 -2008.

122) Aris S. The Shanghai Cooperation Organisation: 'Tackling the Three Evils'. A Regional Response to Non-Traditional Security Challenges or an Anti-Western Bloc? // Europe-Asia Studies -2009. -No62(3). -pp. 457-482.

123) Atai F., Azizi H. The Energy Factor in Iran-Turkmenistan Relations. // Iranian Studies, -2021. -No45(6). -Pp.745-758.

124) Ay S. Removal of Iran Sanctions: Is It Opportunity or Threat for Turkey? // Bilig, -2019. -No. 89. -pp. 95-119.

125) Ayar B. Turkish Iranian Competition in the South Caucasus and Central Asia // Journal of Central Asia and South Caucasus. – 2021. – T. 22. – № 4. – pp. 94-103.

126) Aydın M. Non-Traditional Security Threats and Regional Cooperation in the South Caucasus // Istanbul: IOS Press, -2010.

127) Aydın M. Turkey and central Asia: Challenges of Change // Central Asian Survey, -2007. -No15(2). -Pp. 157-177.

128) Baev P. Russia Outside the Security System // Russian Politics & Law, -2015. -No.53(4). -pp. 92-101.

129) Baghat G., Ehteshami, A. Defending Iran: From Revolutionary Guards to Ballistic Missiles // Cambridge: Cambridge University Press, -2021. P. 288.

130) Balcer A. "Between Appeasement and Rivalry: Turkey and Russia and their neighborhoods" // *Global Turkey in Europe* Nuova Cultura, Rome, -2015, p. 149.

131) Balci B, Liles, T. Turkey's comeback to Central Asia // Insight Turkey, -2015. -No.20(4) -c.11-26 .

132) Balta E. From Geopolitical Competition to Strategic Partnership: Turkey and Russia after the Cold War // Uluslararası İlişkiler, -2019. -No.63. -pp. 71-93.

133) Bashiriyeh H. Cleavages in Iranian Politics since 1979 // Milani, A.(ed) Politics and Culture in Contemporary Iran: Challanging the Status Quo. / Boulder: Lynne Rienner Publishers, -2015. p. 354.

134) Bashiriyeh H. The State and Revolution in Iran, 1962–1982. // New York: Croom Helm. -1984.-pp. 265.

135) Bayar T. Multiple Dualities: Seeking the Patterns in Iran's Foreign Policy //All Azimuth. -2021. -No8(1), -pp.34-57.

136) Belal K. China-Iran Relations: Prospects and Complexities // Policy Perspectives. - 2020. -No.17(2), p 53-74.

137) Bilgin P. Securing Turkey through western-oriented foreign policy // New Perspectives on Turkey, –2009. -pp.103-123.

138) Bilgin P., Bilgiç A. Turkey’s New Foreign Policy toward Eurasia // Eurasian Geography and Economics -2011. -No.52(2). -Pp.172-195.

139) Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity // Minneapolis: University of Minnesota Press, -1992.

140) Çelikpala M. From a failed state to a weak one? Georgia and Turkish-Georgian relations // The Turkish Yearbook, -2004. -No.36(1). -pp.159-199.

141) Chaziza M. The Impact of US sanctions on Iran’s engagement and integration in the Belt and Road Initiative // Digest of Middle East Studies. –2020 -No 29. -p 167-189.

142) Dabashi H. Iran: The Rebirth of a Nation // New York: Palgrave Macmillan, -201. p. 294.

143) Darden K.A. Russian Revanche // Daedalus. -2016. -No146(2). -Pp 128-141.

144) Dareini A.A. Iran’s Foreign Policy under Raisi // AlJazeera Center for Studies. -2021. -pp.1-14.

145) Deyermond D. The Collective Security Treaty Organization // Routledge Handbook of Russian Foreign Policy ed. By. A.Tsygankov / Routledge: New York, -2018. -pp. 502.

146) Entin M., Entina E. The New Role of Russia in the Greater Eurasia // Strategic Analysis, -2016. -No.40(6). -pp. 590-603.

147) Erşen E., Çelikpala M. Turkey and the changing energy geopolitics of Eurasia // Energy Policy, -2019. -pp. 584-592.

148) Ersen E., Kostem S. Turkey’s Interest in Closer Relations with Russia: Global, Regional and Domestic Dynamics // SİYASAL: Journal of Political Sciences, -2020. -No.29(2). -pp.231-245.

149) Fathollah-Nejad A. Iran in an Emerging New World Order // Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. – 481 p.

150) Fidan H. Turkish Foreign Policy Toward Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies, - 2010. -No.12. -P. 109-121.

151) Fierke K.M. Constructivisim //International Relations Theories 3rd Edition ed by Dunne, T. et all. / Oxford: Oxford University Press, -2013. – 440 p.

152) Finnemore M., Sikkink K. . International Norm Dynamics and Political Change. International Organization, -1998. 52(4), -pp. 887–917.

153) Flanagan S. The Turkey-Russia-Iran Nexus: Eurasian Power Dynamics // Washington Quarterly, -2013. -Pp. 163-178.

154) Fotiou E. “Caucasus Stability and Cooperation Platform”: What is at Stake for Regional Cooperation? // ICBSS Policy Brief, -2009. -No. 16. -pp.1-21.

155) Freire M.R. Shanghai Cooperation Organization // Routledge Handbook of Russian Foreign Policy ed by A. Tsygankov // Routledge: New York, -2018. pp. 440.

156) Haas M. Relations of Central Asia with the Shanghai Cooperation Organization and the Collective Security Treaty Organization // The Journal of Slavic Military Studies, -2017. -No.30:1, pp. 1-16.

157) Haji-Yousefi A.M. Iran’s Foreign Policy during Ahmedinejad: From Confrontation to Accomodation. // Alternatives: Turkish Journal of International Relations, -2010. -No.9(2). -Pp 1-23.

158) Hopf T. Making the Future Inevitable: Legitimizing, Naturalizing and Stabilizing. The Transition in Estonia, Ukraine and Uzbekistan // European Journal of International Relations, -2002. -No.8(3). -pp.403–436.

159) Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory // International Security, -1998. -No.23 (1). -Pp. 171-200.

160) Hurd I. Constructivism // Oxford Handbook of International Relations ed by D. Snidal, C. Reus-Smit / Oxford University Press, -2008.

161) İpek P. Ideas and Change in Foreign Policy Instruments: Soft Power and the Case of the Turkish International Cooperation and Development Agency // Foreign Policy Analysis. –2015. -No.11, p 173-193.

162) İpek P. The role of energy security in Turkish foreign policy (2004-2016) // Turkish Foreign Policy ed by G. Ercan / NY: Palgrave Macmillan, -2017.

163) Ismayilov M. Islamic Radicalism that never was: Islamic discourse as an extension of the elite’s quest for legitimation. Azerbaijan in focus // Journal of Eurasian Studies, -2019. -No.10(2). -pp.183–196.

164) Javadi-Arjmand M.J. Iran and Turkey in the South Caucasus: Competition and Cooperation // Journal of Iran and Central Asia Studies, -2018. -No.1. -pp. 15-31.

165) Jonathan N.G. Exporting Imperialism: Arms, Iran, and the Military-Industrial Complex, 1969–1979 // Diplomatic History, -2002. -No.46(2). -Pp. 320–348.

166) Kaczmarski M. Non-western visions of regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union // International Affairs. -2017. -No.91(6). -pp.1357-1376.

167) Kamrava M. Iranian Foreign and Security Policies in the Persian Gulf.// International Politics of the Persian Gulf ed by M. Kamrava / Syracuse: Syracuse University Press, -2011.

168) Kamrava M. The Great Game in West Asia: Iran, Turkey and the South Caucasus // Oxford: Oxford Univesity Press, -2016.

169) Karsh E. The Iran-Iraq War 1980-1988 // Oxford: Osprey Publishing,- 2002.

170) Katsumata H. Establishment of the ASEAN Regional Forum: constructing a 'talking shop'or a 'norm brewery'? // The Pacific Review, -2002. -No.19(2).-pp.1-21.

171) Katzenstein P. J. Regionalism in Comparative Perspective // Cooperation and Conflict, -1996. -No.31(2), -pp.123–159.

172) Kazantsev A. Medvedeva S., Safranchuk I. Between Russia and China: Central Asia in Greater Eurasia // Journal of Eurasian Studies, -2021. -No.12. -pp. 57-71.

173) Kazantsev A., Rutland P., Medvedeva S., Safranchuk I. Russia's policy in the "frozen conflicts" of the post-Soviet space: from ethno-politics to geopolitics // Caucasus Survey, -2020. -No.8(2). -pp. 142-162.

174) Keddie N.R. Modern Iran – Roots and Results of Revolution // New Haven&London: Routledge, 2006.

175) Kharkevich M.V. The Critical Experience of Russia in Global Governance // Russian Politics and Law, -2016. -No.54(5-6). -pp. 451-476.

176) Koldunova E. Eussia and Regional Institutions in the Asia-Pacific Region // Russian Politics and Law, -2016. -No.54(5-6). -pp.516-532.

177) Köstem S. When Can Idea Entrepreneurs Influence Foreign Policy? Explaining the rise of the “Turkic World” in Turkish Foreign Policy // Foreign Policy Analysis, -2016. -Pp. 1-22.

178) Köstem S. Russian-Turkish cooperation in Syria: geopolitical alignment with limits // Cambridge Review of International Affairs, -2020. pp. 1-23.

179) Kowert P. Toward a Constructivist Theory of Foreign Policy // Foreign Policy in a Constructed World ed by V. Kubálková / New York: ME Sharpe, 2001.

180) Kramer H. The EU-Turkey customs union: Economic integration amidst political turmoil // Mediterranean Politics, -1996. -No.1(1). -pp.60-75.

181) Krickovic A. The Symbiotic China-Russia Partnership: Cautious Riser and Desperate Challenger // The Chinese Journal of International Politics, -2017. -No.10(3). -pp. 299-329.

182) Lewis D.G. Geopolitical Imaginaries in Russian Foreign Policy: The Evolution of Greater Eurasia // Europe-Asia Studies, -2018. -No.70(10). -pp.1612-1637.

183) Libman A. Obydenkova A.V. Regional International Organizations as a strategy of autocracy: the Eurasian Economic Union and Russian Foreign Policy // International Affairs, -2018. -No.94(5). -pp.1042-1062.

184) Lukin A., Torkunov A. Trump’s Policies and the Sino-Russian Entente. // Survival: Global Politics and Strategy, -2020. -No.62(2). -pp. 27-36.

185) Maloney S. Iran's Political Economy Since the Revolution // New York: Cambridge University Press, 2015.

186) Mamedov R., Lukyanov G. Russia and Turkey: Approaches to Regional Security in the Middle East // Perceptions: Journal of International Affairs, -2018. -pp. 51-71.

187) Melville A. A Neoconservative Consensus in Russia // Russian Politics & Law, -2017. -No.55(4-5). -pp. 316-336.

188) Melville A. A Neoconservative Consensus in Russia: Main components, factors of stability, potential of erosion // Russian Social Science Review, - 2016. -No.61(3-4). -pp.220-235.

189) Messari, N. Identity and Foreign Policy in Foreign Policy in a Constructed World // London: Routledge, 2001.

190) Moazami B. State, Religion and Revolution in Iran, 1796 to the Present. / NY: Palgrave Macmillan, 2013.

191) Monshipouri M., Heiran-Nia, J. China's Iran Strategy: What is at stake? // Middle East Policy, 2020. -No.4. -pp. 151-172.

192) Morozov V., Rumelili B. The external constitution of European identity: Russia and Turkey as Europe-makers. // Cooperation and Conflict, -2012. -No.47(1). -pp. 28-48.

193) Mousavi H., Naeni A. Iran and Russia Pivot to the East: Was it US Pressure? // Middle East Policy, -2019. p. 109-131.

194) Neumann I. Self and other in International Relations // European Journal of International Relations, -1996. -No.2. -pp.139-174.

195) Noori V. Status-Seeking and Iranian Foreign Policy: The Speeches of the President at the United Nations // Iranian Review of Foreign Affairs -2012. -No.3(1). -pp. 131-169.

196) Nuruzzaman M. Why BRICS is no threat to the Post war liberal world order // International Studies, -2020. -No.57(1). -pp. 51-66.

197) Omelicheva M. Central Asia / Routledge Handbook of Russian Foreign Policy ed. by A. Tsygankov. Routledge:New York, –2018. pp. 321-334.

198) Onis Z., Kutlay M. The New Age of Hybridity and Clash of Norms: China, BRICS, and Challenges of Global Governance in a Postliberal International Order // Alternatives, -2020. -pp.123-142.

199) Öniş Z., Yılmaz Ş. Turkey and Russia in a shifting global order: cooperation, conflict and asymmetric interdependence in a turbulent region // Third World Quarterly, -2016. -No.37(1). -pp. 71-95.

200) Onuf N. G. World of our making: Rules and rule in social theory and international relations // Columbia, S.C: University of South Carolina Press, -1989.

201) Oran B. Turkish foreign policy, 1919-2006 // Salt Lake City, University of Utah Press, -2010.

202) Osiewicz P. Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran // New York:Routledge, -2021.

203) Özkan B. Turkey, Davutoglu and the Idea of Pan-Islamism // Survival Global Politics and Strategy, -2014. -No.56(4). -pp. 119-140.

204) Popescu N. The real, the imaginary, and the likely // European Union Institute For Security Studies, -2014. -pp. 45.

205) Przeczek S. Iran's Foreign Policy under President Rouhani: Pledges versus Reality // Ortadogu Analiz, -2013. -No57(5). -pp.1-21.

206) Ramazani K. R. Reflections on Iran's Foreign Policy: Spiritual Pragmatism // Iranian Review of Foreign Affairs, –2010. -No.1(1). -pp. 51-71.

207) Raszewski S.. Dichotomy of Energy Policies in the Caspian // Security in Shared Neighbourhoods ed by Piet, R., Simia, L. / London: Palgrave-MacMillan, –2016.

208) Razoux P. The Iran-Iraq War // Cambridge:Harvard University Press, 2015.

209) Reus-Smit C. Constructivism // Theories of International Relations ed by Burchill S. / New York: Palgrave McMillan, 2013.

210) Rezaei F. Iran's Foreign Policy After the Nuclear Agreement // Cham: Palgrave Macmillan 2019.

211) Romanova T. 'Russia's Neorevisionist Challenge to the Liberal International Order' //The International Spectator, -2018. -No.53(1). -pp.76-91.

212) Rubinstein A.Z., Smolansky O.M. Regional Power Rivalries in the New Eurasia: Russia, Turkey and Iran // NY: Routledge, 1995.

213) Ruggie J.G. What Makes the World Hang Together? Neo-utilitarianism and the Social Constructivist Challange. // International Organization, -1998. -No.52(4). -pp.855-885.

214) Rüma, İ., Çelikpala M. Russian and Turkish Foreign Policy activism in the Syrian Theater // Uluslararası İliskiler Dergisi, -2019. -No.16(62). -pp. 65-84.

215) Safranchuk, I. Foreign Economic and Security Interests in Russia in a Reconnecting Eurasia. // Center for Strategic and International Studies CSIS, -2016.

216) Sakwa, R. Russia Against the Rest: The Post-Cold War Crisis of World Order // Cambridge: Cambridge University Press, -2017.

217) Sergunin, A. Explaining Russian Foreign Policy Behavior – Theory and Practice. ibidiem:Stuggart, -2016. -160 p.

218) Shlykov P. Russian-Turkish Relations in the Wider Black Sea Region: Cooperation and Competition // Perceptions, -2018. -No.23(2). -pp. 93-116.

219) Souleimanov E., Ditrych O. Iran and Azerbaijan: A Contested Neighborhood // Middle East Policy, -2007. -No.14(1). -pp.101-116.

220) Suchkov M. The Caucasus // Routledge Handbook of Russian Foreign Policy ed. by. A. Tsygankov // Routledge: New York, -2018.

221) Takeyh R. Guardians of the Revolution - Iran and the World in the Age of the Ayatollahs // New York: Oxford University Press, 2009.

222) The International Institute for Strategy. The Military Balance 2021 // Routledge:New York, -2021.

223) Troitskiy M. Power, Status and Entanglement: Russia's Evolving Approach to Multilateral Institutions // Russian Politics and Law, -2016. -No.54(5-6). -pp. 415-420.

224) Tsygankov A.P. Russian Foreign Policy // Rowman&Littlefield:Lanham, -2016.

225) Unaldilar-Kocamaz S. The rise of new powers in world politics // Uluslararası İliskiler, -2019. -No.61(16). -pp.127-141.

226) Weaver O. The Rise and Fall of the Inter-Paradigm Debate. // International Theory: Positivism and Beyond ed. by S. Smith, K. Booth, M. Zakerski. / Cambridge: Cambridge University Press, 1996. -P.145-185.

227) Weber C. International Relations Theory A Critical Introduction 3rd ed. // New York: Routledge, -2010.

228) Wendt A. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics // International Organization, -1992. -No.46(2). -pp.391-425.

229) Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // American Political Science Review, -1994. -No.88(2). -p.384-396.

230) Wendt A. Constructing International Politics // International Security, -1995. -No.20(1). -pp.71-81.

231) Wendt A. Social Theory as Cartesian science. in Guzzini, S.; Leander, A. Constructivism in International Relations – Wendt and his critics. New York: Routledge, 2006. p. 182.

232) Wendt A. Social Theory of International Politics //Cambridge: Cambridge University Press, -1999.

233) Wheeler T. Turkey’s role and interests in Central Asia // Safeworld Policy Brief, 2013.

234) Yanık L. K. Debating Eurasia: Political Travels of a Geographical Concept in Turkey // Uluslararasi İliskiler, 2019. -No.16(3). -pp. 33-50

235) Yükselen H. Strategy and Strategic Discourse in Turkish Foreign Policy // – Palgrave MacMillan, 2020. 223 P.

На турецком языке

236) Bora T. Cereyanlar: Türkiye’de Siyasi İdeolojiler [Тренды: Политические идеологии в Турции]. İstanbul: İletişim, 2017.

237) Çelikpala M. Rekabet ve İşbirliği İkileminde Yönünü Arayan Türk-Rus İlişkileri [Турецко-российские отношения ищут направление в дилемме конкуренции и сотрудничества] // Bilig , -2015. -No.72. -pp. 117-144.

238) Davutoğlu A. Medeniyetlerin Ben-idrâki [Самосознание цивилизаций] // Divan, -1997. -No.3(1). -pp. 1-53.

239) Davutoğlu A. Stratejik Derinlik [Стратегическая глубина]. İstanbul: Küre, 2001.

240) Demirtaş B. İnşacılık [конструкционизм] // Uluslararası İlişkiler Teorileri [Теории международных отношений] ed by Kardaş Ş., Balcı A. / İstanbul: Küre Yayınları, 2013. p. 160-174.

241) Karymbaeva Z. Türkiye'nin Büyük Öğrenci Projesi Orta Asya Cumhuriyetleri [Большой студенческий проект Турции - Республики Центральной Азии] // İstanbul:UDEF, -2018.

242) Oran B. Türk Dış Politikası [внешняя политика Турции](В трех томах) // İstanbul: İletişim, 2013.

243) Örmeci O. Türk-Amerikan İlişkilerinde 8 Büyük Kriz [8 крупных кризисов в турецко-американских отношениях] // IJEASS Dergisi -2019. -No.3(2). -Pp. 63-84.

244) Polatoğlu M. G. Türkiye ile Sovyet Sosyalist Cumhuriyetler Birliği arasında 1965-1975 döneminde gerçekleştirilen ekonomik işbirliği ve karşılıklı yatırımlar [Экономическое сотрудничество и взаимные инвестиции между Турцией и Союзом Советских Социалистических Республик в период 1965-1975 гг.] // Journal of Turkish Researches Institute, -2019. -No.65. -pp. 477-496.

245) Sağıroğlu A. Z. Türkiye'nin değişen göç karakteri [Изменение миграционного характера Турции] // Sosyoloji Divanı, -2015. -No. 3(6). pp. 1-13.

246) Tellal E. Türk Dış Politikası'nda Avrasya Seçeneği [Евразийский вариант во внешней политике Турции] // Uluslararası İlişkiler,-2005. -No.2(5). -pp. 49–70.

Интернет-ресурсы:

На русском языке

247) Армения и Турция сблизились до Москвы [Электронный ресурс] // Коммерсантъ – 14.01.2022. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5170334. (дата обращения: 23.02.2022).

248) Багджи Х. У Турции нет друзей, а есть интересы»: что стоит за разворотом Эрдогана? [Электронный ресурс] // Валдай, –2016. – Режим доступа: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/u-turtsii-net-druzey-a-est-interesy/ (дата обращения: 18.02.2021).

249) Бутырина Н. Порт Актау: вектор отправки грузов – Турция [Электронный ресурс] // K*aspiiskiy Vestnik* – 08 02.2021 – Режим доступа: http://casp-geo.ru/port-aktau-vektor-otpravki-gruzov-turtsiya/?mc_cid=9baa454575], (дата обращения: 16.03.2022)

250) Владимир Путин: Безопасность в мире можно обеспечить только вместе с Россией [Электронный ресурс] // Российская Газета –26.02.2012. –Режим доступа: https://rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html (дата обращения: 15.04.2022).

251) Вместе - против угроз [Электронный ресурс] // Российская Газета – 2020. –Режим доступа: https://rg.ru/2020/10/16/rossiia-i-kazahstan-podpisali-dogovor-o-voennom-sotrudnichestve.html (дата обращения: 14.03.2022).

252) Все Российские базы. [Электронный ресурс] // Коммерсантъ – 21.05.2007. –Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/766827 (дата обращения: 12.03.2022).

253) Гуревич В. С., Колесников А. В. Мониторинг экономической ситуации в России [Электронный ресурс] // Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) – Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News/2019-07/22-07-2019-monitoring.pdf (дата обращения: 19.02.2022).

254) Даже роль Турции в Ливии пытались оправдать националистическим объяснением [Электронный ресурс] // РИА Новости –22.12.2019. – Режим доступа: https://ria.ru/20191222/1562696046.html (дата обращения: 15.08.2021).

255) Дружба и споры: история "Достлуг" [Электронный ресурс] // Спутник Азербайджан –06.03.2021. – Режим доступа: https://az.sputniknews.ru/20210603/Druzhba-i-spory-istoriya-Dostlug-427120713.html (дата обращения: 16.04.2022).

256) Евразийский экономический союз становится невыгодным для Киргизии [Электронный ресурс] // Независимая Газета –17.02.2022. –Режим доступа: https://www.ng.ru/cis/2022-02-17/1_8375_kyrgyzstan.html (дата обращения: 28.03.2022).

257) Иран запустил производство беспилотнков в Таджикистане [Электронный ресурс] // Газета.ру –19.05.2022. – Режим доступа: https://m.gazeta.ru/army/news/2022/05/19/17769650.shtml . (дата обращения: 28.05.2022).

258) Иран стал полноправным членом ШОС [Электронный ресурс] // Интерфакс –17.09.2021. –Режим доступа: https://www.interfax.ru/world/791914. (дата обращения: 04.01.2022).

259) Как поделить море. Рассказываем про документ, призванный положить конец спорам на Каспии [Электронный ресурс] // ТАСС – 01.10.2019. –Режим доступа: https://tass.ru/politika/6949435. (дата обращения: 28.01.2022).

260) Караганов С. Евразийский выход из европейского кризиса [Электронный ресурс] // Россия в Глобальной Политике –2019. –Режим доступа: https://globalaffairs.ru/articles/evroaziatskij-vyhod-iz-evropejskogo-krizisa-2. (дата обращения: 14.05.2022).

261) Караганов С., Макаров И. Российский поворот на восток // Россия в глобальной политике. –2017. –Режим доступа: https://globalaffairs.ru/articles/rossijskij-povorot-na-vostok/ (дата обращения: 08.11.2021).

262) Кортунов А. Кто будет строить новый миропорядок? [Электронный ресурс] // РСМД –2019. –Режим доступа: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/who-will-build-the-new-world-order/ (дата обращения: 15.04.2022).

263) Кортунов А. Крепость или бункер [Электронный ресурс] // РСМД – 2020. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krepost-ili-bunker/ (дата обращения: 07.01.2021).

264) Лукойл выразил желание стать оператором Достлука на Каспии (2021) [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://neftegaz.ru/news/dobycha/697692-p-shakhbazov-lukoyl-vyrazil-zhelanie-stat-operatorom-dostluka-na-kaspii- (дата обращения: 28.01.2022).

265) Лукьянов Ф. В тени советского статуса. Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс] // Ведомости –2017. –Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/01/30/675313-v-teni-sovetskogo (дата обращения: 21.02.2022.

266) Месамед В.И. Иран и участие центральноазиатских государств в ЭКО [Электронный ресурс] // ИИМЕС –07.05.2008. Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=7129 . (дата обращения: 15.05.2022).

267) Месамед В.И. Особенности ирано-таджикистанского сотрудничества [Электронный ресурс] // ИИМЕС –10.11.2010– Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=11658 (дата обращения: 28.04.2022).

268) Мосбиржа проводит консультации с биржевой инфраструктурой Ирана [Электронный ресурс] // ТАСС –19.04.2022. –Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/14414709 (дата обращения: 29.04.2022).

269) Назарбаев подписал указ о переводе казахского языка на латиницу [Электронный ресурс] // Ведомости –27.10.2017. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/10/27/739615-nazarbaev-latinitsu (дата обращения: 13.03.2022).

270) ОДКБ объявила о завершении миротворческой миссии в Казахстане. [Электронный ресурс] // Interfax –13.01.2022 – Режим доступа: https://www.interfax.ru/world/815218 (дата обращения: 17.03.2022).

271) Окунев И. Геополитические коды России — внешнеполитическая стратегия и националные приоритеты [Электронный ресурс] // РСМД –27.02.2020. // – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/geopoliticheskie-kody-rossii-vneshnepoliticheskaya-strategiya-i-natsionalnye-prioritety/ (дата обращения: 14.05.2022).

272) Портякова Н. Перезагрузка отношений США и России не отменила разногласий [Электронный ресурс] // Ведомости –30.12.2009. –Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2009/12/30/perezagruzka-otnoshenij-ssha-i-rossii-ne-otmenila-raznoglasij. (дата обращения: 10.05.2022).

273) Почему в Карабахе нет миротворцев ОДКБ [Электронный ресурс] // Независимая Газета –11.17.2020. –Режим доступа: https://www.ng.ru/armies/2020-11-17/1_8016_karabakh.html (дата обращения: 19.02.2022).

274) Президенты Эрдоган и Алиев в Шуше подписали декларацию о союзничестве [Электронный ресурс] // Би-Би-Си –2021. –Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/news-57481382 (дата обращения: 13.01.2022).

275) Причтин С. Каспийский переговорный полумарафон завершен [Электронный ресурс] // РСМД. 13.08.2018. –Режим доступа:

https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kaspiyskiy-peregovornyy-polumarofon-zavershen/. (дата обращения: 01.05.2022).

276) Путин и Жапаров запустили золоторудный комбинат на месторождении Джеруй в Киргизии [Электронный ресурс] // ТАСС –17.02.2021 – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/10927335 (дата обращения: 19.11.2021).

277) Россия и Азербайджан подписали Декларацию о союзническом взаимодействии. [Электронный ресурс] // Российская Газета.–22.02.2022. –Режим доступа: https://rg.ru/2022/02/22/rossiia-i-azerbajdzhan-podpisali-deklaraciiu-o-soiuznicheskom-vzaimodejstvii.html (дата обращения: 21.04.2022).

278) Россия списала долг Киргизии на 240 миллионов долларов [Электронный ресурс] // РИА Новости –05.03.2017. –Режим доступа: https://ria.ru/20170503/1493572320.html (дата обращения: 16.01.2022).

279) Семь месяцев в ссоре: сколько Россия и Турция потеряли на конфликте [Электронный ресурс] // РБК –28.06.2016. –Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/28/06/2016/577157b89a7947239346aba3. (дата обращения: 14.11.2021).

280) Смагин Н. Торговля Ирана с ЕАЭС и перспективы ее развития [Электронный ресурс] // РСМД –2021. –Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/torgovlya-irana-s-eaes-i-perspektivy-ee-razvitiya (дата обращения: 21.01.2022).

281) СМИ рассказали о позволившей помирить Эрдогана и Путина тайной дипломатии [Электронный ресурс] // РБК– 09.08.2016. –Режим доступа: URL: https://www.rbc.ru/politics/09/08/2016/57a9accc9a794701f213b0ac. (дата обращения: 09.01.2022).

282) Страны СНГ лишатся переводов гастарбайтеров на 30 миллиардов долларов (2020) Независимая Газета. [Электронный ресурс] // Независимая Газета – 04.05.2020. – Режим доступа: https://www.ng.ru/economics/2020-04-05/1_7835_migrants.html (дата обращения: 19.12.2021).

283) Тимофеев И. Новая анархия? Сценарии динамики мирового порядка [Электронный ресурс] // РСИД –2019. –Режим доступа:

https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-anarkhiya-stsenarii-dinamiki-mirovogo-poryadka/. (дата обращения: 13.01.2022).

284) Тимофеев И. Новая предсказуемость России. [Электронный ресурс] // РСМД –2015. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-predskazuemost-rossii/ (дата обращения: 10.12.2021).

285) Торговля в России [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики – Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b21_58/Main.htm (дата обращения: 28.01.2022).

286) Эрдоган в письме Путину извинился перед ним по-русски [Электронный ресурс] // РБК –09.08.2016. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/57a9b79b9a79474ff7ff7f9c?xtor=AL-%5Binternal_traffic%5D--%5Brss.rbc.ru%5D-%5Btop_stories%5D (дата обращения: 17.04.2022).

На английском языке

287) [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://wits.worldbank.org/Default.aspx?lang=en (дата обращения: 28.01.2022).

288) [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://www.aa.com.tr/en/world/iran-azerbaijan-turkmenistan-sign-gas-swap-deal/2433201. (дата обращения: 28.01.2022).

289) About KAE [Электронный ресурс] // KAE – Режим доступа: [https://www.kae.com.kz/en/about-company.html], (дата обращения: 13.06.2022).

290) Bad News For Russia, As Gas From Azerbaijan Now Flows To Western Europe (2020) [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://www.forbes.com/sites/arielcohen/2021/01/06/azeri-gas-reaches-europe-through-the-southern-gas-corridor/?sh=26e0a19940e4 (дата обращения: 17.01.2022).

291) Bijan A. 20-year Cooperation Treaty between Iran and Russia // RIAC. 22.07.2021. [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/en/blogs/abijan/20year-cooperation-treaty-between-iran-and-russia-bilateral-strategic-/ (дата обращения: 28.01.2022).

292) Celik S. The End of a Détente: Turkish-Iranian Relations after the Iranian Presidential Elections [Электронный ресурс] // FES –10.06.2020. Режим доступа: https://www.fes.de/en/referat-naher-mittlerer-osten-und-nordafrika/iran-elections/artikelseite-iranelections/das-ende-der-entspannung-die-tuerkisch-iranischen-beziehungen-nach-den-iranischen-praesidentschaftswahlen (дата обращения: 19.02.2022).

293) Ciddi S. Opportunities for the United States in the Turkish-Iranian Rivalry [Электронный ресурс] // Newlines -16.03.2021 – Режим доступа: https://newlinesinstitute.org/turkey/opportunities-for-the-united-states-in-the-turkish-iranian-rivalry/ (дата обращения: 21.03.2022).

294) Dag B. Aliyev J. Turkey condemns killing of Iranian nuclear scientist [Электронный ресурс] // Anadolu Agency –29.10.2020. –Режим доступа: https://www.aa.com.tr/en/middle-east/turkey-condemns-killing-of-iranian-nuclear-scientist/2059329, (дата обращения: 14.10.2021).

295) Emerging Suppliers In The Global Arms Trade [Электронный ресурс] // SIPRI –2013. – Режим доступа: [https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-12/sipriinsight2013_emerging_suppliers.pdf], (дата обращения: 13.06.2022)

296) Erkul N.TAP opens commercial gas flow from Azerbaijan to Europe [Электронный ресурс] // Anadolu Agency –31.12.2020. –Режим доступа: https://www.aa.com.tr/en/energy/natural-gas/tap-opens-commercial-gas-flow-from-azerbaijan-to-europe/31469. (дата обращения: 19.03.2022).

297) Hafezi P. Turkey, Brazil seal deal on Iran nuclear fuel swap [Электронный ресурс] // Reuters -16.05.2010. – Режим доступа: https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-deal-idUSTRE64F29P20100516. (дата обращения: 27.03.2022).

298) Indeo F. Settling the Caspian Issue and Realizing the Trans-Caspian Energy Corridor [Электронный ресурс] // The Diplomat -07.10.2018,– Режим доступа: https://thediplomat.com/2018/07/settling-the-caspian-issue-and-realizing-the-trans-caspian-energy-corridor/ . (дата обращения: 29.01.2022).

299) Iran army holds drill near Azerbaijan border amid tensions. [Электронный ресурс] // Al Jazeera. –10.01.2021. – Режим доступа:

https://www.aljazeera.com/news/2021/10/1/iran-army-holds-drill-near-azerbaijan-border-amid-tensions (дата обращения: 10.11.2021).

300) Iran pulls Azeri ambassador over song festival. [Электронный ресурс] // Times of Israel. –23.05.2012. –Режим доступа: https://www.timesofisrael.com/iran-pulls-azeri-ambassador/ (дата обращения: 17.03.2022).

301) Iran, Uzbekistan to make use of Chabahar potential [Электронный ресурс] // Tehran Times –23.05.2022. Режим доступа: https://www.tehrantimes.com/news/472918/Iran-Uzbekistan-to-make-use-of-Chabahar-potential . (дата обращения: 28.05.2022).

302) Iran's Foreign Minister, in Leaked Tape, Says Revolutionary Guards Set Policies. [Электронный ресурс] // New York Times. –25.04.2021. –Режим доступа: https://www.nytimes.com/2021/04/25/world/middleeast/iran-suleimani-zarif.html (дата обращения: 13.03.2022).

303) Iranian sniper posts provocative photo taking aim at Azerbaijani President Aliyev [Электронный ресурс] // Daily Sabah. –19.11.2020. Режим доступа: https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/iranian-sniper-posts-provocative-photo-taking-aim-at-azerbaijani-president-aliyev (дата обращения: 13.01.2022).

304) Jalilov O. Turkey expresses readiness to deliver gas from Turkmenistan to Europe [Электронный ресурс] // Caspian News –27.02.2021 – Режим доступа: https://caspiannews.com/news-detail/turkey-expresses-readiness-to-deliver-gas-from-turkmenistan-to-europe-2021-2-27-0/ (дата обращения: 13.02.2022).

305) Milani M. Hostage Crisis. [Электронный ресурс] // Encyclopaedie Iranica XII/5 -2012 –Режим доступа: http://www.iranicaonline.org/articles/hostage-crisis. (дата обращения: 13.03.2022).

306) Military Expenditure Database. [Электронный ресурс] // SIPRI -2021 – Режим доступа: https://www.sipri.org/databases/milex (дата обращения: 16.01.2022).

307) Motamedi M. Putin and Raisi back closer ties in Kremlin meeting. [Электронный ресурс] // Al-Jazeera –19.01.2021. –Режим доступа: https://www.aljazeera.com/news/2022/1/19/russia-iran-putin-and-raisi-back-closer-ties-in-kremlin-meeting (дата обращения: 17.04.2022).

308) Motamedi M. What Iran's membership of Shanghai Cooperation Organization means. [Электронный ресурс] // Al Jazeera. –19.09.2021. –Режим доступа: https://www.aljazeera.com/news/2021/9/19/iran-shanghai-cooperation-organisation (дата обращения: 18.03.2022).

309) Russia, Turkey Open Joint Military Center in Azerbaijan. [Электронный ресурс] // The Moscow Times – Режим доступа: URL: https://www.themoscowtimes.com/2021/02/03/russia-turkey-open-joint-military-center-in-azerbaijan-a72818. (дата обращения: 13.04.2022).

310) Rzayeva G. "Gas Supply Changes in Turkey. [Электронный ресурс] // The Oxford Institute for Energy Studies –2018. –Режим доступа: https://www.oxfordenergy.org/publications/gas-supply-changes-turkey/. (дата обращения: 09.02.2022).

311) Sariolghalam M. Prospects for Change in Iranian Foreign Policy // Carnegie -20.02.2018. -Режим доступа: https://carnegieendowment.org/2018/02/20/prospects-for-change-in-iranian-foreign-policy-pub-75569 (дата обращения: 19.01.2022).

312) SIPRI. Military expenditure by country as percentage of gross domestic product, 1988-2020. [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988–2020%20as%20a%20share%20of%20GDP%20%28pdf%29.pdf (дата обращения: 28.01.2022).

313) TASS. Russia's cooperation with Iran is protected against sanctions by US guarantees. [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://tass.com/politics/1422407 (дата обращения: 28.01.2022).

314) The Observatory of Economic Complexity [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://oec.world/en/ (дата обращения: 28.01.2022).

315) Trenin D. "Moscow's new rules," *Carnegie Center Moscow*, 12 November, 2020, [Электронный ресурс] // – Режим доступа: [https://carnegiemoscow.org/commentary/83208], (дата обращения: 26.01.2022).10 September, 2021.

316) Trenin D. Russia and Europe [Электронный ресурс] // Карнеги –2021. – Режим доступа: https://carnegie.ru/commentary/83905 (дата обращения: 16.01.2022).

317) Turkey and Iran agree on transit truck fee [Электронный ресурс] // Anadolu Agency –17.10.2014. –Режим доступа: https://www.aa.com.tr/en/economy/turkey-and-iran-agree-on-transit-truck-fee/100649. (дата обращения: 28.01.2022).

318) Turkey Donates Military Equipment to Georgian Army. [Электронный ресурс] // Anadolu Agency – Режим доступа: https://www.aa.com.tr/en/turkey/turkey-donates-military-equipment-to-georgian-army/2121093. (дата обращения: 18.02.2022).

319) Turkey trade balance, exports and imports by country 2019 [Электронный ресурс] // World Bank – Режим доступа: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/TUR/Year/2019/TradeFlow/EXPIMP/Partner/by-country (дата обращения: 17.05.2022).

320) Turkish minister says U.S. behind 2016 failed coup. [Электронный ресурс] // Reuters – 04.02.2021. –Режим доступа: URL: https://www.reuters.com/article/turkey-security-usa-int-idUSKBN2A41NF (дата обращения: 28.01.2022).

321) Turkish, Uzbek defense ministers sign military agreement, underline further defense cooperation," 27 October, 2020 [Электронный ресурс] // Daily Sabah – 27.10.2020. –Режим доступа: https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkish-uzbek-defense-ministers-sign-military-agreement-underline-further-defense-cooperation. (дата обращения: 15.05.2022).

322) Who is benefiting from Russian-Turkish patrols in northwest Syria? [Электронный ресурс] // Al Monitor – Режим доступа: https://www.al-monitor.com/originals/2020/08/syria-idlib-russia-turkey-patrols-attacks-security-chaos.html. (дата обращения: 29.01.2022).

323) Yezdani I. Iran will not sell fuel to Turkish trucks upon Turkey's new plan, says Iranian envoy [Электронный ресурс] // Hurriyet Daily News –29.10.2014. –Режим доступа: https://www.hurriyetdailynews.com/iran-will-not-sell-fuel-to-turkish-trucks-upon-turkeys-new-plan-says-iranian-envoy--73592 (дата обращения: 16.03.2022).

На турецком языке

324) Batum Havalimanı İç Hat Oldu [Аэропорт Батума стал внутренним аэропортом] [Электронный ресурс] // CNN Türk –29.05.2007. –Режим доступа: https://www.cnnturk.com/2007/ekonomi/genel/05/29/batum.havalimani.ic.hat.oldu/353976.0/index.html. (дата обращения: 19.12.2021).

325) Doğal Gaz Bulundu: Karadeniz'deki gaz keşfi Türkiye'yi Nasıl Etkiler? [Обнаружен природный газ: Как новый источник природного газа повлияет на Турцию?] [Электронный ресурс] // BBC Türkçe –22.08.2020. –Режим доступа: https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-53868045. (дата обращения: 16.11.2021).

326) Gul G.S. Türkmenistan'a TIR'lar artık İran'dan değil, Hazar'dan gidiyor [Грузовики в Туркменистан идут через Каспий, но не через Иран.] [Электронный ресурс] // Dünya –25.01.2015. – Режим доступа: https://www.dunya.com/gundem/turkmenistana-tirlar-artik-irandan-degil-hazardan-gidiyor-haberi-269418. (дата обращения: 13.08.2021).

327) Kırgızistan Bayraktar TB2 IHA'larını İlk Kez Tatbikatta Kullandı [Кыргызстан впервые использовал беспилотники Bayraktar TB2 в военных учениях] [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://tr.sputniknews.com/20220331/kirgizistan-bayraktar-tb2-ihalarini-ilk-kez-tatbikatta-kullandi-1055207582.html (дата обращения: 28.01.2022).

328) Metropol anketi: Türkiye dış ilişkilerinde Rusya ve Çin'e öncelik vermelidir diyenler yüzde 39.4 [Опрос Metropol: 39,4 процента считают, что Турция должна отдавать приоритет России и Китаю в своих внешних отношениях] [Электронный ресурс] // Sputnik Türkiye. – Режим доступа: https://tr.sputniknews.com/20220122/metropol-anketi-turkiye-dis-iliskilerinde-rusya-ve-cine-oncelik-vermelidir-diyenler-yuzde-394-1053017774.html. (дата обращения: 18.02.2022).

329) Savunma ve Havacılıkta Yeni İhracat Rekoru [Новый рекорд в экспорте оборонной и аэрокосмической промышленности] [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://www.trthaber.com/haber/ekonomi/savunma-ve-havacilikta-yeni-ihracat-rekoru-632505.html (дата обращения: 19.01.2022).

330) Türk Havacılık ve Uzay Sanayii Anka İçin Kazakistan İle Yeni Bir Üretim Üssü İçin İmza Attı. [Turkish Aerospace Industries подписала соглашение с Казахстаном о производстве беспилотников Anka] [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://www.tusas.com/medya-merkezi/haberler/turk-havacilik-ve-uzay-sanayii-anka-icin-kazakistan-ile-yeni-bir-uretim-ussu-icin-imza-atti (дата обращения: 13.03.2022).

331) Türkiye-Özbekistan İlişkilerinde Yeni Dönem [Новая эра в турецко-узбекских отношениях] [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı– Режим доступа: https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/turkiye-ozbekistan-iliskilerinde-yeni-donem/144188 (дата обращения: 15.01.2022).

На персидском языке

332) [امکان عضویت کامل ایران در سازمان شانگهای در سال ۲۰۲۳] [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://www.irna.ir/news/84755337/-امکان-عضویت-کامل-ایران-در-سازمان-شانگهای-در-سال-۲۰۲۳ (дата обращения: 18.04.2022).

333) [چرا استقبال جهانی از نظریه گفتگوی تمدن ها ادامه نیافت؟] [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://www.bbc.com/persian/interactivity/guest/story/2004/09/040927_shr_dialogue . (дата обращения: 28.01.2022).

334) [سازمان فرهنگی، هنری کشورهای فارسی‌زبان تشکیل شد] [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://www.mehrnews.com/news/2049409/-سازمان-فرهنگی-هنری-کشورهای-فارسی-زبان-تشکیل-شد (дата обращения: 16.04.2022).

335) [عضویت دائم ایران در شانگهای؛ لزوم تسریع در فرآیندهای تصویب] [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://www.irna.ir/news/84626820/-عضویت-دائم-ایران-در-شانگهای-لزوم-تسریع-در-فرآیندهای-تصویب. (дата обращения: 19.04.2022).